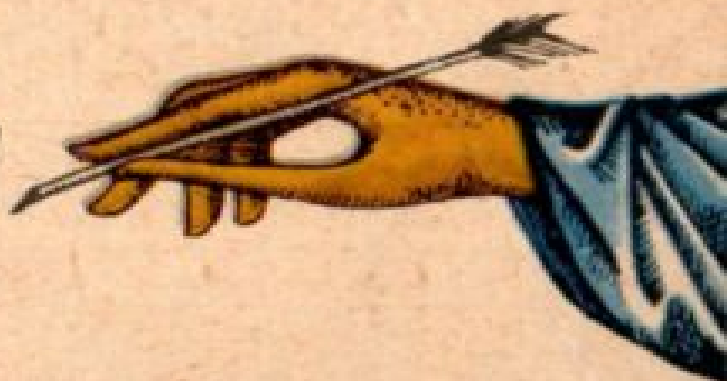

В. Прокофьев

РЕДН

Свидетелей

Прошлого

Annotation

На страницах этой книги, в заголовках ее все время будут встречаться слова «архив», «архивы». Но это книга не только об архивах. Она рассказывает о тех, кто трудится в них, ищет, творит. И прежде всего — об исследователях-историках. Все, о чем здесь ведется речь, добыто трудом многих русских и советских ученых. Автор же выступает только как рассказчик, знающий цену этой большой работе. Рассказывать о прошлом, о свидетелях его можно бесконечно. Поэтому многие наши замечательные ученые в этой книге только названы, о других сказано немного, а некоторые исследователи и попросту не упомянуты. Дела каждого из них заслуживают отдельной книги.

- [Вадим Прокофьев](#)
  -
  - [СЛЕДОВАТЕЛИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ](#)
    - [БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ](#)
    - [ЗАТЕНЕННЫЕ ОКНА](#)
    - [ДАТА, ГЛАВНОЕ — ДАТА!](#)
    - [ПЯТЬСОТ СТРАНИЦ БРАТЬЕВ ДЕНИСОВЫХ](#)
  - [ЧЕРЕЗ ПОРОГИ](#)
    - [РЕКИ ТЕКУТ В МОРЯ](#)
    - [ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ](#)
    - [ЧЕРНЫЕ ПОРТФЕЛИ](#)
    - [МЫСЛЬ БЕССМЕРТНА](#)
    - [ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО](#)
    - [ПОДАРОК СИНЬОРЕ АЛЕКСАНДРИНЕ](#)
    - [ЗАШИТОЕ В ЦЕЛЛОФАН](#)
    - [НА КНИЖНЫХ РАЗВАЛАХ](#)
    - [ПОСЛЕДНИМ САМОЛЕТОМ](#)
    - [ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ](#)

- ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ
  - ТАЙНА ИГРАЛЬНЫХ КАРТ
  - ПЛАТЬЕ АЭРОСТАТА
  - НИ ПЫЛИ, НИ МЫШЕЯДИ
    - ИХ ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ
    - И ЗДЕСЬ НЕ БЕЗ ХИМИИ
    - СТРАННЫЕ НА ВИД МАШИНЫ
  - МАСТЕРА ПОДДЕЛЫВАТЬСЯ ПОД ЧУЖИЕ ПОЧЕРКИ
    - КТО ПРИЗВАЛ ВАРЯГОВ?
    - ПРОДАВЕЦ МИНУВШЕГО
    - ДВА ПОДЛИННИКА ОДНОГО ДОКУМЕНТА
    - РАЗОБЛАЧЕННАЯ ФАЛЬШИВКА
    - ОН РОДИЛСЯ КОНСПИРАТОРОМ
    - НЕВРУЧЕННОЕ ПИСЬМО
    - В ЖАНДАРМСКИХ СЕТЯХ
    - ЛОГИКА РЕВОЛЮЦИОНЕРА
    - НЕОБЫЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА
    - «ЧТОБ ИЗЪЯТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ЖИВЫХ»
    - ЭТО ЛИ ЗАВЕЩАЛ ПЕТР I?
  - ЗАЙДЕМТЕ В АРХИВ
    - ЛИСТАЯ КНИГИ И ГАЗЕТЫ
    - КЛЮЧ К ШИФРУ НАЙДЕН!
    - ЗА МУДРЫМ СОВЕТОМ
    - ОН МЫСЛИЛ КАК ИСТОРИК
    - «В ТРУДАХ ОТ ЮНОСТИ МОЕЙ...»
    - РАССКАЗЫВАЮТ ГЕРБЫ
    - НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ УБИЙСТВО?
    - ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОШИБКИ
    - СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ ЗНАЛ ПУГАЧЕВ?
    - ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
    - ЧЕГО НЕТ В БИОГРАФИЯХ ПИСАТЕЛЯ
    - СТРАНИЧКА ВЕЛИКОЙ ЛЕТОПИСИ
    - ПОД НЕБОМ ТУРКЕСТАНА
    - ГДЕ ЖЕ ЗАЛЕЖИ СЛЮДЫ?
    - ЭНЕРГЕТИКИ НАВОДЯТ СПРАВКИ
-

Вадим Прокофьев
СРЕДИ СВИДЕТЕЛЕЙ
ПРОШЛОГО

ВАДИМ ПРОКОФЬЕВ

**свидетелей
прошлого**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1964

РОТ АВТОРА

На страницах этой книги, в заголовках ее все время будут встречаться слова «архив», «архивы». Но это книга не только об архивах. Она рассказывает о тех, кто трудится в них, ищет, творит. И прежде всего — об исследователях-историках.

Все, о чем здесь ведется речь, добыто трудом многих русских и советских ученых. Автор же выступает только как рассказчик, знающий цену этой большой работе. Рассказывать о прошлом, о свидетелях его можно бесконечно.

Поэтому многие наши замечательные ученые в этой книге только названы, о других сказано немного, а некоторые исследователи и попросту не упомянуты. Дела каждого из них заслуживают отдельной книги.

СЛЕДОВАТЕЛИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

ише, не нужно шуметь. И расспрашивать тоже. Ведь это криминалистическая лаборатория. Их несколько в нашей стране, и мы находимся в одной из них.

Там, в углу, научный сотрудник рассматривает что-то, напоминающее слепки. Наверное, отпечатки следов преступника. Слепки сделаны из вязкой пасты, а раньше их отливали из гипса. Рядом за столом женщина в халате и с лупой в руке застыла над каким-то предметом. Быть может, на нем отпечатки пальцев преступника. А что это за аппарат? Для каких целей он предназначен? Сейчас нам покажут. В аппарат закладывают бумагу. Она залита не то чернилами, не то тушью. Не разберешь ни слова. А теперь? Пожалуйста, читайте — каждую букву, каждое слово.

Сколько тут различных приборов, штативов, колб с химикатами! И скульптуры. Головные скульптуры. Это совсем неожиданно. Почему же их поместили в отдел криминалистических и специальных исследований?

Оказывается, преступник часто оставляет после себя только один реальный след — жертву преступления. К тому же случается, труп находят уже полуистлевшим. И вот по черепу восстанавливают скульптурный портрет. Затем фотографируют его и фотографии рассылают для опознания.

Но ведь этот метод научно разработал скульптор М. Герасимов. И разработал вовсе не для криминалистики,

а для истории. Недаром же Герасимов — доктор исторических наук.

Но метод Герасимова равно пригоден и для историков и для следователей-криминалистов.

Но не будем мешать. Скоро окончат экспертизу, ее результаты передадут следователю, потом прокурору. И дело поступит в суд. Попрощаемся и уйдем отсюда с пожеланием, которое, быть может, не совсем любезно со стороны гостей, так добивавшихся этой экскурсии... И все же: «Надеемся, что скоро настанет время, когда исчезнет необходимость в криминалистических лабораториях!»

Заглянем теперь и в исторический музей. Зайдем в его лабораторию. Вот и знакомые скульптурные портреты. Узнаете? Это, например, завоеватель Тимур. Те же штативы и колбы с реактивами. А вот тот работник в углу лаборатории что-то внимательно разглядывает в лупу. Рядом аккуратно сложены какие-то пожелтевшие бумаги, залитые чернилами и тушью. Их сейчас отправят в криминалистическую лабораторию. Ведь она выполняет множество заказов, поступающих от историков! Не зря А. М. Горький отметил, что «историк смотрит в даль прошлого с высоты достижений своей эпохи, он рассказывает о процессах законченных, как судья о преступлениях или защитник преступника».

Представим себе зал суда. Судья, народные заседатели, государственный обвинитель и защитник — все на своих местах. На столе перед судьей — папки: «дела», вещественные доказательства. Сейчас будут давать показания свидетели...

У историков на столах тоже много вещественных доказательств. Есть у них и свидетели. Что же касается «дел», то они не уместятся ни на одном столе. Если все эти «дела», которые изучают историки, плотно-плотно прижать друг к другу и расставить на полке, то полка

вытянется от Москвы до Свердловска, а может быть, и чуть дальше!

И как тут не вспомнить о знаменитом детективе Шерлоке Холмсе! Вооруженный методом дедукции, легендарный сыщик по самым на первый взгляд незначительным и малозаметным деталям, пустячным фактам восстанавливал картину и логическую связь поступков и действий людей. Вот у него в руках обыкновенная шляпа. Шерлок Холмс всматривается в нее и вдруг начинает рассказывать о том, каков характер ее владельца. А взглянув на грязные ботинки, он безошибочно определяет, в каких районах Лондона они побывали.

О работе следователей, сыщиков буржуазного мира, разведчиках-следопытах написаны горы книг. Что и говорить, это увлекательное чтение в часы отдыха.

А ведь есть историки-следователи, археологи-следопыты. Может быть, вы слышали о Борисе Александровиче Рыбакове, действительном члене Академии наук СССР. Нет, о нем, о его поиске еще не написан роман. А жаль!

Где-либо в семейном альбоме Бориса Александровича, вероятно, хранится фотография — высокий, очень плотно обитый человек с острым взглядом больших, немного навывкате глаз рассматривает древнюю литейную форму. А если нет такой фотографии, то во многих библиотеках вы встретите книгу Рыбакова «Ремесло древней Руси». Прочтите эту капитальную работу, за которую Борис Александрович, еще будучи молодым доцентом Московского университета, был удостоен степени доктора исторических наук. По литейной форме он восстановил картину металлургического производства на Руси!

Увлекательный поиск. И, конечно же, метод дедукции. Но этого мало: незаурядный дар

исследователя, огромные знания — вот о чем должен был бы рассказать писатель, создавая роман об археологе Рыбакове.

Так что историк — это прежде всего «криминалист», изучающий «улики», оставленные людьми, жившими задолго до наших дней.

Но вот тут-то и начинается различие профессий.

Следователь, как правило, имеет дело с преступником. Улики нужны ему, чтобы бесспорно доказать наличие состава преступления. Правда, иногда эти улики, наоборот, говорят о невинности человека.

Историк тоже «уличает». Но ему приходится выступать и как прокурору и как защитнику. Исторические «улики», «следы», оставленные людьми прошлого, могут свидетельствовать и о величайших злодеяниях и о гениальных открытиях, они рассказывают и об узаконенном насилии, и о героической борьбе с ним. И, конечно, историку всегда приятнее произнести защитительную речь, нежели обвинительный приговор.

Но прежде чем сказать свое «да» или «нет», прежде чем обвинять или защищать, прежде чем делать теоретические обобщения, историк должен убедиться, что «улики», которыми он располагает, достоверны, что это, так сказать, подлинники, а не имитации, не подделки; что они объективно свидетельствуют о событиях, людях, явлениях, а не являются случайностью, плодом личных симпатий или антипатий и т. п.

И снова историк выступает как криминалист. Снова он занят сбором улик, опросом «свидетелей», проверкой показаний.

«Свидетели» тоже бывают самые различные. В очень общем понятии — все, что создано руками человека, все, что связано с его трудовой и духовной деятельностью, все, что как-то материализовалось в виде вещественных памятников или произведений науки, искусства,

литературы, законодательства, — все это «свидетели» историка. Все это следы человека прошлого.

Находить «следы» — дело нелегкое. Пустите неискушенного человека по следу преступника — вряд ли он приведет туда, куда следует. Так же и со «следами» прошлого. Их нужно уметь прослеживать, уметь читать.

А как часто мы проходим мимо этих следов, не замечая, не думая о том, как много могут рассказать нам безмолвные свидетели прошлой жизни человечества! А ведь эти рассказы куда увлекательней самых пышных вымыслов — и, во всяком случае, поучительней их.

Мы порою привычным взглядом окидываем храм Василия Блаженного, Петропавловскую крепость, развалины смоленской стены и, чего греха таить, часто знаем о них ровно столько, чтобы дать краткую справку любопытствующему прохожему или подрастающему сыну. А немые свидетели знают очень, очень много. И не только о себе. Попробуйте заговорить с ними. И они расскажут о мастерстве псковских каменотесов XVI века, построивших храм Василия Блаженного, поведают о трагической судьбе узников царизма, брошенных в казематы Алексеевского рavelина, воскресят подвиги русского воинства, разившего у древних стен Смоленска и войска Сигизмунда III, и полчища Наполеона, и гитлеровские банды.

Немые памятники умеют говорить. Только нужно научиться беседовать с ними.

Узкая ножевидная пластинка из кремня с ре-тушью поведаёт пытливому исследователю об упорном труде первобытного человека, который изо дня в день, из месяца в месяц делал все тот же нож. В краеведческих музеях хранятся шлифованные каменные молотки, проушные топоры, ромбовидные наконечники стрел, тяжелые латы, неуклюжие пищали, мотыги, зернотерки.

Орудия труда и оружие, всевозможные украшения, посуду, остатки жилищ принято именовать вещественными или археологическими памятниками. Их изучает специальная отрасль исторической науки — археология. Археолог — это историк, вооруженный лопатой. Труд археолога кропотлив. Ученый должен не только добыть из земли памятники материальной культуры, но в «беседах» с ними восстановить облик человека, понять, какие и как он строил жилища, во что одевался, чем занимался, какова была его техника. Необъятным хранилищем археологических памятников является земля. И только незначительная часть их извлечена пока учеными и подвергнута исследованию.

Хотя археологические памятники очень важный вид исторических источников, они не могут обрисовать всю разнообразную картину человеческой жизни в прошлом. Поэтому историки обращаются и к другим свидетельствам. Эти свидетельства сохранили нам человеческая память, быт современных людей.

На первый взгляд может показаться странным — исторический памятник в современном быту? Разве что какая-либо историческая реликвия, передающаяся из рода в род? Нет, речь идет именно о быте.

В нашем быту сохранилось еще много пережитков давно прошедших времен. Изучая эти пережитки, историк пополняет свои знания о нравах, обычаях, традициях людей, обитавших в ту или иную отдаленную от нас эпоху, о социальном укладе их. Еще и сейчас на островах архипелагов или в джунглях Африки живут племена, которые значительно отстали в своем экономическом и культурном развитии от народов других стран. В быту этих племен можно наблюдать удивительные сочетания различных по времени своего происхождения культур. В журналах и книгах мы не раз встречали фотографии людей, у которых на головах замысловатые уборы из перьев, огромнейшие серьги в

ушах, а иногда и в ноздрях, металлические мониста на груди. Эти украшения — пережиток «детства человечества», когда обладание металлом считалось у людей признаком богатства. Но иногда «дикарь», украшенный монистами и перьями, опирается на современный винчестер и отлично знает, что такое доллар...

Подобных пережитков много, и они встречаются не только среди жителей Африки или островов Тихого океана, их можно наблюдать и в быту у так называемых «цивилизованных» народов. Значит, пережиток — памятник, позволяющий историку судить о прошлом. Эти памятники называются этнографическими, и изучает их специальная отрасль исторической науки — этнография.

Народная память сохранила нам множество песен и легенд, сказок, былин, возникших в самые отдаленные времена. Они передавались из уст в уста, от поколения к поколению. В этих сказках и былинах встречается описание жилищ, уклада семейной и общественной жизни, одежды и нравов людей. Такие памятники называются литературными или фольклорными.

Очень важный памятник старины — язык, на котором разговаривают современные народы. В нашем языке немало напластований. Многие слова возникли в очень отдаленные времена, и порой они раскрывают некоторые особенности быта, образа мышления, занятий живших тогда людей. Это тоже памятник и его называют лингвистическим.

Археологические, этнографические, литературные и лингвистические памятники могут рассказать о многом и важном — о состоянии производительных сил человеческого общества в тот или иной отрезок времени, об искусстве древних мастеров; они объяснят филологу происхождение многих слов, укажут на источники тех или иных привычек и нравов. Но

археология, этнография, лингвистика и т. п. бессильны, когда заходит речь о гражданской и политической истории народов.

Только живое слово, будь то запись на глиняной дощечке клинописью или царапины на камбии бересты, драгоценные пергамены, машинописные листы, телеграммы и т. п., — только они, письменные памятники, со всей полнотой и в деталях повествуют о жизни народов и в далеком прошлом и в наши дни. Письменные документы — это самый важный и самый распространенный вид исторических памятников, которыми оперирует ученый. Правда, нужно сразу оговориться: умалять значения других видов памятников не следует. В отдаленные времена люди жили еще первобытными общинами и у них не было письменности. Только археологические и этнографические памятники позволяют нам приоткрыть завесу некоторых сторон той далекой от нас жизни.

Если археологи имеют дело с очень широким и разнородным кругом памятников, то историкам тоже приходится сталкиваться с самыми, разнообразными по своим внешним признакам и содержанию памятниками письменности. Разнообразие форм обусловлено временем происхождения памятников. Что же касается содержания, даже трудно перечислить все их многообразие.

Все письменные документы историки классифицируют по нескольким признакам. Прежде всего определяется время происхождения памятника — создан ли он в феодальный период или относится к капиталистическому или к социалистическому. А там возможна и еще более дробная, более специализированная классификация. Историк учитывает, сохранился ли памятник полностью или в наличии только его отдельные части — фрагменты, дошел он до нас в оригинале или в черновых записях,

копиях. По приемам записи документы бывают стенографические, шифрованные, записанные при помощи геометрических знаков, в виде фонозаписи и т. д.

По своему, содержанию исторические документы подразделяются на несколько видовых групп.

Законодательные памятники — к ним, например, относятся «Русская правда», Уложение 1649 года, указы, повеления, постановления, решения.

Статистические документы — «Переписные книги» XVII — начала XVIII века, «Ревизии» XVIII–XIX веков, всевозможные статистические описания губерний, труды Центрального статистического управления, переписи народонаселения и т. п.

Международные договоры и дипломатическая переписка, всевозможные торговые трактаты, конвенции, декларации, ноты, меморандумы.

Судебно-следственные материалы и мемуарная литература, периодическая печать и публицистика, военно-оперативные материалы, акты, экономико-географические описания.

Это далеко не полный перечень разновидностей письменных памятников.

Существует специальная вспомогательная историческая дисциплина — источниковедение, которая и занимается разработкой приемов изучения и использования каждого вида письменных исторических памятников.

До тех пор пока остатки материальной культуры людей хранятся в земле, пережитки остаются неизученными, а памятники письменности лежат без употребления, они не имеют, да и не могут иметь, значения исторического источника, хотя потенциально и являются таковыми. Но как только археолог извлекает из земли памятники материальной культуры и начинает их изучать, этнограф открывает ранее не известные

науке детали быта и нравов людей, а историк привлекает к разрешению проблемы никому неведомую рукопись, — сразу же эти археологические, этнографические и письменные памятники сделаются историческими источниками, на основании которых ученые строят свои выводы и заключения.

Всякий, кто так или иначе направляет свои творческие усилия на изучение истории какого-либо вопроса или явления, не может ограничиться только знакомством с литературой, написанной по данному вопросу. Чтобы вникнуть в суть исторических явлений, понять обстановку, в которой они совершались, ощутить дух времени, необходимо обращаться к памятнику, а уже потом изучать все, что по этому поводу было сделано другими исследователями, писателями, художниками.

На необходимость изучения в первую очередь исторических памятников, исторических источников, а затем уже литературы указывали все, кто так или иначе обращался к историческим исследованиям.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своей повседневной работе всегда обращались к источникам и документам, не довольствуясь сообщениями из вторых рук. В 1890 году Ф. Энгельс, говоря об изучении теории марксизма, писал Иосифу Блоху: «...изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук... это гораздо легче». В одном из писем к Марксу Энгельс с возмущением замечал: «Я основательно прочел трактаты старого сэра Джона Девиса... это главный источник; цитаты из него тебе встречались, конечно, сотни раз. Это чистое безобразие, что нельзя где угодно найти подлинных источников; из них всегда можно извлечь бесконечно больше, чем из обработки их, где все, что в источниках ясно и просто, делается непонятным и запутанным».

Поль Лафарг, характеризуя методы работы К. Маркса, вспоминал: «Маркс не довольствовался сообщениями из вторых рук, он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это не представляло. Даже ради второстепенного факта он спешил в Британский музей, чтобы в его библиотеке проверить этот факт».

В. И. Ленин не раз указывал на необходимость изучения истории во всей полноте фактов, что возможно только при обращении к источникам, а не к литературе. Ленин говорил, что факты нужно брать в их целом, в связи и взаимосвязи, с учетом конкретной исторической обстановки. Факты же отрывочные, взятые произвольно, могут принести только вред. Не приходится говорить, что ученые-историки, изучая прошлое, работают прежде всего над памятниками его.

Значит, существует большая разница между историческими источниками и исторической литературой. Литература, так сказать, «вторична», она пишется на основании изученных источников. Правда, многие литературные произведения, написанные на основании источников, с течением времени сами превращаются в исторические памятники, исторические источники. Примером этого — «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова и четырехтомник «История Российская с самых древнейших времен» В. Н. Татищева. Труды ученых, произведения писателей, картины художников, созданные на основании источников, играют сами роль источников при изучении истории той или иной отрасли науки, творческого пути писателя или художника.

ЗАТЕНЕННЫЕ ОКНА

Как же сохранились письменные документы, где они нашли себе приют в течение многих веков, отделяющих нас от полулегендарных столетий древности?

Если хранилищем археологических памятников является земля, а этнографические и лингвистические памятники нашли свое прибежище в народном быту, то письменные памятники сохраняют в специальных древлехранилищах, где они оберегаются от огня, сырости и т. п.

Эти древлехранилища называются архивами.

Архив. И сразу же воображению рисуется что-то пыльное и затхлое, отжившее, прошлое... И видится этаким Акакий Акакиевич. Очки в оловянной оправе, непонятно как зацепившиеся за фиолетовый кончик носа; ворох пожелтевших листов, могильная тишина, шуршание бумаги, вечность... Что-то в этом роде представляется тем, кто никогда не соприкасался с архивами.

Есть еще, к сожалению, и такие люди, которые путают архивы с похоронным бюро или... «в общем с чем-то кладбищенским»! Ведь говорят же, что «такого-то пора сдать в архив». Это почти одно и то же, что «вычеркнуть из списка живых». Бюрократа у нас часто называют «архивной крысой», а рутинеров, цепляющихся за привычное, спокойное, старое, упрекают в том, что они «обросли архивной пылью».

Да, много нелестных выражений начинаются словом «архив». И виновато в этом прошлое архивного дела в царской России.

Вспомним, как безнадежно звучат слова составителя «Дела об описании прежних лет архивы». Их цитирует В.

Короленко в докладе «Сто лет назад и в наше время».

Сто лет велось описание Балахнинского архива, и за это время «оказались от изъядения мышьями многие книги и на них оболочки, а у других и листы повреждены, и при том в палате от бываемых дождей сквозь каменный в потолке свод по ветхости на излатах крыши проходит течь, через что состоит крайняя опасность дабы в полагаемой в той палате производимым делам не могло причиниться погнития и повреждения».

И писатель, так и не обнаруживший Балахнинского архива, горестно резюмирует: «Пройдет еще сто лет. И опять кто-нибудь будет просматривать эти полуистлевшие вязки бумаг, если только мышеядь и пробитие дождями не покончит с ними так же успешно, как покончили они с большинством дел, находящихся в Балахнинском магистрате».

Вот что означало «сдать в архив»!

Это о документах. А люди, работавшие в них?

Невольно помянешь ядовитого мемуариста XIX века Филиппа Филипповича Вигеля. О, он умел позлорадствовать! Лучшего знатока архивов России конца XVIII и начала XIX века Бантыш-Каменского Вигель представил «мрачным старцем, всегда сердитым и озабоченным»: «...вечно брюзжащий, он не допускал иных интересов, кроме архивных; могильное молчание воцарялось в его присутствии; жизнь вне мертвых хартий была ему непонятна».

И, наверное, были такие, у кого на руках имелись бесценные документы, письма, книги и которые невольно задумывались: а стоит ли их сдавать в архив? Сохранятся ли они там для потомков? Ведь не только «мышеядь и пробитие дождями», но и пожары и бездушные чиновники в любой момент могут уничтожить эти ценности.

В волоколамском Иосифовом монастыре известный русский археограф, издатель древних документов Строев обнаружил архив. «Архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбора, и я рылся в ней, как в развалинах Геркуланума. Этому шесть лет; следовательно, снег шесть раз покрывал сии рукописи и столько же на них таял: теперь, вероятно, осталась ржавая гниль».

Уничтожали архивы мыши, снега, пыль, вода, пожары и... чиновники. Чиновники были стихийным бедствием «на законном основании». Они уничтожали «по распоряжению свыше».

Архивных помещений было мало. Документов и чиновников — много. Чиновникам не очень хотелось оберегать архивы. У них была другая забота — как бы что-нибудь прибавить к своему жалованью за счет архивов!

Практика архивного дела помогала этому. Чтобы разместить новые документы, уничтожались старые. В 1845 году для освобождения помещений архивов разрешено было отбирать к уничтожению материалы, пролежавшие в архивах свыше 10 лет.

В 1847 году было «отобрано» 30 тысяч «единиц хранения». А ведь «единица хранения» — это не один документ! Обычно это несколько или ряд документов, связанных друг с другом общностью содержания. Через пять лет, в 1852 году, отобрали и уничтожили уже 68 тысяч «единиц хранения»!

Согласно особым правилам разрешалось продавать «несекретные материалы»... на бумагу для оберток! Доход от продажи шел для «наградных» чиновникам. И, конечно, те уж старались. В Пскове продали архив казенной палаты, где хранился миллион единиц хранения. В Витебске архив распродавали «на пуды». И продали ни много, ни мало — тысячу пудов! Нижний

Новгород не хотел отставать и продал 30 возов документов приказчикам «под рыбу».

Ученые пытались бороться с этим варварством. Но они бессильны были что-либо изменить.

Один из крупнейших архивистов России XIX века, Самоквасов, безнадежно резюмировал, что уничтожение архивов будет продолжаться и впредь, так как «волею судеб архивное дело в губерниях вручено 150–200 „ученым“ в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, „отставных козы барабанщиков“ и недорослей».

Теперь пора пригласить читателя на Большую Пироговскую улицу в Москве. Там расположились несколько самых крупных советских архивов и Главное архивное управление при Совете Министров СССР.

Огромные 10–12-этажные здания щурятся на оживленные улицы узкими вертикальными разрезами чуть подслеповатых окон. Внешне эти здания мало отличаются от тысяч подобных. Разве что этими окнами. Окна необычные. Снаружи сквозь них ничего не видно, но свет в помещение они, конечно, пропускают. Дело, разумеется, не в любопытных взглядах прохожих. Да и с тротуара не заглянешь, скажем, на десятый этаж. Свет — враг документов, враг бумаги. И его допускают в архивные хранилища в ограниченном количестве и в рассеянном состоянии.

Здесь невозможны «дождевые пробития» и чуть ли не на каждом шагу встречаются пожарные краны, висят красные тушки огнетушителей. Кстати сказать, в архивах собраны все технические новинки по борьбе с огнем.

Не скребутся здесь и мыши. И пыль веков не оседает на бесчисленных стеллажах. Пыли вообще нет. Но документы все же на всякий случай спрятаны от нее, а заодно и от света и от влаги в картонные коробки.

Урчат многочисленные лифты. Снуют озабоченные люди в халатах. А в огромных залах над столами склонились седые, темноволосые и русые головы. Это читальный зал.

Уже первого знакомства хватит для того, чтобы изменить безнадежное и традиционно унылое представление, связанное со словом «архив».

Но хватит об архивных заключениях. Они в прошлом. И не случайно так радостно, оптимистически звучат строки стихотворения, написанного по поводу передачи писателем Телешовым своих бумаг в архив.

Но помнить Вас прошу одно,
Былое вызвать живо
Одним лишь способом дано:
При помощи архива!

Великой родины дела,
Надежды и порывы,
Воспоминанья без числа
Хранят в себе архивы!

Так будем до последних дней
В гореньи непрерывном
Работать для страны своей
На поприще архивном!

Улица 25 октября, некогда — Никольская. Она знаменита не только бывшим Славянским базаром, хранящим память о старой Москве. Рядом со Славянским базаром — строгое и своеобразное здание.

Где еще в Москве есть дом, на фасаде которого висит сразу двое солнечных часов! Во дворе какого московского дома можно обнаружить чудесный теремок с лепными наличниками на окнах, с резными дубовыми

дверями и изразцовыми, кафельными печами! Этот теремок не простой. Здесь когда-то помещалась первопечатня Ивана Федорова. Правда, она горела и ее перестраивали, но это уже не суть важно.

В здании с часами, в теремке разместился Московский государственный историко-архивный институт.

Здесь готовят будущих научных работников исторических и прочих архивов СССР.

Заглянем в кабинет вспомогательных исторических дисциплин. Кабинет настолько колоритен, что разглядывать его узорчатые кафельные печи, потолок со звездами, серебряной луной, медным солнцем, искусно нарисованными по голубому полю потолка знаками зодиака, можно бесконечно долго. Мы сможем вернуться сюда еще в перерыве.

А пока... Прислушайтесь и приглядитесь. Идут практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: «...Это изображение буквы „А“ — аз в скорописи XVI века».

Аз — еще куда не шло. Но вот преподаватель добрался до «ъ» — ер, «ы» — еры, выносных «к» — како, «м» — мыслете, и студенты словно потеряли дар речи. Первокурсники, а оказывается, читать не умеют! Тянут «А-а», как первоклассники, только что севшие за букварь!

Азбучный шок у студентов произошел оттого, что азбука, которую им задали выучить, все же не совсем обычная. В ней ять и юсы — малые и большие — ферт, фита и «и десятеричное». А там еще выносные буквы, знаки придыхания и прочее. Это азбука древнерусского языка. И преподаватель не просто знакомит своих слушателей с нею, но еще и рассказывает студентам о графике письма в древней Руси.

Зачем эту азбуку изучают будущие архивисты, наверное, понять не трудно. Она нужна, чтобы прочесть

документ, которому этак лет 500–600! Но не только в этом дело. Здесь постигаются и начала палеографии. Это вспомогательная историческая дисциплина, и изучает она графику древнего письма, ее изменения в веках, изучает внешние признаки рукописных и печатных памятников.

Студенты-архивисты читать по-древнерусски научатся быстро, а вот навыки в распознавании графики рукописей будут накапливать всю жизнь.

А для чего? Не все ли равно, как в XIV веке графически изображалось веде («В») или глагол («Г») и как их стали писать в XVI столетии? Казалось бы, главное — прочесть, понять содержание документа!

Оказывается, это еще полдела — прочесть рукопись и понять, что в ней написано. Все сведения, которые тот или иной документ сообщает, нужно «поставить во времени», определить их место в ряду других фактов, убедиться в том, что документ подлинный, а не подделка.

Вот тут-то и возникают затруднения.

Проследите за собой, за своей личной перепиской. Всегда ли мы помечаем датой письма к друзьям и знакомым? Часто, очень часто многие забывают это сделать. Те, кто не ведут дневника, но имеют привычку записывать свои мысли, нередко оставляют записи без датировки.

В древности тоже были рассеянные люди, писавшие об очень интересных событиях, но забывавшие ставить дату.

А бывает и так, что дата стерлась или кусок бумаги, на котором она значилась, оторвался, место было залито краской или чернилами. Документ же, который нельзя датировать, потерян для исследователя, даже если само его содержание и чрезвычайно любопытно.

Представьте себе такой случай. Вдруг нам было бы неизвестно, когда в Древнерусском государстве

составили «Русскую правду». Подлинников не сохранилось, «Правда» дошла до нас в более поздних списках. Могли бы мы на основании только одних статей сборника судить о социально-экономическом и политическом устройстве Древнерусского государства? Могли, конечно! Но ведь Древнерусское государство просуществовало с IX по XII век, и различные редакции «Правды» отражают изменения, которые происходили и в социальном и в политическом устройстве империи Рюриковичей. А вот когда именно эти изменения произошли — в IX ли, или в XII веках, — без даты на сборнике законов мы узнать не смогли бы.

Конечно, существует масса всевозможных косвенных данных, по которым довольно точно устанавливается время создания документа. Но бывают случаи, когда датировать документ можно только по графике его букв, почерку и некоторым другим внешним признакам, имеющимся на документе.

К сожалению, мы лишены возможности каждый день приходить в архивный институт на занятия по палеографии и другим вспомогательным историческим дисциплинам. Поэтому попробуем для общего знакомства с ними прочесть кое-какие книги. Их, кстати, много накопилось за два почти столетия развития исторической науки в России.

Наиболее полные сведения можно почерпнуть из книги доктора исторических наук, профессора, крупнейшего советского палеографа, источниковеда и архивиста Льва Владимировича Черепнина «Русская палеография». Эту книгу с интересом читают даже неспециалисты.

Уж поскольку мы решили немного подробнее ознакомиться с графикой древнерусского письма, то неплохо бы знать, как в древности, а у старообрядцев даже в XX веке, создавались рукописные книги, какова была техника этого письма.

Вот послушайте, что рассказывает об этом профессор Л. Черепнин. Рассказывает со слов жительницы села Нюхче Беломорского района А. Д. Носовой. Она занималась перепиской книг в старообрядческой школе. А ведь старообрядцы культивировали традиции старинной письменности.

«Писали рукописи в это время уже не на коленях, а на столах. Если на столе не хватало места, прибегали к помощи доски с откидывающимися ножками...

Перья употребляли гусиные и лебединые. Перо чинилось по-разному, в зависимости от характера письма. Для „буквенного письма“ (полуустава) и для написания заглавной вязью применялось прямое перо с небольшим расщепом...

Для нанесения киноварных помет перо точилось косо. Рисовальщик пользовался очень острым пером.

Применение стальных перьев и употребление гражданского шрифта запрещались.

Чернильницы у старообрядцев были медные, стеклянные — греновитые и глиняные.

Жидкие чернила наливали в ложечку со срезанным донышком („чивьем“). Чернила употреблялись фабричного производства, но в них добавляли толченую ржавчину, сажу и камедь. На бумаге получался коричневый оттенок, напоминающий цвет старинных чернил. Краска, как и чернила, была фабричного производства.

В качестве „золота“ использовали поталь — состав из свинца, меди и пр., по цвету напоминающий золото.

Для разрисовки заставок и миниатюр употребляли бронзовый порошок.

На дорогих книгах украшения делали сусальным золотом. Черную краску для заставок готовили из сажи, которую собирали с ламп и коптилок и разводили на камеди. При письме употреблялись карандаши, перочинные ножи, „напилочки“ для точки ножа,

песочницы. Для линования писчей бумаги служила тиракса — тонкая доска с наклеенными на нее нитями. На тираксу накладывали чистый лист бумаги; по которому водили деревянным валиком или рукой.

Переписка рукописей требовала большого времени, так как в день писали не более 10-11 листов текста на бумаге размером в четвертку.

Книга обряжалась в переплет, деревянные корки переплета покрывались телячьей кожей (опойком), бархатом или сукном. Кожаный переплет украшался тисненым орнаментом».

ДАТА, ГЛАВНОЕ — ДАТА!

Хотя выше говорится о технике написания богослужебных книг в годы, когда старообрядцы могли уже пользоваться фабричными чернилами, красками и карандашами, все же по своему общему облику рассказ хорошо передает картину работы переписчиков книг в древности.

Мы можем только добавить некоторые любопытные детали.

Вот, например, как изготавливались чернила в России. Рецепт XVII столетия: «Первое устругав зеленые корки ольховые без моху молодые, и в четвертый день положить кору в горшок и налить воды или квасу доброго, или сусла ящного, а коры наклади полон горшок и варить в печи, и гораздо бы кипело и прело довольно бы день до вечера и положи в горшок железины немного...»

Теперь пора и заглянуть в древние рукописи. Возьмем один из документов, любой из имеющихся в обширной библиотеке копий историко-архивного института. Не сомневайтесь, он написан по-русски, и, кстати, очень разборчиво. Написан в XVII столетии. Только для того чтобы прочесть эту рукопись, необходимо знать графику древнего письма, начертание отдельных букв и правила их написания. Оказывается, в XVII веке графика письма значительно отличалась от современной.

Документ был написан так называемой скорописью. Скоропись — особая графика письма, которой пользовались при составлении всякого рода делопроизводственных документов, в частной переписке и т. п. Писали скорописью, экономя время и

бумагу и мало обращая внимания на красоту букв и их разборчивость.

Появилось скорописное письмо сравнительно поздно — во второй половине XIV века, но широкое применение оно получило лишь с конца XV столетия, когда создается Русское централизованное государство, когда оформляется система органов управления отдельными отраслями государственной жизни, а значит, увеличивается и делопроизводственная переписка.

Скорописный приказной документ, челобитная в тот или иной приказ писались не так тщательно, как богослужебные книги или литературные памятники. Скоропись не только ускоряла письмо, она явно портила почерк.

В Москве, первоначально на Ивановской площади, там, где высится и по сей день колокольня Ивана Великого, стояла приказная изба. Каждый приказ, ведавший той или иной отраслью государственной жизни, имел здесь свои помещения и свое крыльцо. В приказах — бояре, дьяки, подьячие. Боярин, обычно думный боярин, — высший, так сказать, чин в государстве — глава приказа. Но главой он был номинально. Практически всеми делами заправляли приказные дьяки, немного позже, в XVII веке, — думные дьяки. В их подчинении находятся подьячие-писцы. Вот писцы и составляли делопроизводственные документы, переписывали всевозможные бумаги, готовили материал для докладов царю и боярской думе.

В течение XVI-XVII столетий, по мере того как Русское централизованное государство развивалось и расширялось, приказная система претерпевала множество изменений. Одни приказы появлялись, другие исчезали, одни разрастались, другие «сокращали штаты». В среднем в приказе насчитывалось человек 50, но были и такие, как Поместный приказ, в котором числилось 900 человек.

Не только дьяки, но и подьячие делились на несколько «статей»: старые, средние и молодые. Средние и молодые, как правило, «белили» документы, то есть просто переписывали их набело с черновиков. Григорий Котошихин, подьячий Посольского приказа, хорошо знал, как это делается: «А лучится писать о чем грамоты, а думный дьяк приказывает подьячему, а сам не готовит, только чернит и прибавляет что надобно и не надобно. А как изготовят, и тех грамот слушают наперед бояре, и потом они же, бояре, слушают вдругорядь с царем все вместе... А на всяких делах закрепляют и помечают думные дьяки, а царь и бояре ни к каким делам... руки своей не прикладывают, для того устроены думные дьяки; а к меньшим ко всяким делам прикладывают руки простые дьяки и приписывают подьячие свои имена».

Основную массу входящих в приказы документов в виде всевозможных челобитных писали своеобразные нотариусы, или, как называли их в России, площадные подьячие.

Они «кормились пером», «стояли на площади». И действительно, в начале возникновения этой корпорации площадных подьячих они стояли в полном смысле этого слова на площадях перед зданиями приказов в Москве или местных канцелярий в провинциальных городах. Это были колоритнейшие фигуры. В черном прорезном плаще, с чернильницей, висящей на боку, с гусиным пером за ухом, с рулоном бумаги под мышкой. Потом площадные подьячие обзавелись палатками. Поначалу же, найдя клиента, они разворачивали на его полусогнутой спине рулон бумаги. Клиент излагал суть дела, а площадной писал его по установившейся формуле: «Лета 7180 году июня в 20 день. Царю Государю и Великому князю всеа Великие, и Малые и Белые России самодержцу Алексею

Михайловичу бьет челом холопишко твой Васька Шкуртов...»

В конце XVII века в Москве на Ивановской площади площадных было 24 человека. В некоторых городах число их доходило до 12. В Москве площадными подьячими ведала Оружейная палата.

Эти подьячие считались знатоками письма, и их не раз приглашали в качестве «экспертов», чтобы дать заключение о том или ином документе.

Так было в конце XV–XVII веков.

А как же писали до XV века?

До XV века рукописные книги и актовые документы писались так называемым уставом (это до XIV века, а потом в нашей графике господствовал полуустав). Полуустав, с одной стороны, немного напоминает скоропись, а с другой — устав. Уставом писались в основном богослужебные книги и важнейшие документы государственного значения.

Даже в XVI–XVII веках, когда скоропись господствовала безраздельно и в России существовало уже книгопечатание, в монастырях книги переписывались уставом. Уставная графика была воспроизведена и в печатных шрифтах. В отличие от скорописи уставное письмо неторопливое, тщательное.

Но научный работник должен не только уметь читать устав, полуустав, скоропись. По начертанию букв он должен уметь определить, когда возник документ, где был написан, а иногда и кто был автором его. Такое умение дается не сразу, а только в результате длительного наблюдения за тем, как от века к веку менялись начертания букв, способы их соединения и т. п.

Конечно, по одной или даже по нескольким буквам трудно еще определить время написания документа. Нужно хорошо представить весь его внешний облик, изучить содержание. Даже беглый взгляд на

графический рисунок документа подскажет опытному палеографу время его написания. Например, количество так называемых выносных, надстрочных букв значительно увеличивается в XVII веке по сравнению с XVI веком. В XVII веке письмо более связное, строчная буква часто очень причудливо связывается с надстрочной или единым росчерком пера соединяются две надстрочные буквы. Появляется очень много слов, которые писцы писали сокращенно: князь (кнзь), месяц (мсц), милость (млсть), сердце (срц), день (днь, де), монастырь (мнстрь, мрь) и т. п.

Конечно, не все древние документы нужно датировать, так сказать, палеографически. Большинство имеют даты. Но исследователю приходится и эти даты проверять, переводить их на современный календарь. Делая списки, копии документов, переписчики, сами не очень грамотные, часто ошибались в прочтении цифр, ведь в древности цифры обозначались буквами, а в результате — неверная дата.

До 1700 года в России летосчисление велось по византийскому календарю «от сотворения мира», началом года (до 1492 года) считалось 1 марта, после 1492 года — 1 сентября. Таким образом, для перевода древних дат на современный календарь нужно проводить арифметические вычисления. Так, если у нас имеется, предположим, дата 7108 год «от сотворения мира», то, переводя ее на современный календарь, нужно из 7108 вычесть 5508 ($7108 - 5508 = 1600$ год). А почему мы вычитаем 5508? Дело в том, что в современном календаре летосчисление ведется от рождения Христа. Разумеется, что Христа никогда не было, а значит, и не было его рождения. Но здесь важно, что существует практика отсчета времени от определенного года или события. Причем, как мы видим, событие это может быть и вымышленным, подобно «сотворению мира» или «рождению Христа», которое по

библейским легендам произошло в 5508 году «от сотворения мира».

Это простейший пример перевода дат с византийского календаря на современный, а ведь существовали различные календарные системы, лунные и солнечные календари, не совпадали месяцы начала нового года и т. д., и все это должен знать историк-исследователь. Изучением календарных систем, переводом дат из одной системы в другую занимается специальная историческая дисциплина — хронология.

В Центральном государственном архиве древних актов хранятся документы, в которых даты приведены по мусульманскому календарю, а порой в документе есть лишь ссылка на какое-то известное событие, церковный праздник и т. д. Существуют специальные таблицы, по которым определяется, когда в таком-то году были пасха и другие церковные праздники, на которые писцы обычно ссылаются.

Определяя время возникновения того или иного письменного памятника, научный сотрудник обращает внимание буквально на все детали и свойства, на внешние признаки этого документа, способные подсказать ответ. Внешними признаками являются не только графика письма, но и материал, на котором документ писался: пергамен, береста, бумага.

Подавляющее большинство наших древних документов написано на бумаге. В России собственное производство бумаги начинается во второй половине XVI века. Недалеко от Москвы, на берегу реки Учи, помещиком Савиновым была построена «бумажная мельница». Она просуществовала недолго, а потом почти 100 лет у нас нет известий о бумажном производстве в России. Только в середине XVII века начинают строиться казенные бумажные мануфактуры, сначала на реке Пахре, а затем на Яузе. Бумага изготовлялась из тряпья, которое варили, очищали,

белили; затем в ступах превращали в густую массу, разливали ее на специальных проволочных сетках, проклеивали клеем, сваренным из бараньих бабок.

Своей бумаги России не хватало, и ее покупали за границей: в Голландии, во Франции, а также в Италии, Польше, Англии и Германии. Как на русской, так и на иностранной бумаге почти всегда имелись так называемые филигранные, или водяные знаки. Они имели значение фабричного клейма, марки.

Когда бумажную массу наливали на проволочную сетку, чтобы стекла вода, масса просыхала — на пересечении сетки из той же проволоки делался линейный рисунок. Он отпечатывался на бумаге и просматривался на свет. Сетки довольно часто менялись, изменялся и рисунок филигранный. Естественно, что знакомство с рисунками филигранных, их изменениями помогает историку уточнять время происхождения документов, написанных на этой бумаге. Конечно, помечать документ датой изготовления бумаги нельзя, она может некоторое время пролежать на складе и найти употребление только через несколько лет. И все же филигранные — очень важный внешний признак для датировки документа.

Составлены специальные таблицы водяных знаков, по которым точно можно определить время изготовления бумаги и страну, в которой она была сделана.

В поисках ответа на вопрос, когда возник данный документ, ученый обращает внимание и на другие его внешние признаки.

Многие документы, хранящиеся в архивах, имеют печати. Причем не всегда печать у документов походит на наши современные, на так называемые прикладные печати. Прикладная печать появилась на Руси сравнительно поздно. А до этого времени печати были подвесные, их подвешивали к документу как своего

рода пломбу. К сожалению, мы не всегда можем узнать, кому принадлежала та или иная печать, подвешенная к документам периода феодальной раздробленности. В эту пору 'многие печати были анонимными. Сама печать изготавливалась из различных материалов: золота, серебра, свинца, воска, специальной мастики. Процесс скрепления документа печатью был довольно длительный. Внизу документа в пергамене или бумаге прокалывали отверстие, продевали в него льняной или шелковый шнур, концы шнура зажимали между двух пластинок из различного материала. Причем зажимали эти пластинки специальным пломбиром, имеющим матрицу, на которой были вырезаны изображения и надписи.

Печать могла иметь любую форму — круглую, ромбовидную, звездочкой, четырехугольную — в зависимости от матрицы. На анонимных княжеских печатях периода феодальной раздробленности обычно изображались святые, причем на одной стороне — святой, имя которого носил князь — владелец печати, а на другой — святой, имя которого носил отец князя. Таким образом, получалось имя и отчество князя, владельца печати. Но в древности многие князья и бояре имели два имени: одно, полученное при крещении, другое мирское, «от дурного глаза». Вот «крестного» имени мы большей частью и не знаем.

Бывают на печатях и иные изображения — благословляющая рука, Спаситель на престоле с открытой книгой в руке, изображения животных и птиц, крест и т. д.

По мере образования Русского централизованного государства наряду с печатями городов, княжеств и областей появились большая и малая государственные печати.

На большой государственной печати изображен двуглавый орел. Грудь орла прикрывает щит. На щите —

всадник с копьем. Иногда копье пронзает змия, извивающегося у ног лошади; часто копье поднято кверху.

По окружности большой государственной печати писался полный титул царя, государя и самодержца, причем по мере расширения территории России, включения в ее состав новых земель пополнялся и титул на печати. Это помогает нам в датировке документов. Например, если на печати обозначено: «Царь государь, Великий князь Владимирский, Московский» и т. д., «Царь Казанский», но не упоминается Астрахань, мы можем сказать, что документ с данной печатью был составлен между 1552 и 1556 годами, так как в 1552 году были присоединены Казань и Казанское ханство, а только в 1556 году присоединили Астрахань.

Часто на поле печати вокруг двуглавого орла изображались гербы тех княжеств и областей, которые вошли в состав России.

Знание печатей и гербов помогает историку-архивисту определить время и место изготовления документов.

В XVIII веке появляются печати и гербы не только у представителей русского дворянства, но и у купцов. Причем на некоторых мы можем обнаружить очень любопытные изображения, никак не укладывающиеся в наши представления о геральдической символике: телега со сломанными оглоблями, а рядом надпись: «Тише едешь — дальше будешь»; весы — по всей вероятности, они должны напоминать, что «не обманешь — не продашь», и т. д.

Некоторые рукописные памятники, хранящиеся в архивах, богато украшены орнаментом, миниатюрой, заставками, имеют разрисованные заглавные буквы на красных строках (так называемые инициалы).

Рукописный орнамент также помогает историку в датировке документов, так как в разные века

господствовал и различный орнаментальный стиль.

Внешний вид древних документов для нас немного непривычный. Обычай переплетать документы в отдельные книги возник сравнительно поздно, в XVIII веке. В канцелярском же делопроизводстве России XVI–XVII веков наибольшее распространение получили «свитки», или, как именовали их в приказах, «столбцы».

Для изготовления столбца лист бумаги разрезали по длине на полосы 17 X 45 сантиметров или по ширине на три полосы, размером 15 X 34 сантиметра каждая.

Текст документов писался не в длину, а поперек, а затем отдельные полосы склеивались. Причем подклеивались документы, не только связанные друг с другом какой-то общностью дела, но зачастую различные по содержанию.

Места склейки отдельных листов «скреплялись» на обороте дьячьей «рописью». Причем дьячья «скрепа» писалась таким образом, чтобы начало росписи приходилось на один лист склейки, а конец — на другой. Если даже клей держался недостаточно крепко, подделать грамоту было невозможно, как невозможно было и приписать к ней что-либо — скрепа дьяка занимала все свободное место оборота столбца.

На оборотной стороне столбца писался адрес, а также делались пометы — резолюции — по данному делу.

В наших архивах хранятся столбцы-склейки такой длины, что если их развернуть, они займут несколько десятков метров. Особенно много таких столбцов в фондах Поместного приказа.

ПЯТЬСОТ СТРАНИЦ БРАТЬЕВ ДЕНИСОВЫХ

Мы говорили только о самых элементарных началах палеографии. Но без знания их нельзя продолжать похода по архивам. Недаром студенты историко-архивного института изучают палеографию весь первый курс, по несколько часов в неделю.

Но прежде чем рассказать о том, как помогает палеография будущим архивистам, скажем несколько слов о практическом начале палеографии в России.

Начало было необычным и даже драматическим.

Шла вторая половина XVII столетия. Смутно на Руси. Война с Речью Посполитой, восстания в городах, стрелецкие бунты, крестьянская война под руководством Степана Разина. Все это обессилило Россию. Шведы с вождедением поглядывали на западные и северо-западные русские области, турки угрожали с юга. При «тишайшем царе» Алексее Михайловиче антифеодальное движение народа обрело еще и формы церковного раскола, то есть, по словам Энгельса, прикрылось религиозными знаменами.

Алексей Михайлович расправился с патриархом Никоном за то, что тот стремился поставить авторитет и власть церкви выше светской власти царя. Никона лишили сана и сослали. Однако Никон успел провести церковную реформу, целью которой было укрепление авторитета церкви. Эту реформу собор и царь утвердили.

Но ее не приняли тысячи и тысячи тех, кто в равной степени страдал и от светских и от духовных феодалов, кто, протестуя против «троеперствия» и других обрядовых нововведений, фактически протестовал против усиления гнета феодального государства. Этот

протест подрывал идеологическую опору феодализма. Тех, кто не принял реформы, называли раскольниками, старообрядцами. И на них обрушились гонения, их отлучали от церкви, заставляли забираться в лесные чащобы. Всевозможные и подчас изуверские секты возникали среди раскольников, но все они сходились на одном — Никон был «антихристом». Когда же Никона сослали, раскольники решили, что антихрист вселился в царя Алексея Михайловича, так как он утвердил «антихристову реформу».

И с тех пор все русские цари для старообрядцев — антихристы. В конце XVII века раскольники ожидали кончины мира, страшного суда. Готовились к нему, очищая душу свою страданием плоти. Число самосожженцев достигло 20 тысяч. Многие не сеяли, не жали, сколотили себе гробы и лежали в них, ожидая Спасителя. Новый царь, Петр I вынужден был двинуть против старообрядцев войска.

Кончины мира не произошло, хотя ее несколько раз «переносили» старообрядческие пастыри. Раскольники снова взялись за соху, за ремесла, но не отказались от своих обрядов и по-прежнему саботировали те меры, которые хоть как-нибудь связаны были с именем царя.

Репрессии не помогали. И правительство Петра попыталось при посредстве православных проповедников убедить раскольников отстать от ереси, «вернуться в лоно истинной христианской церкви». Но нет, в заволжских скитах продолжается тревожное перешептывание. Волнуются старообрядческие попы. От скита к скиту бредет миссионер Питирим. Он произносит пламенные проповеди и терпеливо уговаривает. Питирим показывает «заблудшим» список с «Соборного деяния», найденного в Киеве. Одна из глав этой древней рукописи названа: «Соборное деяние Киевское на арменина еретика на мниха Мартина». Составлено оно

после Киевского собора 1157 года и осуждает учение еретика, который «велие содела в Руси смущение христианом паче же онем, иже неискуснии писания».

Питирим охотно дает всем читать список. «Соборное деяние» уже давно осудило все те ереси, которые ныне присущи старообрядцам! И пусть они не ссылаются на старину, на обычаи отцов и дедов — русская церковь не отошла от греческих канонов. А тех, кто еще в XII веке впал в ересь, осудила сурово.

Старообрядцы не спешили. Так-то оно так, в списке «Деяния» сильно сказано о ересьях. Но ведь это «список». Вот бы на подлинное соборное постановление посмотреть, да самим его почитать, да пощупать...

Питирим отписал по начальству. Петр I снарядил специального гонца в Киев, и вот в руках у раскольников «подлинный» текст «Соборного деяния» — «книга в полдесть, на пергамене писанная, плеснию аки сединою красящаяся и на многих местах молием изъядена, древним белорусским характером писанная».

«Молию» и «плесению» изъеденная рукопись должна была, по мысли Петра I, служить «для уврачевания расколом недугующих».

«Деяние» составлялось на совесть, с драматическими сценами. Еретик Мартин оказался гречанином и даже свойственником царьградского патриарха Луки Хризотерха. Мартин был не лишен и литературного таланта, он написал книгу «Правда». Книгу, которую Киевский собор окрестил «возмутительным письмом», так как она содержала призывы к ереси.

Киевский митрополит Константин вынужден был собрать в 1157 году церковный собор — видимо, еретические призывы Мартина и 100 экземпляров его книги имели успех.

Собор осудил ереси, большинство из которых в точности совпадали с «еретическими» обрядами

раскольников XVIII века.

Призванный к допросу Мартин в ересь упорствовал. Тогда Киевский собор отослал свои «деяния» константинопольскому патриарху Луке. Лука, в свою очередь, собрал собор, который также осудил Мартина. Еретик выслушал осуждение патриарха и пообещал покаяться. Но через несколько дней прислал дерзкое письмо лишь с частичным отречением. Кончилось это тем, что Мартина предали анафеме, отослали в Царьград, где он и был сожжен на костре.

В то время, пока Питирим показывал «Деяние» старообрядцам секты так называемого «Диаконова согласия», другой проповедник, увещевавший выгорецких «беспоповцев», иеромонах Неофит, опираясь на то же «Деяние», предложил старообрядцам 106 вопросов. На эти вопросы и староверцы «Диаконова согласия» и «беспоповцы»-поморы дали примерно одинаковые ответы.

Так как нам известны имена авторов «Поморских ответов» братьев Денисовых, то мы и обратимся к этим ответам.

Братья Денисовы были основателями Выгорецкой пустыни, самыми уважаемыми и на удивление образованными для своего времени людьми. На 106 вопросов миссионера они ответили рукописью в 500 страниц.

Это сочинение называется «Поморские ответы», и оно знаменовало собою появление практической палеографии. Действительно, братья Денисовы провели великолепную экспертизу «Соборного деяния».

Во-первых, они подвергли его критике по содержанию, выдвинув ряд неоспоримых исторических доводов.

Каким образом, рассуждали «поморские палеографы», такое важное событие и в политической и в церковной жизни Руси, как Киевский собор,

составивший «Деяния», не нашел своего места в русских летописях? В пристрастности, в выпячивании местных событий на первый план, в искажении фактов и прочее — во всем этом можно обвинить древних летописцев, но чтобы они пропустили такое событие, как церковный собор, — это невероятно. «Летописцы российские привыкли всякие деяния гражданские и церковные описывать», — резюмируют Денисовы.

Нет, они не полагались только на свою память, братья пересмотрели летописи. Прочли они «Степенную книгу», «Четьи-Минеи». Обнаружили там жития того самого киевского митрополита Константина. И как он в Киеве сидел, и как в Царьград ходил, и как его из Киева изгнали — все вычитали. А вот о соборе — ни слова. И потом летописцы не упоминают о нем, молчат в веках и русские митрополиты. Молчат патриархи русские и константинопольские. Не вспомнил Никон, боровшийся с раскольниками. Не знал о нем и Симеон Полоцкий. Возможно ли такое?

Нет, такой случай невероятен.

Но братья Денисовы не ограничились только этими доводами. Они обратили внимание на датировку «Деяния», и это был уже чисто палеографический подход к памятнику.

В «Деянии» в четырех местах повторяется дата «6652 год» — год созыва Киевского собора. Сказано, что на киевском столе сидел тогда великий князь Ростислав Мстиславич. Но вот беда — Ростислава Мстиславича в том году в Киеве быть не могло! Его призвали лишь в 6667, а княжить он стал и того позднее. Да и митрополит Константин появился в стольном граде лишь в 6664 году.

Когда же сравнили первоначальный список Питирима с присланной копией «Деяния», то даты оказались подправленными — собор отнесен к 6665 году, что соответствовало 1157 году от рождества

Христова, но в 6665 году Ростислава еще не было в Киеве. А когда появился он, митрополита Константина уже изгнали...

Особенно интересен анализ внешних признаков рукописи, проделанный старообрядцами.

«Старцы» исследовали чернила и переплет, пергамен, начертания букв, обрез краев. «Суть и иная знамения в оном деянии на хартии писанном, яже нам наносяще сомнение, чудится нам подают: дивимся чернилам ими же деяние оно писано, поняже чернотию своею различествует качество письма залежалого древлехаратейных книг... Сомняемся и буквам, в нем писанным — Белорусским, нынешнего века пописи, яже в древлехаратейных мы не видехом».

Блестящий палеографический анализ, уничтожающая критика, филологические наблюдения старцев — все это понудило святейший синод поспешить изъять из обращения «Деяние». Его заложили в особую сумку, запечатали печатью синода и сдали на хранение в синодальную библиотеку. И очень трудно было извлечь оттуда эту рукопись даже по «высочайшему соизволению».

Уже на примере этих старообрядческих палеографов можно определить и круг вопросов, которые изучает палеография.

Главный вопрос, на который должен ответить палеограф, — когда, в каком году, столетии, полувеке создан тот или иной письменный документ; но прежде чем на этот вопрос можно будет получить утвердительный ответ, исследователь выяснит целый ряд наводящих вопросов: на каком материале написана рукопись? Пергамен, береста или бумага это? И в каком веке этот материал применялся, когда был изготовлен? Чем написана рукопись — чернилами, тушью? Выдавлены ли буквы костяной палочкой или отпечатаны типографски? Каков состав чернил, туши, краски; какова

графика письма — устав ли это, или полуустав, скоропись? Какого века письмо; русское, белорусское или малороссийское оно? К какому времени относятся заставки, инициалы, орнамент, миниатюры; из чего сделан переплет, есть ли печати, какие они — вислые или прикладные, анонимные, частные или государственные? Нет ли герба княжества, области, губернии, наконец, государства?

Из всех этих частных вопросов складывается ответ на главный — когда?

ЧЕРЕЗ ПОРОГИ

РЕКИ ТЕКУТ В МОРЯ

Утобы добраться до моря, рекам приходится порой пробежать многие тысячи километров, переплескивать через пороги, плутать в лабиринтах тесных горных русел, встречаться на пути с сотнями других рек и речушек, которым не выпала на долю честь самим пробить себе выходы к морю.

Так и документы. И иногда, прежде чем занять свое место на полках архива, им приходится много путешествовать. И на их пути вставали пороги. Не всем удавалось перебраться через них. Многие погибали, другие получали тяжелые увечья.

Если бы каждый документ, созданный человеком после изобретения письменности, сохранялся бы в архивах, то здания этих хранилищ высились бы в каждом городе, каждом селе, архивы бы вытеснили живых, они бы стали бедой. Но это, конечно, не оправдание гибели бесценных памятников. Это просто констатация факта, как и то, что люди сами отбирают для хранения на века наиболее ценное, нужное, значимое из документов. И не каждая бумажка может и тем более должна быть сдана в архив.

Если само слово «архив» в России появилось только при Петре I, то практика хранения наиболее ценных документов, существовала чрезвычайно давно.

Библиотека Ярослава Мудрого в XI веке состояла, конечно, не из одних книг, как и библиотеки восточных государей. В ней сохранялись и рукописи и важнейшие юридические акты.

В Новгороде и Пскове — этих искони торговых городах — купцы были недоверчивы и предусмотрительны. Записи торговых сделок, долговых и заемных договоров они не доверяли пергамену — все же он рвется. К тому же кусок этой телячьей кожи стоил порой больше суммы, на которую заключали сделку. Дубовые доски — вот материал, который уж не порвешь! Но доски тяжелы и громоздки. Береста же, она хороша для записных книжек, а так уж очень ненадежна.

В Пскове завели специальную книгу, в которую и записывали долговые обязательства, жалобы. Книга эта хранилась в ларе церкви Святой Троицы. Все, что было «положено» в ларь, приобретало силу юридического документа. «Ларник», хранитель книги, был важным государственным лицом. Ну как же, ведь за «посулы», взятки, он мог написать, например, кабальную на крестьянина, выдать ее, как хранящуюся в ларе, — и вольный смерд становился крепостным. Известен один такой ларник, который «в той власти многу тяготу людям сотвориша».

В период феодальной раздробленности церкви и монастыри сделались приютами для всякого рода письменных документов. Были у крупных бояр и свои вотчинные архивы. Когда образовались приказы, приказные дьяки разработали правила хранения документов, сами были и их хранителями и толкователями.

И только при Петре I начали создавать специальные древлехранилища, а в середине XVIII века, помимо двух центральных архивов — общего для всех коллегий и финансового, — появились Архив древних поместных и вотчинных дел и губернские архивы.

В 1736 году сенат отдал распоряжение, чтобы во всех губерниях и провинциях «сделать по две палаты каменные, от деревянного строения не в близости, со своды каменные и с затворы и двери и решетки

железными, из которых бы одна была на архиву, а другая на поклажу денежной казны».

Архивариусом разрешалось быть лицу «трезвого жития и неподозрительным в пороках и иных пристрастиях не примеченные».

В XIX веке архивов было уже много: Архив государственного совета, Государственный архив, Московский главный архив, Архив святейшего синода, Московский архив министерства юстиции, Архив Морского министерства, Военно-ученый архив Главного Штаба и другие, а также губернские архивы.

Ну, о том, как в этих архивах дела хранились и как уничтожались, мы знаем. Доступа в архивы почти не было, никто не руководил их работой, никто ее не направлял. И вот это огромное скопище ценных и не всегда ценных бумаг досталось в наследство Советскому государству.

Владимир Ильич Ленин проявлял большой интерес к работе архивов. Им подписан был декрет о централизации архивного дела в стране, о создании единого государственного фонда и образовании Главного управления архивным делом.

Ныне материалы Государственного архивного фонда СССР хранятся в центральных, республиканских, областных (краевых), окружных, городских, районных государственных архивах.

Учреждения и предприятия имеют свои архивные хранилища, но это, так сказать, временные жилища документов.

Государственный архивный фонд СССР чрезвычайно велик. Чтобы не очень ошибиться, скажем, что в нем более 400 миллионов единиц хранения.

Реки текут в моря. На их пути встречаются пороги. И порой им приходится претерпевать массу злоключений.

ПОИСКИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Австрийские жандармы молча роются в нехитрых пожитках. Связывают книги, рукописи, письма, вполголоса переговариваются. Подумав, приобщили и велосипед. Хозяин дачи, спокойно стоящий перед жандармами, подозревается в шпионаже — велосипед должен сослужить роль «вещественного доказательства». «Шпион» часто выезжал в горы и подолгу там пропадал. Наверное, он с помощью сигнализации передавал шифром какие-то сведения. Вон и листки с колонками цифр — не иначе шифровка.

А хозяин невозмутим. Он не обращает внимания на то, как жандармы просматривают его вещи. Он, видимо, привык к обыскам. И только рукописи привлекают его озабоченный взгляд. Да, он очень беспокоится за них.

Дача опустела. Хозяин дачи в Поронино предстал перед военными властями. 11 дней заключения. Обвинения не подтвердились. Но обвиняемый — русский, и его выслали из Австрии в Швейцарию. А рукописи, книги, письма? У него не было денег, чтоб вывезти архивы около тонны весом. Они остались там, далеко, в Австрии.

Прошло три года.

В России победила Октябрьская социалистическая революция. Проживавший на даче в Поронино стал Председателем Совета Народных Комиссаров Российской республики.

Это был Владимир Ильич Ленин.

Потом грянула гражданская война и интервенция. И архитрудная работа по созданию первого в мире социалистического государства.

Владимир Ильич пытается отыскать следы тех книг, рукописей, писем, которые остались за кордоном.

Советский полпред Я. Ганецкий по просьбе Ленина начал поиски. Это тоже было архитрудно. Мешала «дипломатическая изоляция» СССР.

Ленин не дождался окончания поиска. Он только узнал от Ганецкого, что архив пережил первую мировую войну, пережил и гражданскую и очутился в Варшаве, в подвалах генштаба белопанской Польши.

Пилсудчики натянуто улыбались, но отдавать архив не собирались. Они делали вид, что судьба его им неизвестна и при всех усилиях они не могут обнаружить следы архива.

А следы как будто и впрямь затерялись.

Но Ганецкий не забыл ленинской просьбы и продолжал искать.

Шли годы.

Однажды до Ганецкого дошли слухи, что какой-то краковский журналист, роясь в букинистической ветоши, наткнулся на книгу. На титульном листе ее стоял штамп «В. Ульянов». Букинист никогда не слышал такой фамилии, хотя и знал другую — Ленин.

Журналист знал, кто такой В. Ульянов, и поинтересовался, нет ли у букиниста других книг с таким штампом. Оказалось, что есть, есть книги, когда-то принадлежавшие В. Ульянову. Книги были, но не было денег у покупателя. Журналист знал цену этим книгам и рассказал о них писателю, библиофилу Гжимала-Седлецкому. Седлецкий скупил все, что имелось у букиниста.

Этого не знал тогда Ганецкий, и след опять затерялся.

Прошли еще годы. Наступил 1932-й.

Ганецкий не оставил розысков. И его упорство было вознаграждено.

Гжимала-Седлецкий передал в дар городу Быдгощу свою многотысячную библиотеку. И вот уже Ганецкий лихорадочно перебирает книгу за книгой, книгу за

книгой. Двенадцать книг отложены в сторону — все они были из личной библиотеки Владимира Ильича.

Больше ничего. И трудно было теперь рассчитывать, что найдутся и другие, а особенно рукописи. Их след затерялся совсем.

Началась Отечественная война, и надежд у тех, кто все же упорно продолжал искать, совсем не осталось. Многострадальная Польша была разорена фашистскими оккупантами. В огне, в бушующих взрывах гибли бесценные национальные реликвии. Фашисты маршируют на восток. Но скоро этот марш был остановлен. Начался освободительный поход советских армий на запад.

Вот и Краков стал свободным. Война ушла дальше. А советские архивисты просят командование 1-го Украинского фронта откомандировать на поиски ленинских книг и рукописей хорошо разбирающегося в таких делах человека.

Такой человек нашелся. Он имел военное звание майора, а в мирное время был профессором Московского юридического института.

Майор Щукин остался в Кракове, чтобы продолжить поиски, не завершенные Ганецким. Это было для него большой партийной задачей.

Известия, которые Щукин добыл, были очень нерадостные. Доктор Казимеж Седлачек, с которым Щукин встретился, рассказал, как еще в 1918 году польские legionеры, спасаясь от холода, топили печи книгами. Среди этих книг Седлачек нашел и сохранил том сочинений Августа Бебеля с заложенной в него рукописью ленинской статьи для газеты «Правда».

Оставалось надеяться на чудо.

И оно произошло.

Ленинский архив можно было искать где угодно. Скорее всего бесценные бумаги могли находиться в делах австрийской жандармерии или польской

политической полиции. Но найти поронинско-краковский архив Ильича среди бумаг... ясновельможных князей Чарторийских!.. Это действительно было чудо.

Но так или иначе, а в 1954 году польские архивисты любовно и заботливо уложили в специально сделанный серебряный сундучок 1 070 документов, из которых 250 написаны ленинской рукой. И польские товарищи торжественно передали этот ценнейший архив ЦК КПСС.

Ценнейший не только потому, что он ленинский, не только потому, что в нем содержатся материалы, принадлежавшие Владимиру Ильичу, но и потому, что этот архив позволил выявить еще десяток ленинских статей, опубликованных в разное время без подписей или под псевдонимом. Пополнился и список ленинских псевдонимов, их теперь насчитывается почти восемьдесят.

А сколько ленинских рукописей, сколько писем к нему еще не разыскано!

Сентябрь 1917 года. Буржуазная, меньшевистская, генеральская Россия трубит свою победу. Ее уже не устраивает болтун Керенский. Она жаждет власти «сильного человека», «военного диктатора». И имя его названо — это генерал «народный», «герой войны» и верховный главнокомандующий Корнилов. Ему передадут власть. Постараются передать под прикрытием «демократического совещания» представителей всех партий, кроме большевистской, конечно. И сделать это черное дело нужно не в революционном Питере, а в купеческой первопрестольной Москве.

В это время в Смольном большевики готовили новое наступление, готовили новую революцию — социалистическую. Ленин направлял работу ЦК, указывая на приближение того кризисного момента, когда нужно решительно брать власть в свои руки. Об

этом Ленин писал письма в ЦК, так как сам он еще вынужден был скрываться от шпииков Керенского.

Эти письма передавала в секретариат ЦК Мария Ильинична, а раздавала членам ЦК Елена Стасова.

Стасова была не только секретарем ЦК, но и хранителем секретного архива партии. И нередко документы, которые потом решением Центрального Комитета почему-либо изымались из широкого обращения, в единственном экземпляре сохранялись у Стасовой.

Все «помещение» архива — железный чемодан для документов, и второй — для нелегальной библиотеки. Чемоданы находились вне помещения секретариата на случай внезапных обысков.

А время было тревожное. Передать власть Корнилову в Москве буржуазия не смогла — пролетариат был настороже и на контрреволюционные махинации реакции ответил забастовкой 400 тысяч рабочих. Генерал решил двинуться походом на Петроград, разогнать Советы, расстрелять большевистских лидеров и «успокоить» Россию. Корнилов и буржуазия развязывали в стране гражданскую войну.

Елена Стасова очень беспокоилась за судьбу секретного архива. Корнилов шел на Петроград во главе конного корпуса. Предстояли бои, и об архиве нужно было позаботиться. В эти дни в столицу из Екатеринбурга приехал один из работников большевистской партии. Он вскоре должен был возвращаться на Урал, и Стасова решила вручить ему два чемодана архива, полагая, что в Екатеринбурге они будут в безопасности.

Мятеж чехословаков, гражданская война, иностранная интервенция. На Урал наступал Колчак. Товарищ из Екатеринбурга вынужден был зарыть в землю чемоданы секретного архиву ЦК.

И по сей день где-то на Урале в земле лежат эти заветные два чемодана, а в них — единственные экземпляры документов Центрального Комитета большевистской партии, ленинские письма.

Их ищут. Их найдут, как нашли часть краковско-поронинского архива, как нашли другие, казалось бы, погибшие для истории замечательные письменные памятники. Об удивительных судьбах ленинских рукописей рассказано в интересной книге «Поиски бесценного наследия». Написал ее Роман Тимофеевич Пересветов.

Рукописи путешествуют, рукописи по счастливой случайности достигают стен древлехранилищ. Удивительны порой эти драгоценные странички, удивительны их маршруты.

ЧЕРНЫЕ ПОРТФЕЛИ

Ночь над Петербургом. Она такая же темная, глухая, как над Москвой, Тулой, Рязанью. Она сбросила белые июньские покрывала и теперь в мертвящем свете луны кривится уродливыми тенями памятников, колонн, шпилей, крепостных стен. В открытых окнах дворцов еще гремят последние такты последней мазурки — развлекающийся Петербург скоро разъедется по курортам, имениям, заграницам. В такты музыки вплетаются свистки городских. У спящих подъездов надрываются колокольчики.

Вспыхивают огни в потревоженных окнах, подобострастно изгибаются дворники, мелькают гороховые пальто сыщиков охраны. И так почти каждую ночь после того, как в 1879 году в Петербурге, Одессе, Киеве введено чрезвычайное положение и генерал-губернаторы обрели полномочия диктаторов.

У правительства ни минуты покоя. Не знают покоя и революционеры-народники. Не знают, где приклонить голову, куда спрятать важные документы, как добыть средства на пропитание.

И, наверное, будь полиция повнимательней, она бы заметила молодого человека с ясно-голубыми глазами, худощавого, с девичьим румянцем на впалых щеках. Она могла бы застать его в квартирах адвокатов, артистов, писателей. Документы его всегда были в порядке.

Никто не обращал внимания и на то, что в комнате, где спал этот «запоздавший» гость, всегда открыта форточка.

За окном на черном шнурке висели два черных портфеля...

В начале 20-х годов, когда только-только отгремела гражданская война и мирная жизнь едва начала входить

в новое, социалистическое русло, начался сбор, систематизация и осмысливание значительного количества документов истории революционной борьбы в России. Открылись секретнейшие архивы полиции, святая святых царской охраны. Чуть ли не каждый день среди вороха бумаг делались поразительные находки. Ученые вносили существеннейшие коррективы к тому скудному багажу фактов, который имелся в печатных работах, вышедших в свет до революции и рассказывавших о ней, ее развитии и предыстории.

Еще живы были те, кто помнил 60-е годы XIX века, еще не состарились «грозные террористы» 70-х годов, хотя в живых их осталась маленькая горстка. Еще живы были многие участники баррикадных баталей 1905 и 1917 годов. Свидетели великих событий брались за перо. Они должны были рассказать ровесникам Октября историю страны, большую жизнь отцов и дедов.

Статьи, воспоминания, памфлеты, многотомные мемуары заполнили историко-революционные и литературно-политические журналы. Издавались брошюры, книги, собрания сочинений.

Бывшие народники, хотя их было и немного, оказались чрезвычайно плодовитыми. Одни из них, как Вера Фигнер, делились пережитым, другие же, вроде Русанова, еще пытались дать идеологический бой торжествующему марксизму.

Именно в эти годы легенды о «страшных террористах» — революционных народовольцах обросли мемуарными деталями. Иные авторы лихо вспоминали диалоги, звучавшие полстолетия назад, приписывали себе и своим друзьям поступки, которых не совершали, побуждения, которых у них не было. Историческая ценность подобного рода воспоминаний была очень невелика. Но среди этой очень сомнительной мемуарной беллетристики были и серьезные, чрезвычайно интересные и важные для изучения истории русского

революционного движения воспоминания, дневники, письма.

Мемуары всегда читаются с интересом. Но к ним нужно относиться критически. Это не значит, что всякий, кто взялся за воспоминания, заведомо обрекает себя на роль обманщика и фальсификатора. Но бывают и такие. Мемуары князя С. Трубецкого, диктатора восстания 14 декабря 1825 года, не явившегося на Сенатскую площадь, были во всех своих вариантах только попыткой оправдать собственную трусость. Зато бесценны свидетельства Якушкина, Бестужева и других декабристов.

Мемуары, как правило, пишутся на склоне лет. Это раздумья о минувшей жизни, значительных событиях, встречах, радостях и горестях, пережитых поколением автора.

Наша память устроена так, что если бы мы не забывали, то не могли бы запоминать новое. Забытое потом восстанавливается, но восстанавливается не как череда отдельных деталей, а как общая — и часто не совсем верная картина. Но мемуары ценны именно деталями. И мемуарист должен их воспроизвести. Ему кажется, что он все обрисовал точно, сочно, выпукло. Он никого не хотел обмануть, ввести в заблуждение. Но память! Она упустила дату, потеряла словечко, покрыла полотно новыми, более поздними мазками, а в результате получилось: все ярко, но не все верно.

Поэтому многие авторы воспоминаний добросовестно старались освежить в памяти пережитое, сверяя образы памяти с документами эпохи. До Октябрьской революции не так-то просто было проникнуть в архивы. А архивы Третьего отделения личной канцелярии его императорского величества, департамента полиции, охраны вовсе были недоступны. Октябрь открыл их всем. Сколько тайн, сколько человеческих трагедий нашли свое объяснение!

Но и архивы не всегда могли помочь тем, кто старался восстановить в деталях историю революционной борьбы. Ведь в этих секретных архивах сохранилась незначительная часть документов. Их отобрали при арестах, потом они попали в следственные «дела», фигурировали на процессах. Но, как известно, революционеры всегда старались хранить у себя как можно меньше подобных улик и в случаях угрозы ареста прежде всего очищали квартиры от таких документов. Поэтому жандармы никогда не могли похвастаться «богатыми уловами». Беспримерен подвиг работников тайной типографии народовольцев в Саперном переулке. Они отчаянно отстреливались не потому, что рассчитывали отбиться от полиции и солдат, а только для того, чтобы выиграть время и успеть сжечь все материалы, имевшиеся в типографии.

Конечно, большинство документов, написанных рукою деятелей «Земли и воли», «Народной воли», погибли безвозвратно, и мемуары не могли восполнить этой потери.

Между тем среди старых народовольцев, оставшихся в живых, развернулись горячие споры. Спорили о вариантах программы «Земли и воли», спорили даже о датах заседаний Липецкого и Воронежского съездов, о роли тех или иных деятелей партии в определении ее курса, осуществлении практических мероприятий. Остро дискутировали Фроленко и Николай Морозов, члены Исполнительного комитета «Народной воли». Спорили даже живые с мертвыми, и часто живые опровергали показания мертвых на следствиях и судебных заседаниях. Это были споры не только во имя восстановления истины, это было и продолжением идеологической борьбы.

А ведь были и ученые-историки. Они приступили к работе по пересмотру всемирной истории человечества с позиций марксизма. Как нужны были и тем и другим

подлинные материалы, написанные рукой Желябова, Перовской, Александра Михайлова, Кравчинского! Нельзя было и целиком доверять показаниям, сделанным на следствии и во время процессов. Они, конечно, сбивали суд со следа живых, оставшихся на свободе.

И вдруг в разгар научных исследований стало известно, что обнаружен архив «Земли и воли» и «Народной воли».

Архив двух революционных организаций? В России? Это было беспрецедентно. В Женеве и Цюрихе, в Праге, Лондоне, Париже хранились архивы русских социал-демократов. Но землевольцы и народовольцы 70-х годов не имели своих заграничных центров. Те же материалы, которые попадали к издателям народнического толка, русским эмигрантам Лаврову, Ткачеву, частично Бакунину, носили в известной мере литературный характер статей, хроники, безымянной корреспонденции. Кое-что из подлинных документов увезли с собой случайно уцелевшие народовольцы и чернопередельцы после разгрома 1881-1884 годов, но это были разрозненные и не всегда значительные материалы.

Но разве существовал архив «Земли и воли» и «Народной воли»? Да, существовал. Об этом свидетельствовали и воспоминания умерших, свидетельствовали и оставшиеся в живых. Жив был и его первый хранитель — все тот же худощавый и уже не молодой, отбывший 25-летнее заточение в Шлиссельбургской крепости Николай Александрович Морозов.

Как же сохранился этот удивительный архив и о чем он рассказал?

1878 год. Россия взволнованно следит за окончанием «большого процесса», «процесса 193-х», «процесса-

монстра». Устроители этого необыкновенного судилища над революционерами-народниками попали в трудное положение. Ловили «крамольников» почти четыре года, поймали несколько тысяч, гноили по тюрьмам несколько лет, кое-кто из заключенных умер, кое-кто сошел с ума, многих пришлось выпустить за неимением улик.

Оставшиеся 193 вели себя «возмутительно». Они не обращали внимания на судей, дерзили, пытались произносить речи, а потом вообще отказались являться на заседание суда.

Из 193 десять человек, для устрашения и в назидание, были осуждены, а остальных выпустили на поруки, под надзор полиции.

Выпустили и Николая Морозова. Выпустили, чтобы снова схватить, услать, глаз не спускать. Но и Морозов решил по-иному. Он попросту скрылся, перешел на нелегальное положение.

Началось бесконечное блуждание по квартирам. Сегодня ночью он у редактора журнала «Знание» Гольдсмита, завтра его укладывает на диван в своем кабинете писатель Анненский, а на следующий день он у присяжного поверенного Ольхина или у Евгения Корша. Их квартиры вне подозрений, хозяева тоже. Но они сочувствующие, они не против того, чтобы «нигилисты» одержали верх или, во всяком случае, так припугнули власть имущих, что царь даровал бы конституцию России.

А в это время народники переживали острый кризис внутри своей организации. Старое общество пропаганды, кружок так называемых «чайковцев», развалился окончательно, и собрать его осколки было уже нельзя. Новые люди, влившиеся в народническое движение, требовали создания централизованной партии с дисциплиной подчинения большинству, а не полуанархических объединений, как это имело место ранее. Требовали они и решительных

действий против жандармов, шпииков, требовали, чтобы велась дезорганизаторская работа, чтобы из тюрем освобождались товарищи, чтобы не могли спокойно спать царские прокуроры, жандармские полковники, градоначальники, чтобы сам царь сон потерял в чертогах Зимнего.

Этих новых людей прозвали «троглодитами», так как никто не знал, где они живут, где скрываются. Но среди «троглодитов» у Морозова есть старые друзья.

Они задумали и осуществили издание народнического журнала «Земля и воля», и Морозов вместе с другом, соратником прежних лет писателем Сергеем Кравчинским, и старым пропагандистом Дмитрием Клеменцем стал его редактором.

Редакционного помещения не было. Не было ни столов, ни шкафов, ни ящиков, ни сейфов. Были тревожные сигналы на окнах конспиративных квартир, были в изобилии гороховые пальто «пауков», были новые аресты, разногласия, неудачи в попытках освободить Ипполита Мышкина, Войнаральского.

Близился новый, 1879 год, и все чаще и чаще звучали выстрелы: Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Трепова, в Харькове убиты генерал-губернатор Кропоткин, прокурор, жандармский полковник.

Ширится крестьянское движение. В столице образовался «Северный союз русских рабочих». Его создатели Степан Халтурин и Виктор Обнорский зовут пролетариев всей России к объединению и борьбе. Свирепееет полиция, в тюрьмах не хватает мест, заполнены каторги.

Все труднее и труднее Николаю Морозову находить безопасные приюты. Он не только редактор, но и секретарь редакции, хранитель документов, печатей, бланков для паспортов, деловой переписки, протоколов.

Он мечется с квартиры на квартиру, и в руках у него неизменные два портфеля. С ними Морозов не расстается ни днем, ни ночью. И только изредка, когда ему кажется, что вот-вот захлопнется ловушка, расставленная для него сыщиками, он отдает наиболее важные бумаги на сохранение лицам незаподозренным. Но таковых тоже становится все меньше и меньше. Полиция врывается с обысками в дома профессоров и адвокатов, артистов, врачей, педагогов. Опасаясь обысков, эти люди могут уничтожить бесценные документы партии.

Не раз Николай Морозов попадал под такие внезапные наскоки. Его не тревожили протяжные звонки у парадных дверей среди темной ночи: документы, изготовленные паспортным бюро партии «Земля и воля», были надежными.

Но портфели!..

Звонок у парадного трясется, как эпилептик. Испуганные вскрики хозяйки, жмущаяся на кухне прислуга, хозяин в ночных туфлях растерянно смотрит на гостя. Нужно открывать, нужно открывать...

А гость, не обращая внимания на переполох, стоит у открытой форточки.

Проворно связываются черным шнурком черные портфели. Через секунду они уже за окном, и на фоне черной ночи не разглядеть черного шнура и черных портфелей.

Так случалось не раз. Но так не могло продолжаться вечно.

Морозов пожаловался своему приятелю и тоже хранителю кое-каких народнических бумаг — присяжному поверенному Ольхину.

Ольхин быстро нашел «хранилище».

Угол Бассейной и Литейного — старинный дом Краевского. Этот дом, как немой свидетель, помнил, когда по его ступеням легко взбирался Пушкин, помнил

он и гусарский ментик Лермонтова и черный плащ Гоголя. Здесь бывал Писарев, здесь помещалась редакция «Отечественных записок», и здесь жил секретарь газеты «Молва» видный литератор Владимир Рафаилович Зотов.

Огромная передняя забита полками с книгами, папками, затем следует узкий туннель между книгами, закрывшими стены коридора. В конце его — кабинет хозяина.

Из-за огромного письменного стола навстречу Морозову поднимается высокий старик. Редкая седая борода. Передних зубов давно уже нет, и он шепелявит.

Первые рукопожатия, и хозяин без предисловия говорит гостю:

— Положите все бумаги в портфели, закройте их замками, ключи которых будут у вас. Я портфели положу на верхней полке среди папок, которые вы видели в моей передней. К ним запрещено прикасаться кому бы то ни было из моей семьи, а посторонние всегда встречаются и провожаются прислугой или нами. Это самое лучшее место, так как в случае какого-либо несчастья я всегда могу сказать, что портфели в передней оставил без моего ведома кто-нибудь из приходящих ко мне по литературным делам...

Придумать что-либо лучшее было трудно. Потом долго пили чай и вели неторопливую беседу. Морозов совсем успокоился, поняв, что радушный хозяин одобряет радикальную деятельность народников, их социалистические идеалы. И как замороженный он слушал о тех далеких временах, когда в этом кабинете, в этом самом кресле сидели Пушкин, Лермонтов, Гоголь и юноша Зотов разговаривал с ними. Невидимая нить тянулась от певцов дворянской революционности к редактору революционного журнала разночинцев-демократов.

Начало архиву было положено. Никто, кроме Морозова, не знал места хранения бумаг. Морозов не часто беспокоил Зотова своими посещениями, но, когда приходил, неизменно заставлял Владимира Рафаиловича в кабинете.

Горничная приносила им чай. Через десять-пятнадцать минут, улучив момент, когда никого в коридоре не было, Зотов молча вставал, шел к стеллажам, брал портфели и молча же вручал их гостю. Потом оба занимались своими делами. Когда Морозов уходил, Зотов с теми же предосторожностями водворял архив на место.

А события развивались своим чередом. Стачечная борьба рабочих, крестьянские волнения, систематический террор, который начали проводить народовольцы, создали в стране новую, вторую уже по счету революционную ситуацию 1879-1881 годов. Правительство ответило на взрыв революционного движения белым террором. Виселицы, расстрелы, войска, шагающие по могилам под «Камаринского», неограниченные полномочия генерал-губернаторов. И длинный мартиролог повешенных, расстрелянных, заживо погребенных.

После провала типографии «Народной воли» и дерзкого взрыва в Зимнем дворце Морозову пришлось на время скрыться за границу.

Перед отъездом он привел к Зотову Александра Михайлова — «дворника» партии народовольцев. Отныне Александр Дмитриевич стал хозяином архива.

Прошел еще год. Один за другим гибли, вычеркивались из списка живых герои «Народной воли». Ожидал в тюрьме своей участи и Александр Михайлов. Морозов был схвачен на границе, когда пытался вернуться в Россию.

Потянулись годы черной реакции. Умер в тюрьме Михайлов, пожизненно упрятан в Шлиссельбургской каменной гробнице Морозов.

Умер и Зотов. Умерло и революционное народничество.

Минуло четверть века. Давно уже на поприще классовой борьбы выступил рабочий, марксист, ленинец. Остатки народников, растеряв боевые традиции революционеров-демократов, скатились в болото либерализма. Возникшая партия эсеров возродила индивидуальный террор, но отказалась от светлых, хотя и утопических идеалов социализма Желябовых, Морозовых, Перовских, Мышкиных, Алексеевых.

И грянул 1905 год.

Революция пролетариата освободила революционеров-народовольцев из Шлиссельбурга. Немногие из них нашли в себе силы, чтобы выжить, не сойти с ума.

Николай Морозов выжил, стал крупным ученым-химиком. Он не забыл об архиве. Но могила Зотова не могла ничего ему подсказать. Кто-то вспомнил только, что на даче Владимир Рафаилович незадолго перед смертью хранил какие-то документы. Он прятал их под полом беседки в саду. Но беседка тоже давно сгнила, и следы затерялись окончательно.

Морозова еще раз упрятали в тюрьму, однако ненадолго. Новая революция освободила его окончательно.

И стало известно, что Зотов перед смертью передал заветные портфели редактору «Нового времени» Суворину, а сын Суворина, уже после революции, отдал их издателю журнала «Былое» Бурцеву.

Теперь только Морозов вспомнил странную встречу в 1907 году, когда Суворин пытался познакомиться с ним. Но он отверг эту попытку реакционера. Морозова не сломали 25 лет Шлиссельбурга.

Такова удивительная судьба этого архива, или, вернее, того, что от архива осталось.

Исчезли печати и бланки, исчезли многие письма, программные документы. И все же сколько нового, ценного внес архив в изучение истории революционного движения в России в 70–80 годах XIX века!

Варианты программы «Земли и воли». Первая программа, переписанная рукою А. Оболенева на двух листах папиросной бумаги. Проект устава «Земли и воли», два варианта, и также рука Оболенева; поправки и замечания к проекту самого Оболенева, Александра Михайлова, Квятковского.

Многочисленные письма и грозные предупреждения, которые посылались Исполнительным комитетом «Народной воли» царским палачам, письма из тюрем товарищей, приговоренных к казни, проекты договоров и... четыре тетради.

Они аккуратно переписаны женской рукой. Записи в тетрадях столь поразительны по своему содержанию, что, бесспорно, они являются самым ценным материалом из всего, что сохранилось в архиве.

Это тетради Николая Васильевича Клеточникова.

Его имя не воскрешает картин героической борьбы: подкопов под полотно железной дороги, выстрелов на Дворцовой площади, взрыва столовой Зимнего. Но Клеточников был, пожалуй, одной из самых героических фигур среди корифеев народовольчества.

Худощавый, среднего роста, со впалыми щеками, он говорил негромко, глухим голосом и не знал, куда девать свои руки. Что-то неуклюже-детское, чистое, мягкое светилось в этом человеке. Он приехал из глухой провинции, и народовольцы, с которыми познакомил его Александр Михайлов, показались ему гигантами. Клеточников смотрел на них с обожанием, с трепетом и втайне мечтал быть похожим на этих людей.

А «гиганты» с восторгом взирали на этого болезненного, тихого «ангела-хранителя».

И он действительно в течение двух лет охранял партию «Народной воли» от ударов жандармерии. Клеточникову по настоянию Михайлова удалось устроиться письмоводителем в секретнейший отдел политического сыска Третьего отделения, а потом и департамента полиции.

Трудно даже представить себе ту моральную пытку, которая длилась для этого кристально чистого человека два года. Он был в логове царских опричников, его ценили там за красивый почерк, молчаливость, за то, что живет он одиноко, никого у него не бывает, ни к кому он не ходит, обедает в кухмистерской и всегда «готов предстать перед начальством».

Такой человек был сущим кладом для секретной работы. Это был клад для революционеров.

И вот его тетради.

Списки шпионов, которые состоят на жаловании, шпионы добровольные, лица, на которых секретный сыск имеет виды. Где, когда, кем производились обыски и аресты, у кого в ближайшее время они намечаются, кто состоит на подозрении жандармов, за кем установлен секретный надзор. Сведения о людях, которых жандармы считают революционерами, но они не известны руководителям народничества. Как ведут себя арестованные на допросах, выдали ли кого, пытаются ли их...

Записи Клеточникова — в своем роде единственный источник, из которого исследователь может почерпнуть не только факты; он узнает о том, что «думают» сделать жандармы, характеристики людей, работавших в Третьем отделении. Многие документы фонда Третьего отделения и департамента полиции в настоящее время можно восстановить, пользуясь только таким путеводителем, каким являются тетради Клеточникова.

Кто еще расскажет о том, как пытали Александра Соловьева, стрелявшего в царя 2 апреля 1879 года, о делах матерых шпионов вроде Шарашкина, Райнштейна, которые были уничтожены народовольцами (жандармы не могли никак понять, откуда революционеры узнали о подлой деятельности этих «пауков»)?

Клеточников был арестован 28 января 1881 года на квартире Колоткевича; он зашел к нему, чтобы предупредить об аресте. Приговоренный к смертной казни, которую потом заменили вечной каторгой, он через год после суда погиб в Алексеевском равелине.

Такова судьба этого удивительного, уникального по своему значению архива. Теперь он мирно стоит на полке, верно служит исследователям. В 1932 году все материалы архива «Земли и воли» и «Народной воли» были изданы Обществом политкаторжан.

Уж поскольку мы заговорили об архивах народников, то расскажем и о том, сколь драматически сложилась судьба другого, очень небольшого по количеству документов, но чрезвычайно важного по значению архива.

МЫСЛЬ БЕССМЕРТНА

Узнику, сдавленному четырьмя стенами камеры, остаются только мысли и мечты. Мысли горькие, хотя в них нет сожаления. Кончаются последние дни жизни, еще неделя, немного больше... И эшафот, и безвестная могила. Всю жизнь поглотила борьба. А ведь он не был создан для нее. Его влекло научное поприще. Но революция требовала практики. Пришлось засесть за изготовление динамита, конструировать мины, готовить метательные снаряды. Ни минуты отдыха, ни на секунду нельзя ослабить нервы. Нелегальный, гонимый!..

А мечты? Как хочется помечтать о жизни!

Но это бесплодно. Ее осталось так мало, что можно считать не дни, не часы, а минуты.

Мучает одно, неотступное, режущее — сознание разгрома организации. И не потому она потерпела крах, что враг могуч, а потому, что была слаба. Но в чем просчет? Одному трудно найти ответ. Узник с тоской оглядывает камеру: забранное крепкой решеткой окно, стол, стул и кровать.

А в окне краешек луны. Даже ее холодный свет кажется теплым приветом жизни, воли. Недолгий гость этот далекий спутник. Пять-шесть минут, и он отвернется от окна, медленно поплывет в необозримые шири. Сколько пространства! Вечность! Узник приветливо кивает луне головой. До завтра! А ведь скоро наступит день, когда не будет завтра. А луна будет светить... другим, всем, кроме него.

Нет, лучше не думать об этом! Слишком мало времени, чтобы растрчивать его на такие мысли.

Вчера, прежде чем забыться тяжелым сном, он опять думал над одной идеей. Потом целый день допросы. О чем он думал вчера? Опять о Луне?

Да, о Луне. Ему снова хотелось до нее добраться. Почему возникло такое желание, он сейчас уже не может припомнить, но оно породило мысль о летательном аппарате. Узник улыбается, сразу становится спокойным. Его уже больше не раздражают шаги стражей, он не вздрагивает, когда подымается шторка глазка на двери...

Летательный аппарат! Извечная мечта человека! Он много читал о тех, кто, подобно Икару, хотел взвиться ввысь. Проходили века. Леонардо да Винчи, братья Монгольфье... Люди парят на воздушных шарах без руля и без ветрил. Аппарат тяжелее воздуха — вот о чем он думал вчера перед сном!..

Узник нетерпеливо усаживается за стол. Перед мечтой рухнули стены крепости, нет ночи, исчез призрак смерти. Ясный солнечный день озаряет большую поляну. Небо опрокинулось над травами. Люди'— много-много людей. Смех, цветы, гремят оркестры. На поляне какой-то невиданный аппарат сверкает стальными частями, чей-то властный голос, перекрывая шум, музыку, отдает команду. Аппарат отрывается от земли и легко повисает в воздухе, будто его подтянули на тросе к облаку. Крики «ура». У всех запрокинуты головы, счастливо блестят глаза?!..

Узник устало качает головой. Он думает долго, напряженно, что-то считает на клочке бумаги, невидящим взором смотрит в темный провал окна.

Надзиратель заинтересован. Вот уже два часа этот странный смертник что-то пишет. Завещание? Вряд ли нигилисту есть что завещать, а потом все равно власти конфискуют. Письмо кому-нибудь? Глаза надзирателя округлились. Преступник сошел с ума. Ему мерещится клад, и он рисует план, как его отыскать. Нет, похоже, какая-то машина. Уж не задумал ли он с ее помощью упорхнуть на волю?

Смертник вскакивает со стула и вздрагивает. Он только сейчас заметил надзирателя. «Что, опять на допрос? Но мне некогда, как они не понимают!..»

От стены — к двери, от двери — к стене, не считая шагов, чуть замедляя их на повороте, чтобы не закружилась голова. Теперь нельзя мечтать, мечта расслабляет. Нужен прилив творческой фантазии, если нет опыта. Как нет опыта?

И снова склоняется к столу голова.

В камере погасили свет, пришлось лечь. Но разве уснешь! Усталость не дает сосредоточиться. Мелькают обрывки воспоминаний. Одесса! Как ласково твое солнце, как игриво море! Оно нескончаемо шумит прибоем, перемигивается миллионами искрящихся фонариков. Вечерами бледно-фисташковые, лиловатые блики вспыхивают на лакированных боках тихой зыби. Он был в Одессе в те дни, когда там ждали императора. Он тоже ждал. Чтобы убить его. Готовил мину. А Одесса волновалась: украшались парки, скверы, прихорашивались рестораны. Каждый вечер гулянья, хотя царь еще не приезжал. На берегу фейерверк. Как дружно взлетали ракеты, лопааясь в вышине!.. Ракеты?..

Как тесен мир камеры, как темно в ней! Усталый, заметно возбужденный, узник засыпает.

Раннее утро застает его за работой. Теперь он спокоен, внутренне собран. Прочь мечты! Точный анализ, схема, расчет. Нет таблиц, придется ограничиться описанием общей идеи. Если она верна, то найдутся люди, которым посчастливится жить завтра; они рассчитают, построят и, быть может, помянут добрым словом узника-изобретателя.

Дверь камеры широко распахивается. На пороге какой-то господин. Что ему еще нужно?

— Я пришел познакомиться с вами. Мне предстоит быть вашим адвокатом на процессе.

Узник понимает, что господин выполняет служебный долг. Как его зовут? Ведь вчера на допросе называли его фамилию. А, вспомнил...

— Милости прошу, господин Герард, извините за непрезентабельность, но в сем я не повинен.

Герард с удивлением смотрит на этого худощавого, скорее суховатого человека с тонкими и правильными чертами лица. Даже улыбка не может скрыть усталость. Но глаза, глаза! Их освещает внутренний огонь. Его предупреждали, что подзащитный далеко не созерцательного склада человек, что он сам признавался: временами у него появляется желание бросить зажженную спичку у пороховой бочки.

— Я помешал, вы были чем-то заняты?

— Да, господин адвокат.

— Разрешите полюбопытствовать?

— Пока нет, господин адвокат.

Герард ничем не выдал своего удивления. Потянулась скучная, обязательная беседа. Когда подзащитный родился, вероисповедание, род занятий, образование... «Какое это имеет значение теперь, когда впереди смерть и так мало времени?» Или защитник хочет выяснить мотивы, побудившие его встать на путь революционной борьбы? И он подробно рассказывает, как сын священника, сочувствуя социалистической пропаганде, хотел идти в народ, слиться с ним, поднять его нравственный и умственный уровень, но был остановлен на полпути арестом. Аресты, ссылки, а потом и казни бросили мирного пропагандиста в объятия террора. Ему он отдал свои знания техника...

Герард ушел. Узник и не услышал, как захлопнулась дверь. На бумаге появился чертеж. Несколько минут узник раздумывает над ним, потом быстро проставляет на плане буквы, отодвигает от себя и начинает его описание.

23 марта 1881 года смертник, наконец, познакомил Герарда со своим изобретением и передал ему на хранение.

В этот день ошеломленный защитник ни о чем не расспрашивал узника.

«Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект. Я верю в осуществление моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении.

Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Начальство заверило приговоренного, что его проект передадут на рассмотрение ученых.

И он ждал. Ждал 28 и 29 марта, ждал 30-го. Позади жизнь, процесс, впереди казнь. До нее три дня. А ответа нет и нет...

Он не просил о помиловании, не подавал кассационных жалоб, он ждал решения экспертов. Его жизнь — это аппарат. Если аппарат будет жить, то можно умереть. Он уверен в правоте дела, за которое умрет, сейчас важна уверенность в правоте идеи, которая столько открывает людям!

31 марта смертник снова склонился к столу. Как легко писался проект, как тяжело написать эти строки: «Его сиятельству господину министру внутренних дел»!

«По распоряжению Вашего сиятельства мой проект воздухо-плавательного аппарата передан на рассмотрение технического комитета. Не можете ли, Ваше сиятельство, сделать распоряжение о дозволении мне иметь свидание с кем-нибудь из членов комитета по поводу этого проекта не позже

завтрашнего утра, или по крайней мере получить письменный ответ экспертизы, рассматривавшей мой проект, тоже не позже завтрашнего дня...»

До завтрашнего, и не позже! Если у экспертов есть сомнения, вопросы, нужно иметь в резерве хоть день-два, чтобы обдумать ответы и дать разъяснение. Как томительно тянется время, как гнетет неизвестность и одиночество! Скорее уж!..

«Их сиятельство» прочел прошение, позвонил, передал секретарю. В «деле» узника появилась еще одна бумажка, на ней стояло: «Приобщить к делу о 1 марта». Она была последней, перед ней был подшит конверт, в котором лежал проект, на проекте той же рукой написано: «Давать это на рассмотрение ученых теперь едва ли будет своевременно и может вызвать только неуместные толки».

Узник мечтал о Луне. Он умирал за социализм. Ему было двадцать семь лет...

Апрельский номер журнала «Былое» за 1918 год был целиком посвящен народовольцам, участникам «дела 1 марта 1881 года». В журнале были опубликованы статьи «Проект воздухоплавательного аппарата Н. И. Кибальчича» и «О проекте воздухоплавательного прибора системы Н. И. Кибальчича». Обе эти статьи написаны после того, как еще в августе 1917 года в архиве департамента полиции был найден пакет. В пакете — чертеж и описание воздухоплавательного аппарата, прошение отдать его на рассмотрение экспертов и отношение начальника жандармского управления генерала Комарова в департамент государственной полиции: «В удовлетворение ходатайства обвиняемого в государственном преступлении сына священника Николая Кибальчича, проект его о воздухоплавательном приборе при сем представить честь имею».

Проект смелый, проект, слухи о котором все время тревожили иностранную прессу. Она узнала об этом проекте из брошюры «Николай Иванович Кибальчич», Лондон, 1882.

Автор этой книжечки писал: «Что касается его проекта воздухоплавательной машины, то, если не ошибаюсь, он состоял в следующем: все ныне употребляемые двигатели (пар, электричество и т. д.) недостаточно сильны для того, чтобы направлять воздушные шары. Идея Кибальчича состояла, кажется, в том, чтобы заменить существующие двигатели каким-нибудь взрывчатым веществом, вводимым под поршень. Сама по себе эта идея, насколько мне известно, не нова; но здесь важны подробности: какое вещество вводится, при каких условиях и т. д. Будет, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставит его сражаться даже с мертвым врагом и похоронить вместе с ним его, может быть, в высшей степени важное изобретение. Но всего вероятнее, конечно, что оно будет просто украдено, — благо протеста с того света никто не услышит».

Теперь о проекте Кибальчича написано много и нет необходимости рассказывать о его сути. Но, заинтересовавшись проектом, инженеры, ученые попросили архивистов собрать воедино все, что известно об изобретениях Кибальчича.

Ведь еще в том же 1918 году инженер Н. Рынин, впервые ознакомившись с проектом Кибальчича, писал: «Насколько мне удалось разобраться в русских и иностранных сочинениях по воздухоплаванию, за Н. И. Кибальчицем должен быть установлен приоритет идеи применения реактивных двигателей к воздухоплаванию, в идее, правда, практически еще не осуществленной, но в основе правильной и дающей заманчивые перспективы в будущем, в особенности если мечтать о межпланетных путешествиях».

Архивисты выяснили, что Николай Иванович не сразу и не вдруг за несколько дней до казни заинтересовался ракетными двигателями. Выяснили, что он был знаком с проектом планера симферопольского изобретателя Н. А. Арендта, знал он и об опытах Можайского.

Нашли несколько обрывков его записей о крыльях. Он считал, что крылья — это «регулятор движения в воздухе». Через много лет после казни Кибальчича другой русский гений вывел формулу ракетного двигателя, обосновал практическую возможность создания его. Это был Константин Эдуардович Циолковский.

Архив Кибальчича, будь он известен Циолковскому раньше, помог бы великому ученому во многих напряженных поисках, но архив был арестован и уцелел только случайно.

ДОЛГ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Вячеслав Павлович Полонский, редактор журнала «Печать и революция», известный литературный критик, журналист, был к тому же редким библиофилом. Причем собирал он не только редкие книги, но и разные рукописи писателей, документы о выдающихся русских писателях и политических деятелях 40—60-х годов прошлого столетия. Читатели 20-х годов помнят его блестящие работы о Михаиле Бакунине, спор с Леонидом Гроссманом о творчестве Достоевского.

В 1932 году Полонский умер.

И не сразу его богатейший личный архив попал в руки специалистов.

В 1946 году в Литературный архив в Москве стали поступать многочисленные бумаги Полонского. Разобрать их, описать — это, конечно, был большой труд.

Среди всевозможных часто перепутанных рукописей, каких-то тетрадей без начала и конца нашлись две тетради.

Может быть, они и не привлекли бы к себе пристального внимания, но архивисты, листая эти тетради, установили: почерк не Полонского. Почерк, который в бумагах критика встречается впервой. Определили этот почерк как «обычный писательский». Но на первой странице рукописи, написанной «обычным писательским», совсем другим и не совсем обычным почерком стоит: «Повесть эта не была нигде напечатана». И подпись: «А. Герцен».

Герцен! Его же рукою на полях и в тексте тетрадей сделаны многочисленные вставки, исправления.

Повесть Герцена, которая нигде не была напечатана!

Повесть называется «Долг прежде всего».

Но как эта рукопись попала к Полонскому и почему о ней ничего не было известно до 1946 года? На второй вопрос ответить, наверное, легче: по каким-то причинам Полонский никому не рассказал и не опубликовал этот бесценный документ. Может быть, он собирался это сделать, но не успел.

Стали выяснять историю этой повести и довольно скоро установили, что Герцен начал работать над нею в 1847 году. И уже читал первую часть повести Белинскому, когда тот приезжал в Париж. Повесть предназначалась для «Современника». Но, конечно же, она не могла быть здесь опубликована.

После событий 1848 года Герцен стал невозвращенцем, был объявлен вне закона, русская цензура следила за любой щелью, через которую в русскую печать могли бы проникнуть «зловредные Искандеровы сочинения».

В 1851 году Герцен решил, наконец, напечатать повесть хотя бы по-немецки и переслал ее доброму своему знакомому переводчику Вильгельму Вольфзону. Вольфзон сделал перевод, но повесть не вышла и на немецком языке, видимо германская цензура тоже была начеку.

Герцен был настойчив. По оставшимся черновикам он переработал рукопись, и в 1854 году она, наконец, увидела свет в Лондоне в сборнике «Прерванные рассказы».

Но это был уже сокращенный вариант прежней повести.

Герцен умер. Рукопись исчезла. Ее искали, но тщетно.

И вдруг в 1887 году в Дрездене появляется на немецком языке «Долг прежде всего». Полный вариант повести, тот, первоначальный, который Герцен посылал Вольфзону.

А следов рукописи нет.

Наступил новый век. В конце 20-х годов Вячеслав Павлович Полонский получил заграничную командировку и прибыл в Париж. И, конечно, страстный библиофил не мог пропустить ни одной букинистической лавочки, особенно в «заповеднике букинистов» на берегу Сены.

Там-то он и наткнулся на рукопись Герцена. Как она попала в Париж, к букинистам, — об этом можно только гадать.

Повесть Герцена стала известна и широкой читательской аудитории. В «Литературном наследстве» за 1953 год она была напечатана по первоначальному варианту.

ПОДАРОК СИНЬОРЕ АЛЕКСАНДРИНЕ

А вот и совсем неожиданная встреча, в том же Архиве литературы и искусства в Москве. Бумаги, рукописи каких-то воспоминаний, письма и барельеф.

Барельеф Гарибальди.

Рядом письмо: «...Вы спрашиваете, что я думаю о Вашем нынешнем правительстве? Ваш монарх ищет прославить свое царствование освобождением рабов. Надеюсь, что это дело будет завершено. Такой ореол славы, разумеется, лучше всяких побед... Через Вас, русскую женщину, я шлю сердечный и искренний привет Вашему храброму народу, которому предстоит принять участие в будущих мировых событиях». Слова пророческие, вещие, они сказаны вождем итальянских патриотов в 1872 году. Но кто же та женщина, которая должна была донести эти слова до своего народа?

Известная картина русского художника Валерия Ивановича Якоби «Привал арестантов». Хмурые, косматые тучи. И белые журавли. Они вольные. А на земле, на голом поле под дождем на короткий привал остановилась партия арестантов. Сидят понуро, осматривают кандалы. На телеге — мертвый, в тонких сапогах, на пальце свесившейся руки — дорогое кольцо. Это политический. Поодаль группа женщин. У одной на руках грудной ребенок. Молока нет, и в глазах матери тоска, любовь и боль. Очень сильный образ!

Это «синьора Александрина» — так звали в Италии жену Якоби и сестру милосердия, отважную гарибальдийку, спасшую жизнь одному из ближайших помощников Гарибальди — Луиджи Кастелаццо. Знали, что сам Гарибальди призвал ее на остров Капрера, чтобы поблагодарить, вручить на память свой барельеф и письмо к русскому народу.

В России ее знали как Александру Николаевну Пешкову-Толиверову. Знали ее и как корреспондентку «Голоса», «Недели», «Биржевых ведомостей», «Молвы». Ее перу принадлежат интереснейшие, теплые воспоминания о Гарибальди. Ее любили дети, читатели журналов «Детское чтение», «Игрушечка», любили ее и родители этих детей. Она была редактором-издателем педагогического журнала «На помощь матерям», редактировала литературное издание «Женское дело».

Писательница, боец за освобождение порабощенного народа. Ее архив, составившийся из писем к ней, ее писем к итальянским друзьям, ее дневников, воспоминаний, — очень ценный материал по истории движения гарибальдийцев.

Архив путешествовал долго, но добрался до России.

И писательница Кальма уже использовала его для создания прекрасной книги о русских-гарибальдийцах.

ЗАШИТОЕ В ЦЕЛЛОФАН

Письма всегда путешественники. Это путешествовало долго, пока нашло своего адресата, потом было уничтожено и вновь возродилось.

Вот оно, зашитое в целлофан:

«Я прочел с прискорбием статью вашу обо мне во втором номере „Современника“. Не потому, чтобы мне прискорбно было то унижение, в которое вы хотели меня поставить в виду всех, но потому, что в ней слышится голос человека, на меня рассердившегося. А мне не хотелось бы рассердить даже и не любившего меня человека, тем более вас, о котором я всегда думал, как о человеке меня любящем. Я вовсе не имел в виду огорчить вас ни в каком месте моей книги. Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять...»

— Ах, Гоголь не понимает, за что люди на него сердятся? Надо растолковать ему это!

Так воскликнул умирающий Белинский, когда письмо Гоголя, обиженного на Виссариона Григорьевича за рецензию на книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» прибыло из Франкфурта через Петербург в Зальцбрунн, где на курорте лечился Белинский.

Несколько дней просидел Виссарион Григорьевич за ответом. Тем самым ответом, который ныне известен всем. Ответом, который Владимир Ильич Ленин назвал «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати», отразившим «настроение крепостных крестьян против крепостного права».

Письмо Гоголя после смерти Белинского попало к писателю Николаю Филипповичу Павлову, беллетристическими произведениями которого так восхищался Пушкин. Он называл их «первыми

замечательными русскими повестями, ради которых можно забыть об обеде и сне». Павлов еще раньше Белинского опубликовал в «Московских ведомостях» «четыре письма к Н. В. Гоголю», резко критикуя Гоголя за его реакционную книгу.

Умер и Гоголь. В России свирепствовала реакция. Павлов ожидал, что его могут арестовать. И он не ошибся, вскоре его действительно арестовали и выслали в Вятку за «найденные вольнодумные бумаги».

Накануне ареста Павлов значительно почистил эти бумаги, кое-что сжег, кое-что порвал. Порвал он на мелкие куски и письмо Гоголя к Белинскому. При этом присутствовал друг Гоголя и Павлова — Степан Петрович Шевырев. Незаметно он подобрал с полу кусочки письма и спрятал. Несколько кусочков он не заметил, и потом Павлов вымел их с обрывками остальных уничтоженных бумаг.

Так и покоится это письмо в Архиве литературы и искусства, склеенное из кусочков, под целлофаном, предохраняющим его от окончательного уничтожения или утери еще нескольких клочков.

НА КНИЖНЫХ РАЗВАЛАХ

У некоторых памятников судьбы и необыкновенные и в то же время прозаические.

Кто из старых жителей Ленинграда не помнит знаменитых петербургских и петроградских книжных развалов! Нет, это не шикарные букинистические магазины Невского, с богатыми витринами, уставленными дорогими альбомами, юбилейными изданиями, легким чтением для девиц Смольного. Это лавочки на Университетской набережной, рогожки на тротуарах Выборгской стороны. В начале 20-х годов нашего века на книжных развалах появилось необычно много всевозможных рукописей. Это и не случайно. В годину революции, когда народные массы вышли на улицы, срывали царские эмблемы и гербы, жгли полицейские околотки и жандармские управления, «досталось» и некоторым архивам, как государственным, так и частным.

К тому же некоторые бывшие чиновники архивов постарались изъять, или попросту украсть, из хранилищ некоторые наиболее ценные документы. Вероятно, вкусы у этих воров были самые различные.

Заслуженный артист РСФСР Виктор Львович Кубацкий, роясь среди различных бумаг, высыпанных прямо на тротуар одной из ленинградских улиц, наткнулся на какие-то ноты. Ноты были написаны от руки, и это насторожило артиста.

Продавец запросил смехотворно малую по тем временам сумму — 5 рублей — стоимость бумажной макулатуры.

Каково же было удивление и радость покупателя, когда он обнаружил, что приобрел рукописи партитур Римского-Корсакова!

Рукописей было две. Одна — обработка для духового оркестра «Марша» Шуберта, другая — «Полонеза» Шопена. Кубацкий навел справки, и оказалось, что эти партитуры никогда не издавались, хотя обе они относятся к 1888 году.

Рукописи партитур по некоторым пометам на них свидетельствуют о том, что, прежде чем очутиться у букиниста, они какое-то время пролежали в Морском архиве. Кто знает, как очутились они на развале?

Теперь они снова в архиве, но уже не в Морском, а в Государственном архиве литературы и искусства в Москве.

ПОСЛЕДНИМ САМОЛЕТОМ

Вы, наверное, помните трагическую повесть жизни «наследника» и даже императора всероссийского Ивана Антоновича. Напомним тем, кто забыл.

Иван VI, или Иоанн Антонович, император всероссийский, как известно, на престоле сидеть не мог, так как был возведен на оный в возрасте двух месяцев, а низложен, когда ему едва исполнилось четыре с половиной. Остальная жизнь этого «императора» протекала в различных темницах и последние годы — в одиночке Шлиссельбургской крепости.

В ночь с 4 на 5 июня 1764 года подпоручик Смоленского полка Василий Яковлевич Мирович с помощью подложных манифестов склонил на свою сторону гарнизонных солдат, арестовал коменданта крепости Бередникова и потребовал выдачи Ивана Антоновича. Приставы, охранявшие узника, поначалу попробовали сопротивляться, но, когда увидели, что Мирович наводит на крепость пушку, сдались.

Однако прежде чем сдаться, приставы выполнили инструкцию, данную им графом Н. Паниным от имени императрицы Екатерины II: «Ежели паче чаяния случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б то был и комендант или иной какой офицер, без именного за собственноручным Е. И. В. подписанием повеления или без письменного от меня приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать все то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

И не отдали. Бунт подавили. Мировича казнили. Правительство сделало все, чтобы стереть всякую память об неудачливом «императоре» Иване VI. Но его трагический образ, драматическая попытка освободить его и возвести на престол долгое время занимали умы историков и писателей.

За столетие накопилась большая литература, посвященная Ивану Антоновичу. Среди специальных исследований, которых ныне уже почти никто, кроме узких специалистов, и не читает, есть и роман.

Он так и называется — «Мирович».

Роман принадлежит перу популярного в свое время писателя Григория Петровича Данилевского. Да и в наши дни его исторические романы, особенно «Черный год» и «Сожженная Москва», пользуются спросом у читателей.

Прекрасное знание эпохи, быта делают его роман «Мирович» подлинным источником по истории второй половины XVIII века. Данилевский хорошо знал и психологию узников царских застенков, так как в свое время по ошибке был привлечен к делу петрашевцев и несколько месяцев просидел в одиночке Петропавловской крепости.

Данилевский несколько раз переделывал свой роман, видимо опасаясь, что цензура может его не пропустить.

В 1890 году писатель умер. Когда же хвятились искать его архив, то почти ничего из рукописей Данилевского не нашли. Оказалось, что его дети в память об отце разобрали рукописи, и большинство их пропало.

Архива Данилевского фактически не существует, если не считать рукописи романа «Мирович». Она нашлась почти через полстолетия после смерти писателя.

1890 год. Париж. Младшая дочь Данилевского хотела рассеяться после тяжелой утраты. Но Париж завертел ее, и она не успела опомниться, как стала женой молодого испанского дипломата Родригеса.

И вот она уже в Мадриде. Потом Бразилия, Чили, Аргентина, азиатские столицы...

В России отгремели революции. Умер Родригес. Умер крупным дипломатом. Его жена с детьми осталась жить в Испании.

Когда в Испании началась борьба с франкистами, престарелая дочь Данилевского и ее дети встали на сторону народа, приняли самое активное участие в народной борьбе. События застали их в Барселоне. Годы борьбы. Но фашисты побеждали. Уже пал Мадрид, захваченный мятежниками, а Барселона еще отражала штурмы.

И только тогда, когда уже франкистские войска захватили центр города, с аэродрома Барселоны поднялся последний самолет, увозивший последних защитников города.

Этот последний самолет был переполнен до отказа. Этим самолетом улетела и Данилевская с детьми. Они бросили все. Все, кроме рукописи «Мирович». Рукописи, которая досталась младшей дочери писателя. В 1937 году Данилевская и ее дети обосновались в Москве, на Арбате.

А еще через 10 лет Данилевская передала рукопись «Мирович» в Литературный архив.

Удивительная судьба!

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Нью-Йорк. 1915 год. Город захватывает, но не радуется. И он не может стать близким для тех, кто ищет в этом Вавилоне XX столетия счастья, проблеска надежды, веры, будущего...

Город набит долларами, машинами, безработными и «добрыми парнями», которые готовятся «спасти Европу», а вернее — продать свою кровь долларовому Молоху. Они готовы сесть на корабли, чтобы включиться в ту бойню, которую именуют первой мировой войной.

В этом городе выходят сотни газет, еженедельников, информационных листков, иллюстрированных журналов. Издается здесь и еженедельник на еврейском языке «Дер таг» («День»). Всей литературной частью газетки заведует Моисей Абрамович Кац. Не всегда ему удавалось заполнить полосы своей газеты интересными, по-настоящему художественными произведениями, свежей информацией, солидными авторами. Но в 1915 году вдруг повезло. Вот уже в нескольких номерах напечатаны начальные главы романа «Дер Мистейк».

Ошибаются те, кто смотрит на Америку как на страну свободы. Ошибаются те, кто плывет сюда, надеясь обрести счастье; ошибаются и жестоко расплачиваются все, кто идеализирует эту страну бизнеса.

Роман потрясает своим драматизмом. Но и не удивительно: ведь его написал не кто-нибудь, а Шолом Алейхем!

Нет, не ищите этого романа в собраниях сочинений писателя. Его нет там, как нет его продолжения в «Дер таг». Роман остался незавершенным. Шолом Алейхем умер. Рукопись романа незадолго до смерти писатель подарил Кацу.

Минуло 10 лет. В 1926 году семья Каца приехала в Москву. Прибыли в Москву и документы газеты «День». Прибыла и рукопись неоконченного романа Шолом Алейхема.

В Одессе до войны существовал единственный в своем роде еврейский музей. Именно в этот музей и передала жена Каца часть архива мужа. Это было в 1939 году.

А через два года грянула война. Одесса была оккупирована фашистами, музей разграблен, уничтожен.

Но Мирра Моисеевна Кац осталась жива. И она сумела сохранить хоть и небольшую, но очень ценную часть архива мужа. В 1959 году она передала этот остаток бумаг в Государственный архив литературы и искусства.

И среди бумаг — рукопись романа «Ошибка», автобиографическая повесть Шолом Алейхема, отрывки из повести «Сказки 1001 ночи», воспоминания писателя. И новый, суровый Шолом Алейхем встает перед нами. Гневный, бичующий капиталистическое уродство, войну, жизнь ради доллара, ради наживы.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

В Ленинграде уже 235 лет существует Архив Академии наук. Это одно из самых интересных хранилищ по составу документов. 500 личных фондов академиков, тысячи коллекций писем, фонозаписей, медалей с изображениями ученых, выбитые в честь каких-либо научных достижений, открытий.

Здесь же хранится и фонд первого русского академика М. В. Ломоносова. До 1929 года рукописи Ломоносова были рассредоточены по различным академическим учреждениям. В 1929 году их стали сводить воедино — в Архив АН СССР.

Судьба документов великого русского ученого драматична. Когда он умер, на его архив власти наложили арест. Потом, несколько позже, часть бумаг Михайло Васильевича была возвращена его родственникам. А родственники жили и в Петербурге и в Холмогорах. Так значительная часть рукописей ученого попала к его сестре в Холмогоры и лежала «мертвым грузом», портилась. И лишь случайно одному коллекционеру, совершавшему путешествие по Архангельской губернии, посчастливилось наткнуться в доме потомков Ломоносова на эти рукописи. Был, в частности, обнаружен его знаменитый «Лабораторный журнал» («Оптические и химические записи»).

Деловые и хозяйственные документы из Петербурга «не выезжали», и их нашли у живущих в столице потомков ученого.

А часть материалов и таких важных документов, как письма ученого, пропала. Пропала и его огромная личная библиотека.

Трудно удержаться от того, чтобы не пересказать некоторые места из интересной статьи Г. А. Князева, Н. М. Раскина, К. И. Шафрановского об экскурсии по архиву Академии наук СССР. Ведь и мы тоже экскурсанты. Эта статья была опубликована в специальном журнале «Вопросы архивоведения» № 1 за 1963 год.

«Рукописи Ломоносова, представляющие особую ценность, хранятся в особом шкафу... Любопытен украшенный рисунками документ, полученный Ломоносовым на владение земельным участком в Усть-Рудице возле Ораниенбаума (переименованного теперь в город Ломоносов). Документ украшен акварельными медальонами. На медальонах амуры выполняют различные работы по изготовлению изделий из стекла, которое производилось на фабрике в Усть-Рудице, основанной Ломоносовым: смальты для мозаичных картин, украшения из стекла и т. д.

Обратим внимание на диплом Ломоносова об избрании его профессором (академиком), заполненный латинским текстом.

В 1937 году диплом экспонировался в Америке на Международной всемирной выставке. Перед отсылкой он был предварительно передан известному реставратору Н. П. Тихонову для заключения документа в стеклянную двойную раму (сейф) с медными ободочками по краям. Тихонов снял с величайшим искусством страховую копию („реплику“) диплома, которую нелегко отличить от оригинала».

ТАЙНА ИГРАЛЬНЫХ КАРТ

Иногда документы попадают в архив, как говорится, прямым путем и без приключений. Удивительные истории начинаются с ними уже в архиве. Иногда эти истории могут повлечь за собою печальные результаты и даже «исключение» из состава архивного фонда.

К счастью, этого не случилось с игральными картами, хранящимися среди рукописных материалов известнейшего русского изобретателя Кулибина.

Все, кто натыкался на этих пиковых дам, червонных валетов, бубновых тузов, недоумевали. Ужели Кулибин был такой страстный картежник? Да нет, об этом что-то нигде не упоминается.

Посмеивались над архивистами: нашли что хранить! Карты! Вот пример фетиша вещей, к которым «прикасалась рука гения».

Но чутье не обмануло архивистов. Они не выкинули карт. А несколько лет назад, в яркий солнечный день, кулибинские карты опять попались им на глаза. И диво! Они были все исчерчены вдавленными линиями. Посмотришь прямо — ничего не видно, наклонишь карту к свету — и сразу обнаруживаются чертежи. Кулибин пользовался картами, их оборотной стороной потому, что они изготавливались из хорошей бумаги, и вдавливал — вычерчивал без чернил и карандаша — схемы своих механизмов!

ПЛАТЬЕ АЭРОСТАТА

Рукопись на французском языке «Sur la coupe des habist». По-русски она звучит неожиданно прозаично «О выкройке платья». Но вот что удивительно: почему эта рукопись числится в фонде знаменитого русского математика, академика Чебышева? И что еще непонятно, большинство материалов академика написано по-русски. А тут о «кройке платья», да еще по-французски!

Архивисты, вспоминая о рукописях, рассказывали о них приятелям как об архивном курьезе.

Проходили десятки лет. И о «курьезе» забыли.

Но однажды о нем напомнил инженер-конструктор. Он попросту ошеломил архивистов заявлением:

— Я узнал из специальной литературы, что знаменитым математиком академиком Чебышевым в 1878 году во французском ученом обществе в Париже был сделан доклад на тему «О кройке платья».

Принесли инженеру доклад. Улыбаясь, наблюдали, как он лихорадочно читал, что-то выписывая. Все это было очень уж непривычно. Зачем кройка и шитье понадобились инженеру-авиаконструктору?

И ответ был неожиданный:

— Нам, работающим над проектированием аэростатов, крайне важны выведенные Чебышевым формулы наименьшего количества складок, получающихся при выкраивании материала для придания ему сферической формы. И очень жаль, что доклад академика не был напечатан раньше. Он во многом помог бы нам... И, конечно же, портным!

НИ ПЫЛИ, НИ МЫШЕЯДИ

ИХ ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ

же много раз в научно-популярной да и художественной литературе мелькали сравнения книг с людьми, библиотек с жилищами и т. п. Вероятно, эти сравнения очень точные, раз авторы не боятся повторений. А вот архивные документы? Их, наверное, тоже можно сравнить с людьми, их судьбами.

В архивах старость измеряется многими столетиями, молодость насчитывает десятки лет. Но и «старые» и «молодые» жильцы архивов имеют одну общую черту — они одинаково «капризны». Все они любят воздух, но не очень влажный. И не переносят пыли. Не терпят микробов и, не дай бог, сернистого газа, которого так много в атмосфере городов.

Любят они приятную полутьму. От солнечного света съеживаются, морщатся, у них исчезает мягкость клетчатки и появляется болезненный, «старческий» желто-коричневый оттенок, они становятся хрупкими.

Потому-то в «общей квартире» — архиве всегда царит рассеянный свет, или, вернее, просветленный полумрак.

Стеллажи повернулись боком к окнам, и кажется, что их длинные полки стараются убежать от света. Наиболее «капризные» жильцы забрались в картонные коробки — так спокойнее и пыли меньше, хотя ныне архивисты утверждают, что бумагам спокойнее не в коробках, а под переплетами, как у книг. Наверное, в будущем здания архивов построят где-нибудь на опушках лесов, вблизи водоемов. Ведь городская пыль и

химические примеси буквально «на глазах» съедают бумагу. Достаточно, чтобы в воздухе содержалось от 2 до 9 частей газа на 1 миллион частей воздуха, и бумага уже не способна как следует сопротивляться изломам, ее ломкость повысится на 4–5 процентов!

В архиве хлопотливые домохозяева неустанно заботятся о том, чтобы их жильцам было удобно. Чтобы жили они вечно и вечно служили людям. Эти заботы не преходящи. Уходит одно поколение архивистов, приходит другое, а заботы остаются, передаются по наследству.

Только меняются методы.

На Большой Пироговской улице в столице, где сосредоточены важнейшие центральные исторические архивы Советского Союза, есть и «архивный профилакторий». Он не единственный. В нашей стране более 50 реставрационных мастерских, но он — центральный и самый большой. В течение года Центральная реставрационная мастерская обрабатывает 500 тысяч листов документов и несколько тысяч квадратных метров карт и планов.

Сюда попадают буквально все документы, предназначенные для хранения в архивах, расположенных поблизости. Документы прибывают в мастерскую и как случайные странники, долгое время бродяжничавшие по шкафам личных библиотек, заветным ящикам старинных семейных комодов, прибывают и как новоселы, переехавшие из временных хранилищ ведомственных архивов на место своего постоянного жительства.

Но все они пока опасно больны, хотя многие и выглядят свеженькими здоровяками.

Работников лаборатории нельзя обмануть. Они сразу же отправят письма и записки, деловые бумаги, книги, приказы, дипломатические акты в стеклянный вытяжной шкаф. Там струя сжатого воздуха и щетка не дадут

затаиться в бумажных складках ни одной пылинке. И если нужно, то книгу разошьют, пройдутся по каждому листочку меховой кисточкой — тут нельзя экономить время и труд. Ведь документ попадет на полку, в коллектив ему подобных. И если на нем зацепится пыль, если в пылинках соведут себе гнезда микробы, то такой сосед будет «заразным», от него могут заболеть сотни других, «здоровых».

Но сжатый воздух, щетка не всегда в силах справиться со спорами плесени, твердыми поверхностными наслоениями. Бормашина быстро разделяется с твердыми наростами. Хуже, когда имеются споры плесени. Они уцепились своими щупальцами за бумагу, притаились в надежде, что их не заметят. Но это напрасные надежды. Документ уже в вакуум-формалиновой дезинфекционной камере. Пары формалина безжалостно истребляют плесень микробов, личинки паучков, любящих лакомиться бумагой.

Теперь на стол, на самый обычный стол. Его сервировка очень нехитра — большая банка, таз с клеем и широкая кисть. Старые документы, особенно написанные во второй половине XIX и XX веков, когда бумагу стали делать не из тряпичной, а из древесной массы, потеряли клейкость, а значит, и гибкость. Они стали хрупкими. Теперь их проклеивают специальным составом. Потом сушат на деревянных решетчатых противнях, как листы раскатанного теста, сушат в своеобразной духовке высотой в два метра.

Это самый начальный процесс консервации. Иногда документы бывают настолько грязны, что их приходится буквально стирать в специальных «дождевых ваннах», и стирают не простой водичкой, а раствором формалина, чтобы уже больше не пропускать через дезокамеру. В современных лабораториях, особенно в мастерской при Ленинградском архиве Академии наук СССР, пользуются

тонами высокой частоты, они прекрасно справляются и с пылью и с микробами.

И вот документ чистенький. Но сколько еще в нем изъянов! Края поистрепались, кое-где оторваны углы, чернила выцвели, а переплет и попросту напоминает боевой щит, искромсанный сабельными ударами.

Нужна восстановительная «хирургическая» операция.

Но нет, «хирургическое отделение» на другом этаже, и прежде чем в «живое тело» войдет скальпель, пострадавшим сделают всевозможные анализы. Для начала надо узнать кислотность бумаги. Это очень важно. Ведь если процент содержания кислоты высок, бумага быстро разрушится. Ее нужно нейтрализовать раствором слабых щелочей. Документ помещают в герметический шкаф над раствором аммиака. Именно «над». А если наоборот, значит повышенная щелочность, и документ висит над раствором уксусной кислоты.

Так как в «хирургической» придется «пришивать» истерзанные клочки документа, и пришивать с помощью клея, необходимо подобрать и его состав. Один клей, высохнув, может очень натянуть бумагу, и она лопнет; другой, попадая на текст, наверняка со временем обесцветит его, «погасит». Спиртовой раствор полиамидного клея склеивает все виды материалов — кожу, бумагу, воск — и не портит их.

Теперь можно и наверх.

Здесь мы найдем и биомикроскопы, электронные осциллографы, оптиметры и другие приборы. В глаза бросаются белые халаты. Много здесь винтовых прессов.

Столы длинные, покрыты стеклами. У каждого рабочего места за столом снизу имеется подсветка. Тазы с клеем, куски различной бумаги, кисти, лупы, ножницы, палочки. Вот, пожалуй, и все.

Но здесь творят чудеса. Еще внизу мы заметили одну книгу. Толстую-толстую, драную-драную, но ей

цены нет. В нее записывали входящие и исходящие бумаги одной из петровских коллегий. Книга в переплете, картонном, чем-то даже обтянутом. Он тоже драный и скоробленный.

И вот эта книга в «хирургической»; она расшита по листам. Смотрите, как бережно лаборантки подклеивают недостающие уголки листов. Чистые уголки, без текста, из другой, но очень схожей бумаги. Это называется наращиванием отсутствующих частей. За границей отказались от этой трудной работы. Ее надо вести очень осторожно, чтобы не повредить текста. До него здесь никто не дотрагивается, да и в других отделениях лаборатории тоже. Даже если текст почти совсем угас. Казалось бы, очень просто обвести его карандашом или чернилами. Ни-ни, это преступление!

Вы, вероятно, слышали, а быть может, и даже наблюдали работу художника-реставратора. Она во многом схожа с работой реставратора-архивиста. Реставратор-художник определяет состав красок, выявляет утраченные части картины и ее общую тональность. А затем восстанавливает, дорисовывает. Вот этого-то реставратор-архивист делать не имеет права.

Однако закрепить текст, если он еще читается, обязан. Черно-графитные карандашные тексты закрепляют раствором натриевой соли карбоксиметилцеллюлозы. Анилиновые чернила — раствором фосфорнокислого натрия.

Вернемся в лабораторию, там уже успели подклеить листы и взялись за переплет.

Переплет — это не просто украшение книги. Его придумали в глубокой древности, стремясь предохранить документы хотя бы от механических повреждений.

Переплеты бывают самые различные, и те, что на древних книгах, очень отличаются от современных.

Попробуйте сейчас приобрести книгу в дубовом переплете. О них только память сохранилась в выражении «прочел книгу от доски до доски». В архиве таких книг тоже не столь уж много, они очень древние, и только незначительное их число уцелело. Переплет, конечно, тяжелый, но зато он полностью соответствует своему назначению — охранять листы от механических повреждений, чего нельзя, сказать о некоторых современных обложках. В древности деревянные переплеты обтягивали кожей, сафьяном, бархатом. Иногда, на наиболее ценных книгах, переплет заключали в резной оклад очень тонкой ювелирной работы, со вставленными в специальные гнезда по четырем углам и в середине драгоценными камнями.

Конечно, реставрировать подобные переплеты отдают мастеру-ювелиру, но, повторяем, в архивах таких немного. Чаще их встретишь в рукописных отделах публичных библиотек.

Архивисты в последние годы все чаще и чаще выступают в защиту переплета твердого, но, разумеется, не деревянного.

Действительно, ведь в библиотеках имеются книги, которым уже более 400 лет, и листы не обтрепались, не обветшали и у некоторых даже не пожелтели. А в архивах? Те документы, которые хранятся связками в коробках, очень быстро треплются от употребления. Между тем картонные коробки, которые обычно делают сами архивисты, требуют и много времени, и средств, и картона, из которого с тем же успехом можно было бы сделать переплет.

Но оторвемся от переплетов и посмотрим, что это за машина стоит здесь, в лаборатории.

И ЗДЕСЬ НЕ БЕЗ ХИМИИ

Это последняя новинка архивной техники. После того как документ очищен, проклеен, если нужно, то и смонтирован из отдельных кусков на микролентной или конденсаторной бумаге, его закладывают в этот аппарат. Ну, примерно так, как закладывают бумагу на валик пишущей машинки.

Аппарат заряжен специальной полиэтиленовой или ацетатцеллюлозной пленкой. Когда включается ток, пленка в аппарате нагревается и даже немного растапливается, становится вязкой. Поворот рукоятки — и пленка под большим давлением соединяется с документом, покрывая его с двух сторон.

Нет, мы не оговорились, именно соединяется. Оторвать пленку от бумаг невозможно. Операция эта называется ламинированием.

Теперь уже документу не страшны ни вода, ни пыль, не боится он и механических повреждений, если, конечно, не пустить в ход ножницы. Даже солнечный свет уже не так опасен для этого документа.

Сейчас архивисты в содружестве с химиками ищут новые рецепты пленки, более стойкие и более дешевые.

Ныне кажется, что ламинировать документы просто. А ведь только современная техника и современная химия позволили архивистам решить сложнейшую проблему сохранения, консервации документов на очень долгое время.

Рукописи старились. Рукописи рассыпались, превращались в прах. Рукописи обесцвечивались.

И ничего не удавалось сделать.

В XIX веке в отчаянии стали искать рецепт какого-то пахучего порошка, приготовленного из трав, растущих в

Средней Азии. Древние хранители восточных архивов этим порошком посыпали бесценные фолианты.

Рецепта не нашли.

Но химики подсказали, что бумагу можно предохранить от порчи всевозможными клейкими составами. Конечно, не пропитывать ее, а покрывать тонкой пленкой. Кажется, выход был найден. Тонкая пленка водного раствора желатина плотно схватывала бумагу, не давала ей рассыпаться.

Но увы! Вскоре выяснилось, что желатин ухудшает именно механическую прочность бумаги. И что главное — трудно придумать лучшую питательную среду для множества видов микробов.

Хорошо, что успели испортить раствором желатина незначительное количество документов.

Химики снова подсказывают — синтетические смолы, пластмасса. Из них легко приготовить тончайшую прозрачную пленку.

Особенно по душе пришлась архивистам пленка, которая образовывалась из раствора целлулоида в смеси ацетона и амилацетона. Это была нитроцеллюлозная пленка.

И вновь архивисты воспрянули духом.

И снова ненадолго. Нитроцеллюлозная пленка была не чем иным, как пироксилином. Более сильного взрывчатого вещества в XIX веке не знали. Вот и представьте себе двух-трехэтажное здание, сверху донизу заполненное взрывчаткой!

Пришлось отказаться. Потом выяснилось, уже из практики хранения кинофильмов, снятых на подобной пленке, что пленка эта очень недолговечна, через 75–80 лет она погибает.

Прямо безвыходное положение.

Но опять-таки «нашли выход», то есть подумали, что нашли. Где-то в начале XIX века были сделаны первые

попытки фотографирования. А во второй половине столетия фотография стала модным увлечением.

Решили было переснять документы на негативную пластинку, пленку. Но пластинки тяжелы, громоздки, хрупки. Небольшая книжечка, переснятая на них, в пять раз «увеличивается» в своем весе. К тому же пленка, как известно, недолговечна.

А тексты угасали.

Уже нашли способ укрепления текстов, написанных чернилами с примесью солей железа — теми древними чернилами, которые выглядят сейчас так, будто документ написан разведенной ржавчиной. Такие чернила стали восстанавливать парами сернистого аммония: соли железа и сернистого аммония, вступая в реакцию, образуют сернистое железо, имеющее яркий черный цвет. И текст, угасающий текст, появлялся, как будто его писали заново.

Но не все тексты можно закрепить, восстановить с помощью химии.

И вот в конце XIX века русский фотограф Е. Ф. Буринский сфотографировал утраченный текст времен Дмитрия Донского. Текст был написан на коже, но сырость, железная ржавчина сделали свое черное дело. Буринский сфотографировал документ под углом, так, чтобы легкие тени очертили незаметные вмятины, оставшиеся от текста на коже.; Опыт удался. И по сей день метод Буринского применяется в реставрационных мастерских.

СТРАННЫЕ НА ВИД МАШИНЫ

Но мы забыли, что в нашей мастерской есть еще очень большое отделение, где производится и фотографирование и микрофильмирование текстов.

Здесь и восстанавливают угасшие тексты фотографическим методом. Но не тем, который открыл Буринский. Ведь текст иногда может почти не отличаться от фона бумаги, так что даже светочувствительные эмульсии не в состоянии его выявить. Вот тогда пускают в ход светофильтры, снимают в невидимых инфракрасных, ультрафиолетовых лучах. Но не бывает случаев, чтобы тексты не прочли.

300 лет тому назад один рьяный испанский инквизитор-цензор работал свинцовым карандашом. В тех местах, где он что-то вычеркивал, слой этого карандаша можно было ощущать пальцами. Но стоило только эти зачеркнутые места снять в инфракрасных лучах — и текст их был восстановлен.

Во время Великой Отечественной войны известный советский писатель Юрий Крымов был военным корреспондентом. Он погиб на фронте. В кармане его гимнастерки нашли неоконченное письмо, залитое кровью. Оно местами стало совершенно нечитаемо. Письмо сфотографировали в инфракрасных лучах и прочли весь текст.

А теперь последняя комната, или, вернее, целый зал, длинный, полутемный. Яркими пятнами вдоль стен светятся какие-то странные машины. За стеклянными столами возле них сидят люди.

Машины эти — гигантские фотокомбайны. На одном — марка «Докуматор», сделано в ГДР; на другом — «ЦДМ-2», сделано в СССР.

Это аппараты для микрофильмирования документов. В последние годы микрофильмирование стало важной заботой архивистов. И это понятно. Заснятый на пленку документ прежде всего охраняет подлинник от частого употребления. А это продлевает живучесть документа.

Микрофильм очень транспортабелен. По затребованию различных архивов, библиотек, учреждений его можно почтой отослать в любой уголок нашей страны и за границу. Многие же подлинные документы не разрешается выносить даже из помещения архива.

Московская микрофотолаборатория Главного архивного управления с каждым годом увеличивает выпуск микрофильмов, а заодно снижает количество фотокопий документов — они громоздки и дороги.

Степень уменьшения текста в микрофильмах или 1: 8, или 1: 20, в зависимости от формата подлинника.

А как четко, как быстро работают эти фотогиганты! Объектив наведен на резкость и закреплен. Чистое полотно стеклянного стола ровно и сильно освещено. Нажата педаль — и под стеклянным столом перемещается своего рода платформочка, на которой лежит документ или книга. Лаборант переворачивает страницу, нажимает педаль, платформочка поднимается, и в момент соприкосновения ее со стеклянной поверхностью стола автоматически срабатывает спусковой механизм фотоаппарата, платформочка вновь отходит вниз — снова перевернута страница. И за день можно сфотографировать на одном аппарате несколько тысяч страниц.

Какая экономия времени, средств! Представьте себе, что все эти документы нужно было бы издать типографским способом. В архиве Министерства обороны СССР подсчитали, что за последние 4 года архивная фотолаборатория подготовила 22 различных микрофотосборника, отпечатав документы, источники

по всем важнейшим операциям Великой Отечественной войны. В эти сборники вошло 76 тысяч документов. Если бы их печатали в типографии, по 3 тома в год (случай редчайший), то и тогда понадобилось бы не менее 60 лет, чтобы закончить издание. И обошлось бы оное в один миллион рублей!

И если хорошенько проявить, закрепить, промыть пленку, она сохраняется очень долго.

Вот и вся мастерская. Остается еще побывать в городе Красногорске, где расположен Центральный государственный архив кинофотофонодокументов.

Само название архива уже говорит о том, какие документы в нем хранятся.

Кино- и фотодокументы очень молоды, но не менее капризны, чем старые. Особенно неуживчивые среди кинодокументов — ленты, отснятые на заре кинематографа.

Они горят, просто великолепно горят. И ничего нельзя сделать, чтобы они не горели. Поэтому кинофотофоноархив очень отличается от остальных архивных зданий.

Его основные хранилища — под землей. Длинные узкие подземные туннели ведут нас к боксам — отделениям, где лежат пленки. Кончается коридор — и перед глазами стена, а в ней белые эмалированные дверцы, почти такие же, как дверцы современных домашних холодильников. За каждой дверцей — полки, иногда одна, иногда две. И какое-то сооружение на задней стенке, что-то вроде клапана.

Это и есть клапан. Если в боксе загорается пленка, то сразу внутри его повышается давление, клапан откидывается и мощная струя воздуха, включаемого автоматически, выбрасывает горящую пленку наружу — прямо в красивый бассейн, с бьющим посередине фонтаном.

Между боксами устроены водоструйные защиты. При опасных пожарах они тоже включаются автоматически, и иногда пять-шесть мощных водяных струй стеной отгораживают горящее помещение от остальных боксов.

Кинодокументы, документы звукозаписи с каждым годом приобретают все большее и большее значение, как памятники эпохи, как самые точные свидетели процессов, происходящих в самых различных, буквально во всех областях нашей жизни.

Давайте теперь, после того как мы забежали далеко вперед, опять вернемся к прошлому. Нам предстоит вместе с исследователями-историками произвести любопытные экспертизы над своеобразными памятниками, которые архивисты иногда называют фальсификатами или просто подлогами.

**МАСТЕРА ПОДДЕЛЫВАТЬСЯ
ПОД ЧУЖИЕ ПОЧЕРКИ**

КТО ПРИЗВАЛ ВАРЯГОВ?

Наверное, многие читали хотя бы отрывки из чудесного литературного памятника древности — начальной летописи «Повести временных лет». Автор повести — полулегендарный черноризец Нестор очень заботился о том, чтобы его рассказ о «быстротекущих летах» не был сухой летописью событий. Со страниц повести живым языком начинают говорить наши предки, возникают их образы, легенда следует за преданием, чередуется с какими-то сказами.

Прочитав, что Олег повел на Царьград «бе числом кораблей 2 000, а в корабли по 40 мужь», иной читатель, возможно, улыбнется скептически.

Наверное у Олега не было 2 000 кораблей, и дружина его вряд ли насчитывала 80 тысяч бойцов. Но неужели летописец так наивен, полагая, что читатели поверят его легендам? Нет, конечно, он заботился об эмоциональности своего рассказа, заботился и о том, чтобы образно подчеркнуть мощь и величие первых князей русских, бесстрашие их воинства.

Но ведь это была явная фальсификация событий, подлог!

Не будем торопиться. Откроем летопись на 862 годе. Прочтем рассказ о «добровольном» призвании славянами варяжских, норманских викингов Рюрика, Синеуса, Трувора.

Не было «призвания», скажете вы?

Верно, не было. Но этот рассказ понадобился летописцу для того, чтобы оправдать наличие

варяжской династии в славянском государстве. Летописец, увы, и не задумался над тем, какую печальную роль сыграет эта легенда в последующем. В толковании историками процесса образования русской государственности. В объяснении русских обычаев, нравов, культуры и даже языка. В XVIII веке, когда на русский престол то и дело всходили цари из немецких князей, когда вслед за ними в Россию хлынули потоки жадных до наживы и власти немецких авантюристов, захвативших в свои руки высшие административные должности Российской империи, а также тепленькие местечки в Российской академии наук, истинно русские патриоты начали борьбу с этим немецким засильем.

И вот тогда академики-немцы, опираясь на летописную легенду, родили так называемую «норманскую теорию» происхождения Киевского государства. Они клеветали на славян-русь, рисовали их дикарями в звериных шкурах, утверждали, что русские не способны были создать своего государства, своей культуры и потому сами пошли на поклон к варягам. Так было в прошлом. А теперь, в XVIII веке, говорили они, «немцы-варяги» снова благодетельствовали Россию.

Если летописная легенда о призвании варягов в устах летописца была не более чем легенда, подобная многим другим, рассеянным по страницам «Повести временных лет», то использование этой легенды историками-норманистами преследовало уже далеко не бескорыстные цели. Их теория ущемляла национальное самосознание русского народа, его гордость за свое прошлое.

Создание теорий, подобных «норманской» теории происхождения древнерусского государства, и называется фальсификацией истории.

Но в данном случае фальсификаторы исторического прошлого древнерусского государства опирались на реальный, подлинный исторический памятник, да

притом такой замечательный, как «Повесть временных лет». Между тем в архивах нашей страны среди коллекций рукописей музеев и библиотек есть немало заведомо подложных памятников.

Ученому нужно уметь отличать подделки или заново сфабрикованные подлоги от подлинных памятников, случайно испорченных переписчиками или неграмотными составителями, как это имеет место в целом ряде списков «Русской правды».

Можно ли описки называть исторической фальсификацией, подделкой документа?

Конечно, нет. Но отсюда напрашивается вывод, что, изучая исторические памятники, пуская их в научный оборот как источники, исследователь, и в первую очередь ученый-архивист, должен проверить подлинность документа, вскрыть вкрадшиеся в него описки, искажения, объяснить их происхождение и по возможности реконструировать подлинный текст.

Ну, а как же быть с заведомыми фальшивками, ведь таковые хранятся в наших коллекциях документов? Ужели их нужно хранить и впредь, не лучше ли выбросить их, освободить место подлинникам?

Оказывается, нельзя выбрасывать поддельные документы. Они интересны не сами по себе, а в связи с той целью, ради которой были сфабрикованы, в связи с той политической обстановкой, в которой их использовали. А значит, как это ни покажется странным на первый взгляд, подделки — тоже исторические памятники, только историк-исследователь должен уметь правильно вскрыть, какие тенденции, политические или своекорыстные, стимулировали появление на свет подобных подлогов.

При выполнении этой задачи исследователю уже не обойтись одними приемами внешней критики источника, а если у него в руках нет подлинника (подлинника фальшивки), то внешняя критика и вовсе отпадает. Как

же быть? В таком случае историк-источниковед обращается уже к критике документа по его содержанию.

Много, очень много потрудились архивисты, историки-исследователи, чтобы обнаружить и доказать подложность целого ряда памятников, а ведь ими оперировали и некоторые ученые, политики и царская администрация, и просто враждебно настроенные к России, Советскому государству иностранные агрессоры.

Вот несколько примеров такой фальсификации и их разоблачения.

ПРОДАВЕЦ МИНУВШЕГО

14 сентября 1812 года еще не предвещало страшных дней 16-го и 17-го. Москва горела, и пылающие здания казались наполеоновским солдатам жертвенными кострами, зажженными в честь победителей. Но днем 16-го поднялся ураган. Огненные драконы легко перелетали через Москву-реку, осыпая ее градом шипящих головешек, пепел закрывал солнце, чернил золото куполов. Дворцы и лачуги одинаково были подвластны огню. Сгорела Бутурлинская библиотека, сгорело замечательное собрание древних манускриптов Мусина-Пушкина. Сгорело 6 596 домов из 9 151, бывших в Москве к началу пожара.

В огне народной Отечественной войны сгорала и великая армия Наполеона.

Но дома можно отстроить, можно вновь позолотить купола. Нельзя возродить из пепла древние рукописи, и сиятельный меценат граф Мусин-Пушкин уже не сможет теперь похвастать перед вельможами-дилетантами одной весьма редкой реликвией древнерусской литературы.

Не сможет?

Общество истории и древностей российских при Московском университете всегда назначало собрания своих членов к вечеру. Уютно потрескивают свечи, вырывая из тьмы зала длинный стол под зеленым сукном. Свечи требуют тишины и торжественных, неторопливых речей.

Алексей Федорович Малиновский, небогатый чиновник архива министерства иностранных дел, не слушает, он улыбается каким-то своим очень приятным мыслям.

Еще бы, вот сейчас этот беззубый старец закончит речь, и Малиновский поразит собравшихся, а завтра о нем заговорит вся Москва. Да что Москва — Петербург, вся Россия!

Он расскажет, как вчера к нему, Малиновскому, явился какой-то Петр Архипов, представившийся московским мещанином, и молча протянул харатейный список 1375 года, сделанный Леонтием Зябловым. На вопрос, откуда этот список взялся, сей московский мещанин таинственно сообщил: «Иностранец, по фамилии Шимельфеин, выменял в Калужской губернии у одной помещицы, а фамилию свою помещица говорить запретила».

Малиновский поморщился, приятные мысли перебило воспоминание о 160 рублях, которые он отвалил Архипову. «Поторговаться, поторговаться надо было...»

Оратор внезапно смолк. С шумом распахнулись двери, и из полутьмы зала чуть ли не выбежал граф Мусин-Пушкин.

— Драгоценность, господа, приобрел я, драгоценность!..

Все к нему:

— Что такое? Какую драгоценность? Не томите, граф!

Но граф машет руками и бежит вон.

— Приезжайте ко мне, я покажу вам...

Собрание закончили кое-как — и к Мусину-Пушкину.

Новый графский дом, отстроенный только в этом, 1815 году, сияет огнями. Мусин-Пушкин поджидает гостей. Едва они собрались, граф распахнул обе створки дверей своего кабинета и на вытянутых руках вынес харатейную тетрадь, пожелтелую, почернелую. Глянули и ахнули: «Слово о полку Игореве»!..

Что тут поднялось!..

Кто целоваться к графу тянется, кто ищет руку пожать, кто бьет в ладоши и что-то кричит...

Когда немного успокоились, сияющий граф заметил хмурое лицо Малиновского.

— Алексей Федорович, что же вы? — Мусин-Пушкин так и спросил: «Что же вы?» — мол, как вы, любитель старины, не радуетесь, что нашелся список реликвии, которую, казалось, навсегда уничтожил огонь войны?..

— Да ведь и я, граф, купил список подобный...

— У кого?.. У Бардина?..

Антон Иванович Бардин, купец, владелец антикварной лавки, закончил свой «трудовой день». Майский вечер располагал к безделью. Хотелось так вот, попросту, посидеть в саду за самоваром, помолчать. Но Бардин не поднялся наверх, где проживал с семейством и подмастерьями. Перейдя двор, Антон Иванович открыл еле заметную дверь небольшого флигелька и очутился в мастерской.

Пахло клеем, красками и кожей. Ярko горел свет. За столом, склонившись над листом пергамента, сидел пожилой человек и что-то тщательно выводил кисточкой.

Бардин глянул через плечо художника. Неплохо, неплохо получается! Стертые контуры переплетающихся звериных тел на темно-синем фоне. Тетралоги́ческий, звериный орнамент XIV века.

Бардин тоже уселся за стол. Взял кисть. Задумался.

Дела его шли неплохо. Повышенный патриотический интерес в русском обществе ко всему отечественному после войны 1812 года толкал многих дилетантов на поиски древних рукописей взамен сгоревших, поощрял на новые археологические раскопки, коллекционирование.

Дилетанты плохо разбирались в подлинно древних вещах, и Бардин бойко торговал на учено-антикварном рынке древними и не совсем древними, ценными и

никому не нужными рукописными книгами, автографами, реликвиями.

Но это была мелочная торговля, рассчитанная на самого неразборчивого покупателя.

Для таких же меценатов, как Малиновский, Мусин-Пушкин, любителей — филологов и палеографов, Бардин делал «копии».

Делал в этой самой мастерской. Нет, он не решился бы свои подделки выдать за оригиналы — только «копии»! Но никогда Антон Иванович не признавался и в том, что эти «копии» изготовлены не древними переписчиками, а им самим и его художником...

В различных рукописных фондах публичных библиотек, музеев, архивов, в частных коллекциях хранится свыше двух десятков рукописей, состряпанных этим «мастером подписываться под древние почерка», Антоном Бардиным.

Среди них — четыре списка «Слова о полку Игореве», пять копий «Русской правды», пятнадцать иных произведений старой письменности.

Сразу же возникает вопрос: а стоит ли изучать эти подделки, тратить на них время?

Да, стоит. Крупный советский палеограф, историк, профессор М. Н. Сперанский потратил годы, чтобы в различных хранилищах Советского Союза разыскать бардинские рукописи. Он подверг их тщательному палеографическому анализу, и это расширило наши представления о палеографических знаниях начала XIX века.

Ведь будь Мусин-Пушкин и Малиновский более опытными собирателями, они бы сразу почуяли неладное. Малиновский, например, огорчился только тем фактом, что не он один является владельцем нового списка «Слова». Забросив работу в архиве, уселся за

подготовку к изданию рукописи «Слова», попавшей к нему от Бардина через подставное лицо.

А сколько таких подделок было издано и дошло до наших дней, сколько их взято на вооружение науки!

Но прежде чем говорить о них, проследим за выводами профессора Сперанского.

Профессор отдает Бардину должное. Этот купец умел угадывать настроение «просвещенных» кругов русского общества. Долгое время занимаясь куплей-продажей антикварных рукописей, Бардин хотя бы внешне пригляделся к ним, отметил наиболее характерные признаки древних манускриптов, почувствовал, что более всего нравится покупателям. Бумага ценилась обычно ниже пергамена, уставное письмо — выше скорописи, лицевые рукописи, то есть украшенные миниатюрами, передающими события в лицах, стоили дороже простых.

Присмотрелся Бардин и к тому, что покупатель всегда ищет дату на рукописи, а даты обычно проставлялись в приписках писцов или переписчиков в конце. Бардин и это запомнил. Приглядываясь к текстам (конечно, XIII–XIV столетий, а не XI и XII веков, их он и в глаза не видел), Бардин заметил, что чем старше рукопись, тем реже строка делится на отдельные слова, текст следует сплошной строкой букв. Заголовки пишутся вязью, а новые строки прописываются киноварью.

Вот с таким запасом наблюдений Антон Иванович и приступил к изготовлению своих подделок.

Но многое не учел. Так, не знал он, что графика письма все время изменялась. А для Бардина что XI, что XIV век — все было едино; он запомнил только, что уставом писали на пергамене. Вышел конфуз — список «Слова» помечен у Бардина XIV веком, написан на пергамене уставом, а в XIV веке уже писали полууставом! Особенно любил Бардин вязь, инициалы,

орнамент — ведь они так украшают рукопись, поднимают ей цену. Но не знал Антон Иванович, что не всякий орнамент подходит к XIV веку, а уж что касается инициалов, то Бардин придумывал для них такие фантастические начертания, которые невозможно встретить ни на одной подлинной рукописи.

В «уставных» подделках Бардина профессор Сперанский обнаружил массу скорописных «ляпсусов». В уставной «копии» «Слова о полку Игореве» «р», «ъ», «ж», «з» — явно скорописные. Любопытную деталь отметил исследователь: Бардин, конечно, видел немало подлинных рукописей, написанных скорописью. А как мы помним, в скорописи каждая буква имеет часто целый ряд, иногда свыше десятка, различных начертаний. Но это в скорописи. Бардин же не знал, что в уставе такого нет и быть не может. А в его «списках», сделанных «уставом», например в «Русской правде», целых семь различных начертаний буквы «м», три — «ъ», пять — «у»!

Оказалось, что даже «техническая сторона» оформления рукописей у Бардина была не такой, как надо. Подглядев, что старинные рукописи складываются из отдельных тетрадей, он и свои изделия собирал в тетрадки и аккуратно помечал внизу, в углу страниц, номера листов. Помечал, конечно, буквами-цифрами. Но недоглядел, не знал он, что существовало привычное соотношение между форматом рукописи и числом листов в тетради. Бардин складывал свои тетради из четырех листов, а обычно делали их из восьми, реже из шестнадцати.

И уважаемый «мастер подписываться под древние почерка» совсем уж оскандалился, когда придавал своим «рукописям» форму свитков. Из 20 бардинских подделок, обнаруженных профессором Сперанским, 6 писаны на пергамениных свитках. Но пергамениных свитков, или столбцов, русская письменность не знала.

Деловая письменность XVI–XVII веков употребляла бумажные столбцы. Бардин же эту форму перенес и на древние рукописи.

И попался с поличным.

Как попались и его покупатели; попались на том, что они плохо были осведомлены в области палеографии, источниковедения. И скупали «старинные рукописи» только затем, чтобы прослыть знатоками, меценатами, учеными.

В Петербурге примерно в это же время был известен другой фальсификатор древностей — А. Сулакадзев. Бывший офицер-гвардеец, человек с материальным достатком, Сулакадзев был одержим страстью к коллекционированию древностей по принципу «чем древнее, тем ценнее». Он не продавал рукописей и не извлекал из своих коллекций какой-нибудь корысти. Но его обуревало тщеславие, и он стремился прославиться как обладатель самых древних, самых ценных и никому не известных списков памятников старины. С этой целью Сулакадзев испортил много подлинных, ценных рукописей, делая на их полях всевозможные приписки. Причем эти приписки были очень грубо подогнаны под якобы древний почерк. Имена, встречающиеся в этих приписках, большей частью принадлежат историческим личностям. Но наряду с историческими именами Сулакадзев еще больше приписывает имена, производные от подлинных старорусских и хорошо известных в романтической беллетристике того времени: Мовеслав, Древослав, Олгослав, Угоняй, Стоян, Урса, Володмай и другие.

В отличие от Бардина Сулакадзев пробовал сочинять памятники, выдумывать «новые факты» в истории древности.

И Бардин и Сулакадзев, создавая свои подделки, не преследовали каких-либо политических целей. Они

далеки были от мысли кому-либо повредить. Эти подделки служат архивистам источниками, по которым можно судить о незрелости палеографических знаний в начале XIX века.

ДВА ПОДЛИННИКА ОДНОГО ДОКУМЕНТА

Местничество! Кто не знает этого слова, ставшего в наши дни нарицательным! А ведь в былые времена при дворах русских великих князей, государей, царей местничеству придавали большое значение. И не только за место у царского стола, поближе к государю, боролись князья, окольниковы, ближние и думные бояре, боролись так настойчиво, что предпочитали сесть под столом, но «выше» того, кого считали более худородным. По местническому принципу шло назначение на высшие должности в государстве. Бояре «местничали» друг с другом, взывали к справедливости живых и к памяти мертвых. В 1682 году местничество было отменено, а наиболее родовитых занесли «для памяти» в родословные книги.

Но отзвуки местничества постоянно встречаются среди архивных материалов.

Правда, кичливость родовитостью не всегда помогала делать карьеру, зато льстила тщеславию, внушала уважение, а подчас и повергала в трепет таких же тщеславных, но менее знатных.

В дворянской среде бережно хранили всевозможные генеалогические документы. И порою не брезгали ничем, чтобы раздобыть подлинники, находящиеся в архивах. Именно подлинники, так как значительная часть генеалогических документов дворянских родов даже в архивах — подложные. А уж в домашних ларцах копились самые разнообразные фальсификаты.

В начале XIX века была создана специальная комиссия, которой надлежало проверить права на дворянство у «шляхтичей» Малороссии, то есть Украины.

Такие проверки проводились впервые, и «шляхтичи» всполошились.

Если раньше кто-либо из малороссийских дворян обращался в соответствующие органы с просьбой о признании его дворянских прав и выдаче соответствующих документов, то обычно эти просители ссылались на одно: многочисленные войны, нападения татар и турок, пожары уничтожили имевшиеся у их предков дипломы на шляхетство. Жаловались, что не только они пострадали, но и соседи тоже.

Однако едва началась проверка, у всех вдруг нашлись и дипломы и всевозможные пожалованья. В комиссию было доставлено ни много, ни мало, а 100 тысяч документов.

Разобраться в этой гряде, отделить подлоги от подлинных документов было не так-то просто. Значительную часть этих дипломов и жалованных грамот изготовили польские специалисты подделок. В Польше имелись целые мастерские, где за соответствующую мзду можно было изготовить любой документ, с подписями любого короля, печатями любого канцлера!..

Проверка, по всей видимости, дала очень скромные результаты, так как в 30-х годах в Белоруссии и литовских губерниях были образованы особые комиссии, в задачи которых входило внимательное изучение метрических актов и крепостных книг. Книги эти должны были поступить в создаваемый Центральный виленский архив. Чтобы уж никто не смог в архиве что-то вписать в книги, комиссия все белые, пустые, недописанные страницы перечертила, скрепила подписями членов комиссии и соответствующими печатями.

Через много лет архивисты проверили состояние этих книг, и что же? Даже не будучи криминалистами, можно было обнаружить: кто-то вынимал шнуры из-под

печатей, расшивал книги, вытаскивал листы, вставлял новые. Иногда совершавшие подлог действовали просто «напролом», срывали печати и вписывали новые данные, на новых страницах.

Советский историк-палеограф, крупный знаток древнерусской актовой письменности Н. С. Чаев, безвременно погибший в годы блокады Ленинграда, в 1929 году заинтересовался одной коллекцией грамот, которая была передана Археографической комиссии. Коллекция действительно была уникальной. Она поступила из личного архива богатого русского помещика Дмитровского уезда, полковника в отставке Н. Г. Головина.

Об этой коллекции было известно давно. Она состояла почти из 1 000 древних грамот. Среди них уникальные документы XIII века, сохранившиеся вообще в единичных экземплярах, грамоты XIV, XV, XVI, XVII, XVIII веков.

Несколько раз предлагали Головину отдать свою коллекцию в Археографическую комиссию, но каждый раз он отказывался.

В 1852 году археолог Снегирев писал членам этой комиссии: «Недавно мне случилось найти у полковника Н. Г. Головина сокровищницу русских грамот с начала XIII по XVIII век. Я его убеждаю представить сии грамоты, числом около 1 000, в Археографическую комиссию. Он человек богатый, живущий в отставке, следовательно, не думаю, чтобы ему нужны были деньги, разве не будет ли приятным и лестным ему какое-либо отличие. Приобретение этого письменного сокровища было бы весьма важным для Арх. комиссии, в нем есть духовные великих князей, еще неизвестные, духовная Авраамия Палицина и другие драгоценнейшие акты с печатями».

Снегирев основательно взялся за отставного полковника, но тщетно. Тот не собирался расставаться со своими сокровищами. Снегирев, посещая Головина,

успел заметить, что Головин собиратель не простой. Если его великолепная нумизматическая коллекция была составлена буквально по принципу: все ценное — в нее, то собрание грамот заключало определенную тенденцию. «Головин дорожит грамотами не только как знаток древностей отечественных, коим он охотно посвящает время, труды и деньги, но как благородный потомок древней знаменитой фамилии... грамоты г. Головина по большей части касаются его фамилии и почти все не напечатаны».

Что же это за род такой знаменитый и почему потомок дорожит грамотами, в коих говорится о его предках?

Головиных было много. Это и графские и дворянские роды. Самые древние восходят от князя Степана Васильевича Ховры, отъехавшего из Крыма в Москву в 1393 году. Потомки князя были уже Ховрины. В более позднее время они известны как Голова-Ховрины. В XV–XVI веках они почти наследственно занимали должность царского казначея. Из рода Ховриных-Головиных происходил и И. Ю. Грязной — опричник и крупный вотчинник при царе Иване IV, его-то грамоты так ревностно охранял Головин.

Чаев обнаружил в коллекции пять таких грамот. О них упоминали дореволюционные исследователи, а три грамоты из пяти были даже изданы: две — Н. П. Лихачевым в «Сборнике актов» 1895 года и одна — М. А. Дьяконовым в 1897 году.

Лихачев и Дьяконов извлекали эти грамоты из фонда Коллегии экономии Московского архива министерства юстиции.

Н. С. Чаев получил из Москвы из Архива древних актов фотокопии. Бывший фонд Коллегии экономии сохранился отлично. Но что за наваждение — в бывшем фонде Коллегии экономии действительно налицо те три

грамоты, которые опубликованы Лихачевым и Дьяконовым.

Но эти же грамоты имеются и в коллекции Головина! Причем и в фонде коллегии и в коллекции Головина — подлинники, именно подлинники, а не копии, не списки.

Конечно, Чаев тут же понял, что имеет дело с подделкой. Но вот вопрос: какие же грамоты поддельные, головинские или архивные? Естественно, заподозрили, что в коллекции Головина сохранились *copies figurées*, как принято называть имитации дошедших до нас документов, когда в подделке воспроизводятся все особенности экспозиции подлинников, почерк, пометы, печати, даже оборванные края, загрязнения. Такие имитации довольно широко распространены и на Западе и у нас. Многие из них создавались с чисто познавательными целями. В библиотеке имени Ленина, в Историческом музее, в учебных библиотеках университетов можно найти точные копии-имитации Остромирова Евангелия XII века; особенно известна имитация Архангельского Евангелия 1092 года.

Но палеографическое исследование грамот коллекции Головина убедило в том, что это не имитации, а подлинники.

Чаев еще раз перечитал легенды (пояснения) Лихачева и Дьяконова. Дьяконов и не ставил перед собой вопроса о подлинности опубликованной им грамоты, он извлек ее из архива и напечатал. Лихачев же, оказывается, высказывал кое-какие сомнения по поводу одной публикуемой им грамоты.

Эти сомнения заставили Чаева произвести палеографический анализ грамот из архива.

Почерк — типичный XVI век. Скоропись, причем московская скоропись. Цвет бумаги, формат — все абсолютно точно, XVI век. И подписи на грамотах также как будто подлинные.

Оставалось последнее — сделать анализ бумаги. И вот тут-то обнаружилось, что грамота, по всем признакам относящаяся к XVI веку, написана на бумаге, произведенной в XVIII веке!

Значит, в фонде Коллегии экономии находились имитации, а в коллекции Головина — подлинники.

Как же это могло произойти? Не сохранись в фонде Коллегии экономии этих фальсификатов или, наоборот, отсутствуя документы у Головина, быть может, никто и не стал бы выяснять подлинность грамот. Если они есть в коллекции и их нет в архиве, можно предположить, что Головин получил эти грамоты по наследству. Кстати, в его коллекции были и такие документы, которые переходили из поколения в поколение Головиных.

Но в данном случае нужно было предположить, что Головин ухитрился как-то заполучить грамоты из архива, а чтобы пропажа подлинников была не замечена, подложил вместо них фальсификаты.

Чаев поинтересовался знакомствами Головина и вскоре обнаружил, что в 1835 году, когда был учрежден особый комитет для описания сенатских архивов в Москве, членом этого комитета стал некто Хавский, археолог, специалист по вопросам хронологии. Головин и Хавский были добрыми друзьями. И хотя Чаеву не удалось точно установить факта передачи Хавским грамот Грязнова Головину, найти какое-то другое объяснение происшедшему трудно.

Головин, вероятно, вернул Хавскому полученные бумаги, но вернул не подлинники, а фальсификаты.

Чаев внимательно изучил всю коллекцию Головина, справедливо полагая, что возможны и другие подделки. Но больше подделок он не нашел. Зато обнаружил чистые куски бумаги, поддельные печати и даже заготовки столбца с подвешенной печатью, но листы его были еще не заполненные. Причем эта чистая бумага —

XVIII века, а печати, подвешенные к ней, на сей раз подлинные, — первой половины XVI столетия.

Да, Головин был крупным фальсификатором, и действовал он из чисто эгоистических побуждений. В подделке документов, попадавших к нему, вероятно, принимали участие искусные специалисты, особенно графики: скоропись XVI, XVII веков выполнена очень точно.

Итак, Чаев, готовя к изданию важную коллекцию древних документов, не пошел по стопам своих предшественников. Настоящий исследователь-источниковед, он, прежде чем публиковать материалы, выяснил их происхождение — это святая обязанность каждого ученого-историка. Как показал случай с грамотами Головина, необходимость подобной проверки возникает всякий раз, когда историки, ученые собираются пустить в широкий научный оборот архивные документы, до той поры никому не известные или малоизвестные.

РАЗОБЛАЧЕННАЯ ФАЛЬШИВКА

Сколько тайн скрыла эта кавказская ночь! Сколько забавных приключений пережил под ее покровом Михаил Юрьевич Лермонтов!..

За ним гнались воинственные черкесы... Нет, он их не видел, но право же — гнались. И ему, офицеру, пришлось ретироваться, влезть в окно дома знакомого помещика Реброва. Сам хозяин в отъезде, его дочь Нина влюблена в поэта. Но только сегодня днем поэт сказал, что он ее не любит. И вот уже ночь, а она все плачет. В ее доме гостит Адель Оммер де Гелль. С ней Лермонтов чувствует себя превосходно. И если свирепые всадники были больше похожи на петербургскую даму, галопировавшую в офицерской фуражке поэта, чем на черкесов, то он тут ни при чем. Ночи здесь слишком темные, столичные фурии злы, и не мудрено, что он испугался. Но Адель — прелесть, и он успел наговорить ей кучу комплиментов под аккомпанемент рыданий Нины из соседней комнаты...

Поэт проказлив, влюбчив, мрачен. Самые невероятные безумства, и при этом с обязательным нарушением воинской дисциплины, только щекоют его нервы. К тому же его к этому поощряет кокетливая Адель. Она тоже поэтесса, написала стихи и посвятила их Михаилу Юрьевичу. Но, увы, муж увозит ее в Крым. Если Лермонтов хочет получить эти строки, то пусть приедет в Крым. Нет, нет, только в Крыму она подарит ему их...

Тысячу верст в коляске за пять дней. Позади две загнанные лошади, сломанная рессора и станционный смотритель, чуть было не получивший пулю от яростного поручика.

И только за стихами? Ну, конечно же, нет. Милые проказы в бильярдной, нежные прогулки вдвоем. Увы, Лермонтову пора обратно на Кавказ. Последнее свидание:

«Адели нет. Собравши вокруг себя кучу нежно-золотых палых листьев, поэт ложится на них, плотнее закутавшись в бурку, и... засыпает... засыпает так крепко, что не слышит, как подошла Адель...

— Мишель?

И носок башмачка ее касается его головы.

— Вы ранены? — наклоняется она над ним, становясь на колени.

Лермонтов просыпается и вспоминает в мгновение, что должна была прийти Адель, и видит, что это она.

— Адель!.. Наконец-то!.. Как я рад! — целует он ее руку.

— Вы ранены? Что же вы?.. Вы... спали? — вдруг догадывается Адель...»

Конечно, вначале она негодует, но поэт так мил, так печален! Перед тем как уснуть, он написал французские стихи:

Мадам Гоммер де Гелль

У склона дороги, к березке опалой,
Согбенной в поре увяданья,
С надеждой на встречу сажусь я усталый,
Под жгучие ветра лобзанья.
И внемлю, любуясь зарей бледноалой,
Великим глаголом молчанья.

Теперь осталось их закончить.

Печальный и грустный, объятый тоскою,
Заснул я в траве сиротливо,
Вдруг слышу как будто шаги за собою, —
Я вздрогнул, проснулся — о, диво!
Склоняется робко она надо мною,
Чуть ножкой касаясь стыдливо!

Вечер вдвоем — мечты о Франции, мечты о счастье.
А завтра — последний торопливый поцелуй на пристани
под защитой широкой спины кучера, последняя попытка
Лермонтова увезти, похитить Адель. И снова тысяча
верст обратно, на Кавказ.

Она навсегда ушла из его жизни...

Искушенный читатель скептически улыбнется.
Конечно, поэты могли быть и сумасбродами, но тот, кто
выдумал эти похождения Лермонтова с женою
французского консула в Одессе, разве не фантазер? И
надо ведь придумать такое! Вот и верь историческим
романам!..

Но напрасны сомнения, напрасно недоверие. Ни
Сергеев-Ценский, которого мы цитировали, ни Б.
Пильняк, ни К. Большаков, почти одновременно
выступившие с романами (Б. Пильняк, Штосс в жизнь.
«Красная новь», 1928, № 10; К. Большаков, Бегство
пленных. Харьков, 1929; Сергеев-Ценский, Поэт и
поэтесса. М. «Федерация», 1930), ничего не выдумывали.
Ведь они писали романы исторические, их фантазия
художников была ограничена строгими свидетельствами
документов.

Но найдем ли мы в научных биографиях Лермонтова
что-либо о его пребывании в Крыму, знакомстве с
семейством де Геллей? Ведь это знакомство, по-
видимому, оставило след и в его творчестве?

Оказывается, если просмотреть биографии
Лермонтова, изданные в конце прошлого и начале этого

столетий, то мы найдем в них и Оммер де Гелль, и стихи, ей посвященные, и даже дату — 28 октября 1840 года, когда они были написаны. Адель исчезла из жизни Лермонтова и его биографий спустя лишь столетие после смерти поэта: Загадочная история!

Но вернемся к романам, к самому значительному из них, роману Сергеева-Ценского «Мишель Лермонтов», куда отдельной частью вошла первоначальная повесть «Поэт и поэтесса».

Здесь нет выдумки, досужей фантазии, капризно меняющей биографию гения в угоду сюжету. Правда, писатель вкладывает в уста Лермонтова слова, которые, быть может, поэт не произносил. Но он мог их и произнести. Нет в романе и вымышленных лиц, разве только эпизодически мелькающие кучера да, может быть, цыганки из хора.

Ну, а мадам де Гелль? Откуда она взялась?

Из писем.

В 1887 году в солидном журнале «Русский архив» были опубликованы четыре письма Адели Оммер де Гелль. В них она рассказывала своей корреспондентке о знакомстве с Лермонтовым. В одном письме есть и стихи, посвященные ей поэтом. В 1928 году издательство «Academia» выпустило «Записки Е. Сушковой», и, так как эти записки в значительной своей части также посвящены Михаилу Юрьевичу, к ним были приложены письма Оммер де Гелль.

Вот отрывки из этих писем:

«Пятигорск. Пятница, 14 августа 1840 года.

...За мной приехала девица Реброва и зовет нас в Кисловодск... Она мне тотчас созналась, что влюблена в Лермонтова, что Лермонтов ее любит, но не хочет признаться...»

«Кисловодск. 26 августа 1840 года.

...Мы очень весело провели время. Лермонтов был блистателен. Петербургская франтиха старалась

афишировать Лермонтова, но это ей не удалось... Лермонтов заявил Ребровой, что он ее не любит и никогда не любил. Я ее, бедную, уложила спать, и она вскоре заснула. Было около двух часов ночи. Я только что вошла в мою спальню. Вдруг тук-тук в окно, и я вижу моего Лермонтова, который у меня просит позволения скрыться от преследующих его убийц... Он у меня всю ночь оставался до утра... Сплетням не было конца... Он оставил в ту же ночь свою военную фуражку с красным околышком у петербургской дамы...» «Я обещала ему доставить в Ялте мои стихи, которые у меня бродят в голове, с условием, однако, что он за ними приедет в Ялту».

«Ялта. Четверг, 29 октября 1840 года.

...Лермонтов сидит у меня в комнате в Мисхоре... и поправляет свои стихи... Как я к нему привязалась! Мы так могли быть счастливы вместе!.. Я сговорила идти гулять в горы и застала его спящим непробудным сном под березой.....Я ему передала в Мисхоре мое стихотворение „Соловей“. Он, как ты видишь, сам подписывает Lermontoff; но это совершенно неправильно. Немое „e“ вполне соответствует русскому „ъ“. К чему „ff“, совершенно непонятно. Так же точно неправильно писать Poschkin вместо Pousuchkine, Schterbinin вместо Schterbinine...»

Хотя и скупо, но переданы именно те факты, которые потом фантазия писателя претворила в живые сцены.

Но кто такая Адель Оммер де Гелль? Ведь в последних академических изданиях биографии Лермонтова ее имя вычеркнуто. Может быть, ее и вовсе не существовало? А может быть, она пишет о каком-либо ином Лермонтове, тоже поручике и тоже поэте, но неизвестном? Нет, письма не оставляют сомнений, что речь идет именно о гениальном русском поэте Михаиле Лермонтове.

Адель Оммер де Гелль (в другой транскрипции — Адель Гоммер де Гелль) существовала. Бывала в России, в Крыму, на Кавказе. И письма писала. И даже книги.

Но до 1933 года никто не знал ее мемуаров «Письма и записки». Не знали в России, не знали, как это ни странно, и во Франции. В 1933 году то же издательство «Academia» выпустило «Письма и записки» Адели Оммер де Гелль на русском языке. Французы были вынуждены сделать перевод с русского, и книга произвела сенсацию. Французский рецензент восторженно писал в «Les nouvelles littéraires», что мемуары «проливают яркий свет на события эпохи».

Кто же она, эта поэтесса, писательница, путешественница? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно прочесть «Письма и записки», нужно познакомиться и с другими произведениями Адели. Они не изданы на русском языке, но в свое время их хорошо знали в Париже. Это томик стихов, слабых стихов, хотя и живо написанных. Гораздо интереснее ее путевые заметки, описание путешествий по России. Автор описаний — человек наблюдательный, умный. Муж Адели не был консулом в Одессе, как это следует из романа Сергеева-Ценского, он был геологом, производившим разведки на юге России. Результаты своих изысканий де Гелль изложил в трехтомном труде «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и Южная Россия» (Париж, 1843–1845). В создании этих книг также участвовала и Адель.

Ну, а что она сама о себе пишет в «Письмах и записках»?

Но сначала предоставим слово издателям «Записок». Вот что говорится в предисловии: «Героиня парижских салонов, кокетка и авантюристка, шпионка, русская помещица-крепостница с кнутом и розгами, бойкая на язык сплетница, любовница двух сыновей Людовика-Филиппа и нескольких его министров — Оммер де Гелль

двадцать лет мелькает в высшем свете, падая и вновь подымаясь».

Что и говорить, характеристика незавидная. Но она основывается на содержаний писем и записок. И действительно, отвратительный облик Адели раскрывается чуть ли не на каждой странице.

«Казак, наконец, устал от бесплодных расспрашиваний злополучного кучера и начал бить его по плечам длинным кнутом... Я настаивала на том, что, раз уж наказание началось, следует его продолжать до тех пор, когда преступник станет лучше и смягчится... При виде наказания я испытала неизъяснимое смятение: я чувствовала в сердце какую-то тоску, а между тем я ее не имела. Ласки, расточаемые моим казаком, проникли в мою кровь, я следила за правильным движением кнута, ударяя в такт своенравною ногой, как высказался Альфред де Мюссе в стихах, мне посвященных... Удары кнута сыпались, подобно граду, я придавала им темпо аллегро-виваче, смешанное с кресчендо и форто-фортиссимо, и руководила ими опытной рукою... Воздух пропитался кровью. Я чувствовала на губах какое-то странное ощущение, как будто бы вкус омертвелою тела...»

Как это не похоже на обаятельную Адель из романа Ценского!

Безусловно, Сергеев-Ценский сильно приукрасил, внутренне обогатил и облагородил Адель де Гелль, чтобы она получила моральное право на встречу с Лермонтовым, чтобы поэт мог влюбиться в нее.

Но какое противоречие! В стихах, в описании путешествий Адель целомудренна, пристойна, умна; в письмах и записках — развратна, садистична, и не слишком-то ее ум и фантазия приподнимаются над будуарной сплетней и таинствами любовных похождения.

И все же картины развращенной Франции, живущей девизом «Обогащайтесь!», пресыщенной помещичьей Руси, быта и нравов дворцов, салонов, усадеб настолько сочны, написаны так откровенно, что письма и записки звучат как сильнейший обличительный документ. Издатели так и охарактеризовали его в предисловии:

«При всем отвращении, которое вызывает автор, записки ее (Оммер де Гелль. — *Ред.*) надо признать замечательным документом эпохи. Чтение этой книги благодаря откровенному цинизму Ом-мер де Гелль создает у читателя впечатление, равное по силе лучшим романам, посвященным разоблачению Июльской монархии во Франции и николаевской эпохи в России. Никто из врагов французской плутократии и самодержавной, крепостнической России не мог бы придумать лучшей иллюстрации к своим утверждениям, чем эти записки».

Как же случилось, что несколько писем Оммер де Гелль попали в «Русский архив», а затем уже полная коллекция их вместе с записками была впервые опубликована в Советском Союзе? Опубликована спустя много лет и после смерти автора и после первых изданий ее писем в конце прошлого столетия? Где они хранились, кем и когда найдены?

На эти вопросы издатели ответить не могли. Очень скупо они сообщают, что подлинников французских писем и записок не сохранилось. За исключением одного листка бездатной дневниковой записи, сделанной черными чернилами с многочисленными поправками. Коллекция переводов писем хранилась в архиве князей Вяземских, находившемся в подмосковном имении графа С. Д. Шереметьева — Михайловском. В 1921 году этот архив был передан в Центрархив, где письма и записки и обнаружил известный знаток мемуаристики, историк литературы П. Е. Щеголев.

Две большие тетради плотной бумаги, исписанные синими чернилами, со множеством вставок, зачеркнутых строк и просто белых мест. Как утверждают издатели, или сам князь П. П. Вяземский, или кто-то по его поручению сделал черновой перевод писем и записок Оммер де Гелль. Но именно черновой, так как эти письма грешат в отношении стилистики, носят явные следы недоделок, неоконченного перевода.

Где раздобыл письма и записки князь П. П. Вяземский? Неизвестно. В приложении к письмам имеется заявление какой-то Марьи Павловой — крепостной, француженки, которая «в отместку за издевательства над ней» якобы похитила рукопись у самой Адели.

Заявление Павловой очень подозрительно, во всяком случае, издатели не захотели на его основании делать какие-либо выводы. Тем не менее они выразили уверенность, что «подлинность публикуемого материала не вызывает сомнения».

Но когда П. П. Вяземский еще в 1887 году опубликовал несколько писем Оммер де Гелль в «Русском архиве», то у родственницы Михаила Юрьевича — Эмилии Шан-Гирей некоторые факты, сообщаемые Аделью, вызвали не только сомнения, но и возражения. «Положительно могу сказать, что все написанное ею (Оммер де Гелль. — *Ред.*) по поводу девицы Ребровой есть чистая выдумка. Я современница Нины Алексеевны, тогда уже не Ребровой, а Юрьевой, была с ней знакома в продолжении многих лет, она... в 40-м году была уже мать семейства».

Опротестовала Шан-Гирей и описание бала, на котором якобы присутствовал Лермонтов. Но это был слабый протест, и не случайно издатель «Русского архива» Бартенев не обратил на него внимания, переслав письмо Шан-Гирей Вяземскому. Но князь внезапно испугался. Он молит Бартенева вместо имен

собственных проставить звездочки, просит пожалеть его старость и его подагру, всячески поносит де Геллей за их вранье и впредь отказывается печатать письма Адели.

Через год после этого Вяземский скончался в состоянии старческого маразма, распада сознания. Умерли и опровергатели. «Письма» Оммер де Гелль пылились в имении внука князя. Французские стихи Лермонтова, посвященные Оммер де Гелль, перевели на русский, даже в нескольких вариантах, и они прочно вошли в тексты Полного собрания сочинений поэта.

В мае 1934 года — сенсация: Адель Оммер де Гелль никогда не встречалась с Лермонтовым и не могла встретиться!

И невольное подозрение: а может быть, это пуританствующие филистеры и моралисты из академических кругов хотят окропить елеем жизнь Лермонтова и после смерти поэта уберечь его от порочащих встреч? Что же, и такое в науке бывало.

Но нет, дело не в моралистах. Дело в архивах, в документах. Это они против встреч Лермонтова с Аделью.

И все началось даже не с Лермонтова, а с А. И. Тургенева.

14 ноября 1833 года Адель веселилась в интимном кругу, собравшемся в парижском доме князя Тюфякина. И среди гостей, по ее словам, «...был крайне привязчивый старик с отвислой губой, Александр Тургенев. Ему только пятьдесят лет. Он очень умен и занимается разысканиями в наших архивах. Поздравляю его и желаю ему много счастья, а меня бы оставил в покое».

Но Александр Иванович и не собирался беспокоить веселящуюся гризетку. 13 ноября 1833 года он выбрался из Болоньи и 14 ноября вдыхал чудесный воздух на высотах Апеннинских гор. И здесь не может быть

никакой ошибки, именно этими датами помечены пространные, подробнейшие письма А. И. Тургенева к П. П. Вяземскому и Аржевитинову.

Что-то напутала Адель. А может быть, она напутала и в описании своих встреч с Лермонтовым?

В Институте русской литературы в Ленинграде литературовед Н. Лернер доложил о своих изысканиях по поводу писем и записок Оммер де Гелль, а в 1935 году П. Попов на страницах журнала «Новый мир» рассказал широкому кругу читателей, как кропотливая сверка показаний книги Оммер де Гелль с документами, хранящимися в различных архивах нашей страны, убедила исследователей в том, что Оммер де Гелль никогда этих писем и записок и не писала.

Работа исследователей была трудная.

С чего они начали?

С подозрения. Уж очень противоречивы были два образа одного и того же человека — Адели де Гелль. Помощница мужа в его ученых изысканиях — и великосветская гризетка; поэтесса — и помещица-садистка, не выпускающая из рук кнута.

Первое, что сразу же могли проверить исследователи, — это возможность встречи М. Ю. Лермонтова с Аделью Оммер де Гелль. Такая проверка не требовала специальных архивных изысканий, так как в библиотеках сохранились французские книги де Геллей. А в них подробно описаны маршруты супругов по югу России, даты поездок, рассказы о встречах, близких и мимолетных знакомствах.

Маршруты были точные. Путешественники много повидали, пережили не одно дорожное приключение. В описаниях встречаются противоречия: муж дает одну дату, жена — другую. Но оба сходятся на том, что в Крым, Астрахань и на Кавказ они попали в 1839 году. И в том же году уехали.

Но в 1839 году Михаила Лермонтова не было в Пятигорске! В 1839 году он не слишком усердно, но все же служил гусаром в Царском Селе.

Итак, возможность встречи в Крыму отпадает. Да оно и странно, Адель де Гелль так подробно описывает свои знакомства со всевозможными малоприметными людьми, и вдруг — забыла рассказать о Лермонтове. Невероятно!

Теперь уже чисто исследовательский азарт руководил литературоведами. Адель не встречалась с Лермонтовым. Но в ее «Записках» есть очень любопытные описания того, как она стала помещицей. Нужно проверить и это.

1 000 десятин на Буге в 80 верстах от Одессы, недалеко от сельца Аделаидино. Письма из этого села очень сбивчивы, но можно понять, что Аделаидино расположено в Екатеринославской губернии, тем паче что Адель выдала доверенность крестьянину П. Г. Огрень, которую он и предъявил в Екатеринославской палате гражданского суда.

Огрень — крестьянин Ефремовской округи, сельца Аделаидино, Богдановка тож.

Исследователи обратились к архивным описаниям Екатеринославской губернии, к картам, самым подробным картам середины XIX столетия. По «Списку населенных мест Екатеринославской губернии» они обнаружили целых девять деревень, носящих название Богдановка. Но не обнаружили ни одного Аделаидино. Хотя ведь Аделаидино — название неустойчивое, зато Ефремовская округа — это уже официальная административная единица.

Но округи такой в означенной губернии не было. Ефремовна — деревушка в 17 дворов — имелась. Но ей было далеко до округи. А заодно выяснилось: Буг по Екатеринославской губернии никогда не протекал...

Так отпало и еще одно фальшивое известие.

Позвольте, Адель была женщиной ветреной, русского языка она не знала, могла все перепутать. Но ведь Лермонтов не мог так ошибиться, посвящая свое стихотворение. Ведь оно так и начинается: «Мадам Гоммер де Гелль».

Оно датировано в «Записках» и в публикации П. Вяземского 28 октября 1840 года. Мы уже говорили, что де Гелли были в Крыму годом раньше. И все же ошибки возможны, откинем дату.

В Военно-историческом архиве хранится наградной список Лермонтова.

28 октября 1840 года «при переходе через Гойтинский лес Лермонтов открыл первым завалы... выбил из леса значительное скопище и по миновании дефиле с командою был отряжен к отряду ген.-лейт. Галафеева».

Как же так? Ведь Гойтинский лес на Кавказе, а если судить по «Запискам» Адели, Лермонтов 28 октября 1840 года сидел у нее дома, в Крыму, в Мисхоре, и писал стихи.

Это несоответствие бросилось в глаза и другим исследователям. Но странно, профессор Абрамович, исследуя даты жизни Лермонтова, настолько был под обаянием «Записок» Оммер де Гелль, что заявил: наградной список Лермонтова не заслуживает большого доверия, хотя военные документы, как известно, всегда бывают очень точны в датировках.

В. А. Мануйлов тоже обратил на это внимание, но также не поверил наградному списку, считая, что Адель помечала свои письма по новому стилю, Лермонтов — по старому.

Что же, в XIX веке разница между стилем новым и старым составляла 12 суток. Если Лермонтов пометил свое стихотворение: «Мисхор, 28 октября» по новому стилю, то по старому это 16 октября.

Заглянем в любопытное издание Раковича «Тангинский полк на Кавказе, 1819-1846 гг.», Тифлис, 1900.

15 октября старого стиля тот же Лермонтов совершил ряд удачных операций при переправе через Аргун. А затем за двое суток (если верить «Запискам») он доскакал до Крыма, да еще побывал вместе со своей возлюбленной в Алушке, Мисхоре, Кореизе, Орианде, Кучук-Ламбате и Ялте...

И все же обратимся к предисловию издателей. Они-то уверены, что «Записки» не вызывают сомнений в отношении их подлинности. И в доказательство этого публикуют снимок автографа Адели — страничку дневниковой записи.

Тут-то и кончаются все недоумения, отсюда и тянется нить к подлинному автору этой фальсификации — князю П. П. Вяземскому, который пытался скрыться под личиной переводчика.

Но сначала об автографе. Он на французском языке. В нем зачеркнуты целые фразы, вставлены отдельные слова. Вся запись носит характер черновика. Причем вставки, новые фразы, как показала графологическая экспертиза, сделаны рукою Вяземского.

Более пристальное графологическое изучение странички дневника убедило исследователей в том, что и вся страница написана рукою Вяземского, хотя он и пытался изменить свой почерк.

Остается выяснить последнее — самое загадочное, — откуда взяты стихи и почему они все же посвящены де Гелль?

В «Русской старине» за 1887 год, том 54, Висковатов опубликовал неизвестное стихотворение из альбома Одоевского, подаренное ему Лермонтовым. Стихотворение французское.

Его содержание почти в точности совпадает с тем, которое мы цитировали в начале очерка. Вяземский

только немного его реконструировал, ввел обращение к мадам де Гелль.

Но Адель — поэтесса. Поэт пишет поэтессе, и она, конечно, отвечает ему. Вяземский долго рассуждает насчет окончаний русских фамилий во французской транскрипции. Ему нужно найти стихотворение Адели, подлинное, конечно, которое было бы посвящено человеку, фамилия коего начиналась бы на «L» и оканчивалось на «тов». Но во французской транскрипции такого окончания нет, и П. П. Вяземский устами Адели пытается убедить читателей, что по-французски Лермонтов — Lermontove. Это натяжка, зато она позволила приспособить стихотворение Адели, посвященное господину Лемэр — Lemaire (1-е), и напечатанное в «Одесской газете».

Теперь как будто выяснено все. Остается сказать несколько слов о фальсификаторе князе П. П. Вяземском.

Почему Вяземский пошел на подобную фальсификацию, почему он не опубликовал произведение под своим именем, пусть как роман о Лермонтове? Ведь в романе автор имеет право на художественный вымысел.

Ответить на этот вопрос оказалось трудно, пришлось перерывать большое количество архивных документов, отыскивая какие-либо следы. Но труд не пропал даром. В 1888 году секретарь П. П. Вяземского Е. Опочинин выпустил небольшую книжечку «Памяти П. П. Вяземского». Вспоминая о последних годах жизни писателя (кстати, П. П. Вяземский — сын того поэта Вяземского, который был другом А. С. Пушкина), Опочинин вскользь упоминает о работе Вяземского над большим романом из жизни М. Ю. Лермонтова, причем героиней этого романа должна была стать Оммер де Гелль. Но в архиве П. П. Вяземского рукописи романа не оказалось, нашелся только «перевод» мемуаров Оммер

де Гелль. Описание внешнего вида рукописи романа, сделанное тем же Опочининым, убедило исследователей, что роман и «перевод» — это одно и то же.

Публикация Вяземского в «Русском архиве» — пробный камень, и проба была неудачной. Вяземский отказался печатать свой роман, пока в живых остаются люди, знавшие Лермонтова.

Так и пролежали «Письма» в архиве до 1933 года, когда издательство «Academia» выпустило их в свет и ввело в заблуждение и читателей, и историков литературы, и писателей.

Неприглядные образы русских помещиков и французских плутократов, пасквильные поступки сановников, памфлетическое издевательство над теми русскими, которые, «говоря по-русски, заикались по-французски», низкопоклонствовали в парижских салонах, — все это содержание «мемуаров» не оставляло у Вяземского сомнений в том, что цензура не пропустит их в печать как произведение писателя, поэтому он и хотел завуалировать свой разоблачительный роман, выдавая его за подлинные «письма и записки Оммер де Гелль».

Теперь встает вопрос: а имеет ли эта подделка какую-либо ценность как исторический источник? Бесспорно, имеет, и даже большую. Если отбросить вымысел о героине мемуаров и Лермонтове, то остается очень красочная, яркая и правдивая картина событий и нравов русского и зарубежного общества 30—40-х годов XIX века. Это своего рода мемуарный памфлет вне зависимости от того, что Оммер де Гелль никогда его не писала.

ОН РОДИЛСЯ КОНСПИРАТОРОМ

Наверное, с тех самых пор, как существуют деньги, существуют и фальшивомонетчики. Фальшивки изготавливались частными лицами, солидными корпорациями и попросту государственными учреждениями, чтобы нанести ущерб своим соседям, своим противникам. Правда, в наше время нет такого документа, такой бумажки, монеты, которую нельзя было бы подделать, но с таким же успехом любую подделку можно и распознать.

А вот сто лет назад дело обстояло несколько иначе. Фальшивомонетчиков в России было хоть отбавляй. Но царскому правительству явно не хватало «специалистов», которые могли бы фабриковать любые документы, с помощью которых жандармы и полиция могли бы осуждать на казнь, на каторгу революционеров.

Потребность в такого рода «фальшивомонетчиках» у царизма ощущалась тем острее, чем шире, мощней развивалось революционное движение.

Конечно, может показаться странным, что власть предержащие в борьбе со своими классовыми врагами нуждались в каких-то фальшивках. Ведь на стороне властей были законы, выражающие их волю, защищающие их интересы. Всякое выступление против было уже нарушением этих законов, а значит, и соответственно каралось государством.

В большинстве случаев дело обстояло именно так.

Радищев написал свое знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву», оду «Вольность», призывая к уничтожению «чудища обло»: крепостничество и самодержавие; декабристы попросту открыто с оружием

в руках выступили в 1825 году; петрашевцы оставили «обличающие» их документы.

Здесь противозаконность налицо. И фальшивки составлять не требуется.

Но ведь были и «бесследные» революционеры, они открыто не вступали в бой, все делали «законно», а результат их деятельности огромный.

Не много знает таких деятелей история русского революционного движения, но они были. Были великолепные конспираторы. Об их борьбе догадывались, внутренне даже были уверены, а вот «схватить за руку», поймать «с поличным» всей разветвленной сети царских шпионов, жандармов, провокаторов не удавалось.

Чтобы «обезвредить» таких революционеров, «законно» их арестовать, «законно» осудить и «законно» упрятать на каторгу, послать на казнь, нужны были улики «противозаконной деятельности». И эти «улики» фабриковались.

Подлог подлогу рознь. Вспомним Антона Ивановича Бардина. Он не преследовал каких-либо политических или даже научных целей и совершал подлоги с чисто купеческим расчетом на поживу.

Для «обличения» же «подрывной, антиправительственной деятельности» революционера мало было подделать его почерк. Почерк надлежало подделать в документе, который действительно свидетельствовал бы об этой деятельности. Такая подделка требовала очень ловкой, тонкой подтасовки фактов, обязательного совпадения ситуаций, да и многих иных «совпадений».

Конечно, с людьми, имена которых были малоизвестны «обществу», царские инквизиторы не особенно церемонились. Исчез человек — кто о нем вспомнит! Ну, а если исчезнет, к примеру, Чернышевский, известнейший писатель, яркий

журналист, ученый, издатель? А почему именно Чернышевский должен был исчезнуть?

А только потому, что Третье отделение, полиция, сам царь Александр II, все реакционное русское дворянство ни на минуту не сомневались: Николай Гаврилович — вождь русских революционеров-демократов. Все многочисленные прокламации, студенческие волнения, выступление в Польше так или иначе связаны с издателем журнала «Современник» и направляются им. Но его «исчезновение» — скандал. Его арест не может пройти незамеченным. Вот если бы он прятался, ушел в подполье...

А между тем...

Дом Есауловой на Большой Московской улице в Петербурге. Обширный первый этаж занимает квартира отставного титулярного советника Николая Гавриловича Чернышевского.

Настоящая петербургская, барская квартира с залом. Запутанный лабиринт коридоров, уединенный кабинет хозяина, великолепные апартаменты хозяйки. Свой выезд. Свой повар. Дача в Павловске, дом в Саратове и даже этак с 30 десятин земли в Аткарском уезде Саратовской губернии.

В доме всегда толпятся гости. По субботам — журфиксы, «где собиралось самое разнообразное и блестящее интеллигентное общество. Тут были литераторы — молодые и старые, патентованные ученые-академики и простые ученые, профессора университета и Военной академии и других высших учреждений, офицеры, врачи и другие люди всевозможных настроений и направлений», — вспоминает друг и коллега Чернышевского по журналу М. А. Антонович.

Знакомых множество! Но читателей во много раз больше. Почти в каждой книге «Современника» статьи Чернышевского. Литературное обозрение или

углубленный научный анализ экономических трактатов, публицистика на злобу дня. Статьи вполне легальные, допущенные цензурой, — иначе бы им и не появиться.

И в то же время...

Почтальон приносит анонимное письмо:

«Г-н Чернышевский! О пропаганде Вы знаете; Вы ей сочувствуете... Неужели Ваша приветливая улыбка украсит Вашу медузину голову? Неужели мы не видим Вас с ножом в руках, в крови по локоть? Неужели мы можем сочувствовать заклятым социалистам?.. Мы с Вами поступать будем покруче, чем поступают с Вами в столице. Нас много, теперь мы настороже и, поверьте, не станем с Вами нежничать... Мы не желаем видеть на престоле какого-нибудь Антона Петрова (руководитель крестьянского бунта в с. Бездна. — *Ред.*), и если действительно произойдет кровавое волнение, то мы найдем Вас, Искандера или кого-нибудь из Вашего семейства, и, вероятно, Вы еще не успеете заpastись телохранителями».

Может быть, автор анонимки имеет в руках какие-нибудь подтверждения пропагандистской, революционной работы Чернышевского? Нет. Но он не сомневается, он убежден: от Чернышевского для помещиков, для дворян все беды.

Анонимка Чернышевскому — угроза. Письмо управляющему Третьим отделением Потапову — прямое науськивание, побуждение к действию.

«Что Вы делаете, пожалейте Россию, пожалейте царя!.. Неужели не найдете средств спасти нас от такого зловредного человека?.. Ему нет места в России — везде он опасен — разве в Березове или Гижинске... Избавьте нас от Чернышевского — ради общего спокойствия».

Легко сказать — «избавьте»! Нужны улики! А для того слежка. Неутомимые филеры строчат донесения.

«За Чернышевским учрежден самый бдительный надзор, для облегчения которого признано необходимым подкупить тамошнего швейцара...» Чернышевский «уходил со двора в 9 1/2 ч. и вернулся домой в 2 1/2 ч. Приезжий из Москвы вовсе не отлучался из квартиры Чернышевского, а занимался у него в кабинете до 3 ч. ночи. Вечером в числе посетителей у Чернышевского были артиллерийский офицер и студент...»

На следующий день новые сведения, новые часы ухода, прихода, новые имена посетителей. Агенты дежурят у дома. Агенты забрались в дом. Третье отделение ищет улики.

...Люди встречают Чернышевского на улице, в редакциях, у знакомых — и поражаются. Он еще на свободе? Странно! Столько было слухов, что Николай Гаврилович арестован! Сам Чернышевский тоже каждый день слышит о своем аресте. Но он продолжает писать, помогает начинающим литераторам, шутит с друзьями, в журнальной полемике расправляется с ретроgrадами и живет все в том же доме, все так же широко и открыто.

Жандармы теряются в догадках. Им кажется, что «ниспровергатель основ» должен таиться или, заметив за собой слежку, бежать за границу. А этот еще является в Третье отделение к самому Потапову и выговаривает ему за то, что какой-то гвардейский офицер, видите ли, надерзил Ольге Сократовне. Непостижимо!

Кто-то написал воззвания, обращенные к барским крестьянам, к солдатам, — прямой призыв готовиться к бунту. Кто? Наверное, не обошлось тут без Чернышевского. Он, он... А поди докажи!. Следов нет. Ищейки беспомощно тычутся носами. Схватить, арестовать! Но с чем начинать процесс? Ведь за ним будут следить тысячи людей в России и за границей. И «крамольную» деятельность Чернышевского, его авторство придется доказывать, аргументировать,

документировать — иначе скандал! Нужны улики. Улики во что бы то ни стало!

А он словно родился конспиратором: нигде никаких следов. Скрепя сердце жандармы признают в деловой записке: «Юридических фактов к обвинению Чернышевского в составлении возмутительных воззваний и в возбуждении враждебных чувств к правительству в III отделении не имеется».

НЕВРУЧЕННОЕ ПИСЬМО

27 июня 1862 года из Лондона в Петербург выехал скромный торговый служащий Павел Ветошников. Не раз совершал он это путешествие, и всегда с удовольствием. А тут тревога не покидала его. В чемодане его лежала пачка писем, которые нельзя было доверить почте. Их написали своим русским друзьям и единомышленникам Герцен, Огарев, Бакунин. Попадись с такими письмами — несдобровать! Но кому придет в голову искать «крамолу» в чемодане служащего торговой фирмы?..

Ветошников был арестован, едва переехал границу государства Российского. Он не знал, как не знали и Герцен и Огарев, что их «гость» в Лондоне, некий Перетц — агент Третьего отделения. Зато Перетц знал о письмах, которые повез Ветошников.

Жандармы ликовали. Улики! Долгожданные улики! Вот письмо Герцена к Николаю Серно-Соловьевичу. Одного этого письмеца достаточно, чтобы арестовать друга Чернышевского, сотрудника «Современника». Ба! Но в письме Герцен пишет: «Мы готовы издавать „Совр.“ здесь с Черныш, или в Женеве. Печатать предложение об этом. Как вы думаете?»

Ах вот что! Чернышевский собирается бежать за границу! Вместе с врагом престола Искандером намерен в Женеве или в Лондоне выпускать «Современник», по высочайшему повелению временно приостановленный изданием в России! Отлично!..

Лето. Кто выехал на дачу, кто — в имения, кто — на курорты. Петербург опустел. 7 июля 1862 года. Николай Гаврилович несколько дней назад проводил жену с сыновьями в Саратов, а сам задержался в столице — сдать внаем квартиру, распродать обстановку.

«Современник» закрыт на восемь месяцев. Можно пока пожить на родине.

В первом часу дня забежал Антонович. Потом пришел доктор Боков. В зале уже не было вещей, и голоса гулко отскакивали от пустых стен. Звонок в половине третьего никого не встревожил, но беседа оборвалась. Все трое смотрели на дверь, ожидая нового посетителя.

В дверях появился офицер. Приземистый, с лицом, изъеденным оспой. Спросил Чернышевского. Николай Гаврилович столь стремительно скрылся в кабинете, что офицер не успел даже заметить двери. Беспомощно озираясь, крикнул в переднюю:

— Где кабинет Чернышевского?

Из передней выполз квартальный надзиратель. Только теперь Антонович и Боков поняли: офицер пришел не по объявлению о сдаче квартиры внаем.

Жандармский полковник Ракеев... Когда-то он сопровождал гроб Пушкина, тайно вывезенный из столицы. Совсем недавно арестовал поэта Михаила Михайлова. Теперь Чернышевский... Полковник даже считал себя причастным к литературным делам и был не прочь поболтать с очередной жертвой об изящной словесности.

Антонович и Боков выбрались из квартиры благополучно, все еще надеясь, что приход зловещего гостя закончится только обыском. Но он закончился арестом.

Жандармы перевернули весь кабинет Чернышевского. Улов был небогат. Несколько бумаг и писем, которые как-то можно было использовать. Две тетради с трудночитаемым текстом. Да четыре картонные полосы с цифрами и буквами, выписанными в два столбца...

В ЖАНДАРМСКИХ СЕТЯХ

...Алексеевский равелин. Стены обиты серо-зеленым бархатом плесени, маленькие оконца подслеповато уставились в высокую кирпичную стену, отгораживающую тайную тюрьму от всей остальной Петропавловской крепости. Внутри треугольника, образованного стенами равелина, крохотный дворик. Короткие дорожки, чахлые кусты и яблоня, посаженная декабристом Батенковым...

Следственная комиссия нервничала. Чернышевский почти четыре месяца в крепости — и ни одного допроса! А о чем допрашивать? По тем горе-уликам, что отобрали при обыске, даже «вопросных пунктов» не составишь. 30 октября все же устроили первый допрос: авось узник сам сболтнет что-нибудь лишнее! Но узник не сболтнул. И комиссия продолжала нервничать.

А Чернышевский был спокоен («Если бы можно было найти какое-нибудь обвинение против меня, достаточно было времени, чтобы найти его»). Он работал. Писал письма. Толковал законы. И законы свидетельствовали: Чернышевского нужно освобождать — прошли все сроки для предъявления ему обвинения...

Комиссия теребила Третье отделение. Третье отделение же в лице управляющего Потапова не торопилось. Потапов выжидал: пусть комиссия покажет полную свою несостоятельность, тогда он один выступит спасителем престола и отечества. Управляющий Третьим отделением уже знал, кто поможет ему в этом...

Домик, принадлежащий Надежде Николаевне Костомаровой, жене отставного прапорщика, стоял в Москве, в Марьиной слободке. За год до

ареста Чернышевского в домике разыгралась семейная драма. Брат донес на брата.

«Ваше сиятельство! Преданность моя к его величеству и вашему сиятельству заставила меня следить за делом столь важным, что последствия его наделали бы много шума и много хлопот для правительства. Представляю в. с-ву подлинные письма к войску и крестьянам, которые печатаются и будут пущены в дело; вы из них увидите, какой страшный заговор составлен между большой партией людей значительных...»

Захлебываясь от холопского усердия, 19 летний доносчик уведомлял: кружок студентов печатает в тайной типографии «возмутительные» произведения... вот, пожалуйста, имена... адресочки... среди прочих Всеволод Костомаров — старший братец... имеет станок и прокламации «Барским крестьянам» и «Русским солдатам», у себя хранит...

Студентов арестовали. Всеволода Костомарова тоже. Николай же Костомаров с благословения Третьего отделения отправился на Кавказ, да так и исчез по дороге.

Зато Всеволод остался.

Отставной уланский корнет, неплохой знаток нескольких иностранных языков, Всеволод Костомаров перед арестом подвизался на литературном поприще. Познакомился с поэтом Плещеевым, тот порекомендовал его поэту Михайлову, а Михайлов представил Костомарова Чернышевскому. К молодым Николай Гаврилович относился всегда внимательно. Заказал Костомарову для «Современника» несколько переводов из Гейне. Присматривался. Михайлов же попросту доверял новому знакомцу. Тем более что и впрямь его можно было использовать: как ни говори — печатный станок!..

И вот арест. Всеволод Костомаров ежится в камере, по привычке уставя взгляд в землю. Вот тебе и литературная карьера! Он знал, что ему грозит за участие в делах вольной типографии, за хранение прокламаций. Спасать, спасти себя надо! Следствие отметило: Костомаров весьма много содействовал «раскрытию некоторых обстоятельств» дела. Еще бы — выдавал. Донес и на поэта-революционера Михаила Ларионовича Михайлова. Знал немного, но умел показать, что очень осведомлен. Умел фабриковать хитросплетенные наветные письма. Слова скользили угрем и писаны были всякий раз новым почерком. Даже псевдонимы выбирал скользкие, хитрые.

Всеволод Костомаров и был тот козырь, с помощью которого Потапов собирался «поразить» следственную комиссию, безуспешно искавшую улики против Чернышевского.

Сам Костомаров тоже спешил. Коли Третье отделение в нем нуждается, он продаст свои услуги подороже. Его достопочтенная матушка получает уже единовременные пособия из секретных фондов. Ничего! Карьеру можно сделать не только на литературном поприще!

...А Чернышевский уже восьмой месяц сидел в равелине. Он протестовал, писал генерал-губернатору, царю. Он объявил голодовку, чтобы доказать, что не потерпит над собой насилия. И работал. Все время работал.

...Потапов и Костомаров в трогательном единодушии составляли сценарий «разоблачения» Чернышевского. Прежде всего для отвода глаз широкой публики надобно надеть на предателя терновый венец мученика. И Костомарова «засудили»: шесть месяцев Петропавловской крепости и рядовым на Кавказ.

На Кавказ! «Осужденный» отбыл туда в последний день февраля 1863 года. Его сопровождал (честь-то

какая!) жандармский капитан Чулков. Сценарий предполагал: остановка в Москве на два-три дня для свидания кое с кем, остановка в Туле и... немедленное возвращение в Петербург. Перед самым отъездом Костомарова управляющий Третьим отделением утвердил и оставил у себя окончательный текст «письма», которое предатель 5 марта «напишет» из Тулы своему мифическому приятелю Соколову.

«Тула, 5 марта.

Ну вот, наконец, я и дождался возможности говорить с вами на свободе, без разных цензурных стеснений...» Множество отступлений... Французские вставки, немецкие стихи, риторика, словоблудие... Главное же — клевета и доносы. Доносы на Чернышевского, Шелгунова, на уже преданного Михайлова. Подленькие характеристики: Чернышевский других-де посылает лбом стену пробивать, а сам в сторонке... И посреди пестрых этих декораций — рассуждений, отступлений, словесных вывертов — центральный эпизод: чтение прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» в кабинете Чернышевского.

«...Наконец вышел Мих. (Михайлов. — *Ред.*) из другой комнаты и, моргнув Чскому (Чернышевскому. — *Ред.*), увел его в кабинет. Минут через 5 он вернулся и вызвал меня. Тут-то и началось наше настоящее знакомство... Тогда-то и происходило чтение „воззв. к б. к.“ в первоначальном его виде. Надо вам сказать, что Мих., знавший уже от меня, что в Москве есть возможность печатать без цензуры... привез меня к Ч. именно с той целью, чтобы переговорить о возможности напечатания воззвания... Во время самого печатания манифеста к крестьянам Чский посетил меня в Москве, сделал кое-какие поправки в тексте воззвания и, оставшись доволен работою, благословил меня на новые и новые подвиги...»

Потапов снова и снова перечитывает письмо. Ловко сшито! Не подкопаешься! Ну и бестия!

...Московскому коменданту приказано: «быв. болен, Костомаров потребует, быть может, отдохновения в Москве»; сие отдохновение следует ему разрешить! Костомаров «требуется» — и сопровождающий капитан Чулков поселяет его в гостинице «Венеция» (не на гауптвахту же со «слабостью здоровья»!). И тотчас появляется некто «пожелавший» увидеть приезжих: московский мещанин Петр Васильев Яковлев, бывший переписчик бумаг у Всеволода Костомарова.

Сцена разыгрывается, как по нотам. Яковлев сообщает, что ему-де, известны все отношения Костомарова с Чернышевским. Чулков кладет доносчикам-добровольцам чистый лист бумаги. Яковлев строчит, а «больной» Костомаров набрасывает игривую записку матери: «Милая моя, я в Москве уже, — по обыкновению весел, здоров и благополучен. Петр Васильевич оказал мне весьма важную услугу...»

«Услуга» заключалась в «извете»:

«Летом 1861 года, около июля месяца, будучи переписчиком бумаг и разных сочинений у г. Всеволода Костомарова и занимаясь у него постоянно, я очень часто видал у него из Петербурга какого-то знаменитого писателя под именем Николая Гавриловича Чернышевского и переписывал бумаги по случаю летнего времени в беседке сада дома г. Костомарова, когда они, ходя под руку и разговаривая между собою, произносили слова, из которых мне удалось запомнить следующие фразы, произнесенные г. Чернышевским: „Барским крестьянам от их доброжелателей поклон“. „Вы ждали от царя воли, ну вот вам воля и вышла“. Называя эту статью своею, г. Чернышевский упрашивал г. Костомарова о скорейшем ее напечатании...»

Через несколько часов, упрятав в карман деньги и письмо к Потапову, «живой свидетель» Яковлев отправляется в Петербург. 4 марта Костомаров уже следует в Тулу, но прибывает туда снова «больным». Дальше ехать не нужно. В соответствии со сценарием приходит телеграмма от Потапова: Костомарова возвратить в Петербург. Ведь Костомаров «написал» в Туле обширнейшее письмо на имя Соколова, которое «отобрал» у него капитан Чулков. Обрато ехали живо. Чулков «вез» «отобранное» письмо, но потерять оное не боялся. Ибо спрятано оно было не в кармане жандармского мундира, а в надежнейшем кабинете управляющего Третьим отделением.

А Чернышевский работал. Переводил труды по истории. Завершал роман «Что делать?».

ЛОГИКА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

На исходе первой декады марта радостный Потапов (он, он престола спаситель!) торжественно вручил следственной комиссии «обличительные» материалы: письмо к Соколову, «извет» Яковлева, несколько ничего не доказывающих писем и главную «улику» — «собственноручную» записку Чернышевского, «отобранную» у Костомарова уже по прибытии в Петербург.

Холеные руки передают друг другу, разглаживают пожелтевший листок, на одной стороне которого какие-то стишки, подбор рифм, а на другой:

«В. Д. Вместо „срочнообяз.“ (как это по непростительной оплошности поставлено у меня) наберит. везд. „временнообяз.“, как это называется в положении. Ваш. Ч.»

Члены комиссии вздыхают облегченно: наконец-то!

Ого, как они засуетились!.. Допросы, очные ставки, требования признаний... А, собственно, почему они радуются? Что у них в руках? Письмо Герцена, на основании которого делается вывод, что Чернышевский собирался бежать за границу. Две тетради с трудночитаемым текстом. Картонные полоски со столбцами букв и цифр. Донос Яковлева. Письмо Костомарова мифическому Соколову. Наконец «собственноручная» записка. Не так много. Не так страшно. Нужно все обдумать и убедительно опровергнуть.

Опровергнуть?.. Да будь он трижды прав, что его правота этим подлецам, лакеям, отягощенным чинами и титулами! Будто их интересует истина! Суд сената! Однако Чернышевский знает: процесс всегда будет привлекать внимание лучших людей. Не сейчас, так

потом, но настанет же время, когда откроется вся правда о всех неправдах самодержавия. Значит, надо сказать, отстаивать эту правду!

И Чернышевский пишет «пояснения», «заметки», «прошения», письма официальным лицам. Он дважды и трижды рассматривает каждое обвинение, разбирает по косточкам, вскрывает суть — и доказывает очевидную абсурдность. Да, противостоять железной логике Чернышевского трудно. Невозможно! А потому ее... «не принимают во внимание». Но Чернышевский доказывает, Чернышевский борется.

Если несколько нарушить хронологическую последовательность различных «пояснений» Чернышевского и суммировать его аргументы «против», получится убедительная и стройная цепь опровержений.

Итак, его обвиняют в том, что он собирался бежать за границу к Герцену, чтобы вместе с ним издавать «Современник». Однако у него факты, свидетельствующие, что он не думал и не мог бежать.

Не думал! Иначе зачем было переезжать с семейством в Саратов? Разве оттуда легче попасть в Европу, чем из Петербурга? И эти хлопоты со сдачей внаем квартиры, распродажей обстановки... Неужели у него не достало бы смысла и умения уехать, не подав ни малейшего знака? Кстати, он даже не позаботился приготовить для Ольги Сократовны доверенность на заведение саратовским домом. Почему? Да потому, что собирался ехать следом. Ведь он выдал ей эту доверенность тотчас после ареста, едва увидел, что скоро в Саратов не попадет. Денег у него сейчас тоже немного. А он перед самым арестом еще роздал из своих средств на разные нужды сотрудникам «Современника». Поступил бы так человек, готовящийся к побегу?.. Наконец, после закрытия «Современника» он принялся за осуществление нескольких новых, весьма

значительных изданий. Зачем? Нет, он не думал бежать...

И не мог!.. Материально он в России хорошо обеспечен. Что бы он стал делать за границей? Он и писать-то не по-русски не умеет... Издавать вместе с Искандером журнал? Опять-таки нелепость! Всем известны их весьма неприязненные личные отношения (об общности интересов можно и умолчать!). Разногласия по ряду вопросов. Острая полемика. А ведь каждый из них — и он и Герцен — привык быть полным хозяином журнала...

Да и вообще зачем разбираться во всем этом? Ведь доказательством его невиновности служит аргумент еще более веский — закон. А закон (следуют ссылки на том, книгу, статьи) говорит: не только намерение эмигрировать и самое эмигрирование не составляет преступления, преступлением становится уже только послушание приказанию вернуться. Вот так-то, господа судьи!

Подумать только, как много хлопот доставили всем эти две тетради, найденные при обыске! Их даже посылали для прочтения и расшифровки в министерство иностранных дел... Между тем записи в тетрадях вовсе не шифр! Это своеобразный способ сокращенного писания — замена стенографии. Им пользуются все, кто много пишет. Студенты, например. А он, Чернышевский, с детства много писал.

Ах, кажется странным содержание некоторых записей? Но ведь он готовился стать писателем-беллетристом. Порядок возникновения романа таков: берется факт и отдается на волю фантазии. В дневниках — игра фантазии над фактами.

Внимание следствия привлекла сцена, где некто говорит девушке, что со дня на день ждет ареста. Но, представьте, он имел в виду вовсе не себя. И он может

без труда доказать это, сопоставляя факты дневника с фактами своей жизни. Он даже готов открыть комиссии, кто был прототипом для этой сцены. Немецкий ученый Иоганн Кинкель. О нем много рассказывали газеты.

Да! «Разбравшим бумаги мои должно было бы знать, что они разбирают бумаги литератора!»

...Дались же комиссии эти картонные полоски! Шифр! Интересно, откуда они взялись в его кабинете? Наверное, родственник, Алексей Студенский, оставил. Алексей занимается лексикографией и этимологией, составляет таблицы. Шифр!.. До чего же беспомощны обвинители, если оперируют такими уликами! Он с трудом припоминает даже общий вид картонок. Но припомнить надо... Кажется, так: с одной стороны ряд цифр от 1 до 35 или 36, а против каждой цифры — буква русской азбуки. Значит, если это шифр, то каждой букве соответствует одна цифра. Например: а — 1, б — 2, л — 12.

Но тогда для секретности даже слитно не напишешь 1212, поскольку читающий не поймет, то ли это «алб», то ли «лаб», то ли «лл». Но ведь сие младенчество, а не шифр!

«...Все шифры такой системы... уж чересчур просты. Я никогда не занимался искусством дешифровки, но берусь в один вечер найти ключ к отрывку, писанному... шифром этой системы. Если б я имел надобность или охоту придумывать или употреблять шифр, то надеюсь, что у меня... достало бы ума придумать шифр получше».

...Донос пьянчужки Яковлева — попросту преглупейшая фальшивка. Хотя стены Алексеевского равелина и не пропускают слухов с воли, но, судя по многим данным, Яковлев уже успел спьяну подвести своих благодетелей из Третьего отделения. Упился и выболтал, что «пристроен» лжесвидетелем по делу Чернышевского. Не случайно же его столь неожиданно отправили на жительство в отдаленную Астраханскую

губернию, да еще под надзор полиции. И вообще Яковлев не имеет права быть свидетелем, как укрыватель антиправительственных фактов. В самом деле, если он слышал «крамольные речи» Чернышевского еще в 1861 году, почему тотчас не донес?

Ну, хорошо. Действительно, он, Чернышевский, будучи в Москве, на минуту зашел к Костомарову, чтобы... выкурить папиросу. В связи с пожарами курить на улице запрещалось. И вот тут-то, заявляет Яковлев, Чернышевский, ходя по саду, упрашивал Костомарова побыстрее напечатать прокламацию.

«Ходя по саду...» Да будет известно г. Яковлеву, а также и кое-кому другому, то, что известно всем без исключения знакомым Чернышевского: он, Чернышевский, совершенно не умеет говорить прогуливаясь. И вообще терпеть не может ходить по комнате или саду, он двадцать лет абсолютно не гуляет; прогуливаться для него, по собственным словам, «скучно и противно». Так что, если бы ему не разрешили войти в беседку, он «тотчас бы уселся на скамью, если бы скамьи не было... пошел бы к г. Костомарову сидеть в комнатах; если бы нельзя было сидеть в комнатах, ...все время простоял бы, прислонившись к стене или дереву, или лег бы на землю, но гулять не стал никак и ни за что». Но вся штука в том, что никакой не Яковлев, а он, Чернышевский, сидел в беседке и курил папиросу. И может подтвердить сие фактами, чего не может Яковлев. Курил в беседке. Только вот напечатать прокламацию не просил. Да и просить не мог. Даже при всем своем доверии к г. Костомарову, ежели бы оно, конечно, было. Как явствует из судебного дела самого Костомарова, в то время шли в Москве аресты лиц, обвиненных в тайном печатании, да и станка вроде бы уже не было. Тут в пору назад рукопись требовать, а не о печати просить! Смехотворно!

...Он считает страницы. Сто семнадцать! Это белой список. Изготовление черновика требовало куда больше времени. Литературная отделка труда тщательна. Расположение частей многосложно и обдуманно. Тут уж можно поверить Чернышевскому, критик он опытный!

А ему доказывают, что Костомаров приехал 5 марта в Тулу и в сей же день сочинил это длинейшее послание, именуемое «письмом к Соколову». Но оно не могло быть ни написано, ни даже набело переписано в Туле. Оно заготовлено раньше — это очевидно по расчету физической невозможности противного. Но где же? В Москве? Нет! В Москве Костомаров и Чулков встречались вначале с Яковлевым. Затем г. Костомаров был болен (или должен был держать себя как больной), к тому же его посетило много знакомых. Значит, Костомаров взял свою (или не свою?) уже готовую работу, когда выехал из Петербурга.

Не угодно ли далее сличить «письмо к Соколову» с некоторыми документами, отобранными у него, Чернышевского? Как-то с письмом Герцена, с одним пасквилем, с отрывком из его собственного письма к Ольге Сократовне. Это очень любопытно — сличить! Достаточно сделать это, чтобы увидеть: «письмо к Соколову» есть литературная работа, половина которой основана на означенных документах.

А вторая половина? Чернышевский вспоминает... Первый разговор с этим господином... Какой у него, однако, узкий, убегающий лоб!.. Костомаров принес переводы стихов, а потом вдруг повел речь о том, как плохо идут дела в России.

Чернышевский (перебил его). Вы богаты?

Костомаров. Никакого состояния, кроме маленького домика моей матушки.

Чернышевский. Ах, у вас есть матушка?

Костомаров. И сестры.

Чернышевский. Вот как? У вас есть матушка и сестры? Чем же они живут? Доходами с домика?

Костомаров. Какой с него доход! Я содержу их своею работою...

Чернышевский. А когда так, то вам следует думать не о том, хорошо или дурно идут дела в России, а о вашем семействе, которое вы обязаны содержать...

Вот их первый разговор. Но возможно ли доказать это? Разговор наедине... И все-таки возможно! К счастью, через несколько дней после того был обед у Некрасова. И за столом Михайлов при всех вдруг напустился на Чернышевского: он-де охлаждает порыв молодых людей. Да, помилуй, в чем дело? Костомаров! Костомаров передал Михайлову содержание первого своего разговора с Чернышевским. Называл Чернышевского «апатичным человеком», «апатичным гражданином», «заботящимся только о своих семейных делах». И все гости были тому свидетелями! «Это последствие моего разговора с г. Костомаровым показывает, что этот происходивший между мной и им разговор имел с моей стороны направление и содержание прямо противоположное тому, что утверждает г. Костомаров».

Доказать, что прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» написал Чернышевский, предатель не сможет. Текст был переписан Михайловым. А что он, Чернышевский, в первый же день знакомства читал прокламацию Костомарову, легко опровергается. Да и вообще: «Правдоподобно ли, чтоб я стал выдавать себя за государственного преступника, чтоб отдал свою голову во власть человека, которого видел в первый раз? Я дорожу моею головою больше, чем предполагал г. Костомаров, делая такое показание».

Не достаточно ли всего, что сказано, чтобы убедиться, что «письмо к Соколову» есть «произведение

вымысла»? Кстати, стоит только, читая письмо, поставить несколько вопросов, как станет ясно, что и адресат есть «поэтический вымысел». Нетрудно даже догадаться, откуда сей непонятный друг г. Костомарова получил свою фамилию. Некий «Соколов» упоминается в одном из писем Плещеева, которое было при Костомарове. В литературе это называется «заимствованием»...

Хотя все сказанное весьма убедительно, стоит, однако, добавить, что на основании действующих статей российского законодательства Костомаров вообще не может выступать в этом процессе как свидетель. Ведь он «лицо, прикосновенное к делу», а таковые «не допускаются в деле уголовном к свидетельству под присягою». А чтобы не было сомнений, не угодно ли свериться? И Чернышевский перечисляет и цитирует добрые полтора десятка статей из свода законов.

Что же еще?.. «Собственноручная» карандашная записка. Здесь дело сложнее. Конечно, доказать, что сие фальшивка, нетрудно логически. Или психологически. Ну, например: если он, Чернышевский, такой преступник, каким выставлен в показаниях Костомарова, и в то же время такой опрометчивый глупец, что написал и оставил подобную записку, то против него, конечно, нашлось бы множество улик посolidнее, чем те жалкие обвинения, которые он опровергает и отвергает.

Но это логика, психология! Что до них судьям, жаждущим уничтожить его! Они будут твердить свое: рука Чернышевского! Нет, тут нужен иной путь — криминалистический. Едва ему подали сфабрикованную бумажку, он прямо на ней написал: «Эта записка была мне предъявлена комиссией), и я не признаю ее своей. Этот почерк красивее и ровнее моего. Отставной тит. сов. Чернышевский».

НЕОБЫЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Предстояла борьба.

Но и враги понимали: необходимо доказать прямо противоположное. Почти одновременно проводятся две экспертизы. Одну ведут секретари сената. Другую — узник Алексеевского равелина.

Секретарей сената было восемь. Никто из них не годился в эксперты по той простой причине, что ни один не имел понятия о графическом исследовании. Все вместе они также были лишены возможности объективно разобраться в деле, так как получили для сличения лишь несколько образцов почерка Чернышевского — и ни одной костомаровской бумаги. Таким образом, вывод как бы подсказывался заранее.

Но даже при этих условиях, не применяя никаких приемов графического анализа и основываясь только на общем зрительном впечатлении, сенатские секретари не пришли к тем выводам, каких ожидала от них следственная комиссия. Мнения разделились. Шестеро не нашли сходства в общем характере почерка записки и почерка Чернышевского, хотя порознь и отметили похожесть отдельных букв. Трое при этом указали на совпадение букв: *ж, з, б, д, л, р, я, т*; двое — букв: *ж, з, б, Д, к* и один — букв: *Ж, з, Д, р, В*. Оставшиеся два секретаря также заявили, что в почерках есть разница, но тем не менее пришли к выводу, что записка все-таки принадлежит Чернышевскому, якобы писавшему ее умышленно «извращенным» почерком. Свой вывод они основывали на внешнем сходстве букв *Ж, з* и «одинаковом способе писания» (что тут имелось в виду — неизвестно) букв *л, я, ь*.

Вряд ли эксперты потрафили господам сенаторам. Уж больно итоги неубедительны! В самом деле, шестеро

секретарей из восьми (75 процентов) не признали сходства почерков, а следовательно, и авторства Чернышевского. И только двое хотя и установили то же самое, аргументировали выводы так, как угодно было начальству: почерк не похож, но извратил его сам обвиняемый. Чтобы установить общее мнение экспертов, следовало из букв, в которых каждый из них порознь находил сходство с почерком Чернышевского, отобрать лишь те, в которых устанавливали сходство все эксперты вместе.

Однако сенат, пораздумав над итогами экспертизы пять дней, остановился на решении весьма странном. При выявлении «согласного мнения» экспертов сенаторы не отбросили несовпадающие буквы, а, наоборот, сложили все буквы, сходство которых указал каждый эксперт в отдельности. Но — увы! — и такой трюк не помог. И в этом случае число букв, якобы написанных рукой Чернышевского, составило меньше половины всех имеющихся в записке. Не радовал и вывод всех секретарей об общем несхождении почерков... Тут как ни складывай, как ни вычитай, по-своему не вывернешь! Но господа сенаторы не смутились. Они «провели» свою (оставшуюся в тайне!) «экспертизу» и установили, что «и в отдельных буквах сей записки и в общем характере почерка (!) есть совершенное (!!)

сходство». А посему Чернышевского оставить заключенным в крепости.

И Чернышевский остался в крепости. А в делах похоронили его экспертизу — строго научную, необыкновенно точную и неоспоримую.

Чернышевский исследовал отношение высоты отдельных букв и элементов, их составляющих, к высоте строки, а также угол наклона элементов букв к горизонтальной ее оси. Вот как, например, описывает он букву и в своем почерке: «Парная черта обыкновенно бывает слишком высока перед второю; расстояние

между ними вверху очень часто бывает слишком мало сравнительно с нижнею частью». Рассматриваются и способы соединения букв: «Почерк очень часто прерывается, гораздо чаще, чем в обыкновенных почерках; эти обрывы бывают между прочим на буквах *и, л, л...*»

Фальсификатору, замечает Чернышевский, было трудно добиться сходства с почерком, «дикая своеобразность которого режет глаза». Ему пришлось бы вместо свободного движения рукой вырисовывать буквы. А это тотчас можно распознать с помощью сильной лупы или микроскопа: изменится характер нажима. И Чернышевский даже делает рисунок в своих показаниях, поясняя, как будет выглядеть под микроскопом свободно написанная и вырисованная буква *А*. Этот же аргумент говорит и против того, что сам Чернышевский умышленно изменил свой почерк.

Экспертиза Чернышевского завершается четкими выводами:

«...Я утверждаю, что почерк приписываемой мне записки:

1) не имеет сходства с моим почерком и относится к почеркам совершенно другого характера;

2) что он не есть ни ломаный почерк, ни вырисованный почерк, т. е. что неизвестное лицо, писавшее эту записку, писало ее свободным и быстрым движением руки;

3) что я, как бы ни старался, не мог бы написать так ровно».

«Я не изучил специально правил распознавания почерков, потому привожу лишь отрывочные сведения...» — замечает при этом Чернышевский. Однако в своей экспертизе он самостоятельно пришел к тем методам, которыми пользуется современная криминалистика.

— Смотрите, но не трогайте! — провозгласил один из сенаторов, протягивая Чернышевскому какую-то бумагу. Новая фальшивка, долженствовавшая хоть как-то подправить дела с неудачей «карандашной записки», — это было якобы «найденное» Костомаровым «за подкладкою саквояжа» письмо Чернышевского некоему «Алексею Николаевичу». К поэту Плещееву — так расшифровали адресата судьи.

В письме опять-таки речь о печатании прокламаций, упоминается станок, якобы имевшийся у самого Плещеева, и говорится о группе молодых людей (среди них назван и Костомаров), которые взялись размножить воззвания. Любопытно, что Чернышевский, словно подтверждая характеристику, данную ему Костомаровым в «письме к Соколову», пишет мнимому Алексею Николаевичу: «Мы не могли не воспользоваться таким удобным случаем напечатать свой манифест, тем более что в случае неуспеха самая большая доля ответственности падает на них самих» (то есть молодых. — *Ред.*). Трус и подлец не удержался и плагиатировал самого себя!

Чернышевский отверг письмо и заявил, что если поставленное под текстом «Черн...» обозначает его подпись, то документ подделан.

В дальнейшем, подробно разбирая содержание «документа» и сопоставляя его с другими свидетельствами Костомарова, Чернышевский проницательно делает вывод о том, что появление «письма к Алексею Николаевичу» вызвано появлением в ходе процесса разного рода обстоятельств, которых не предвидел Костомаров при своих прежних показаниях и в «письме к Соколову». Чернышевский утверждал, что и по содержанию и по характеру почерка письмо не может быть приписано ему. Между прочим, господин автор письма выдал себя и тем, что сделал грамматическую ошибку (грамматическая ошибка у преподавателя

гимназии, писателя и редактора Чернышевского!): слово «некогда» (нет времени) написал через ъ — «нѣкогда» (то есть когда-то, в давние времена). Письмо есть подлог, решительно заявляет Чернышевский и требует, чтобы ему была дана возможность сличить оное с бумагами, писанными им самим, а также с бумагами, писанными Костомаровым. Имя фальсификатора названо прямо и точно.

И сенат спасовал. «Таковое домогательство Чернышевского» признается незаконным. А экспертизу опять поручили сенатским секретарям. На сей раз, чтобы не попасть впросак, эксперты долго не раздумывали, порознь не расходились и отдельных букв не сличали. Просто написали коротенькое заключение, в коем указали, что «как сие письмо, так и означенные бумаги (то есть бумаги Чернышевского. — *Ред.*) писаны одною и тою же рукою».

Через три с половиной десятилетия экспертизу сенатских секретарей убедительно опроверг человек, от революции далекий, философ-идеалист, публицист и поэт Владимир Соловьев, которому, по его словам, «случилось ближе познакомиться (по некоторым документам) с делом Чернышевского».

«Что касается до... мнимого письма Чернышевского к Плещееву, — пишет В. Соловьев, — ...то были спрошены в качестве экспертов... сенатские секретари!.. Между моими хорошими знакомыми есть несколько лиц, бывших сенатскими секретарями, ...но они решительно отрицают какую-нибудь свою прикосновенность к искусству распознавания почерков и различения поддельного сходства от действительного тождества... Такая экспертиза была сочтена достаточною для признания подлинности письма и для осуждения Чернышевского!»

Указывая далее на бросающиеся в глаза «неправдоподобное содержание письма и выбор

адресата» (а это, кроме Третьего отделения и сената, бросалось в глаза всем, кто знакомился в делом), Соловьев резонно замечает: «При предположении подлинности письма оно было уликою против Плещеева столько же, сколько против Чернышевского. Между тем Плещеев никакой ответственности не подвергся. Ясно, что ни в III отделении, ни в сенате подлинности этого письма не верили».

В самом деле, если б верили, разве оставили бы на свободе человека, который был в курсе революционной деятельности и планов Чернышевского, да к тому же имел собственный нелегальный печатный станок? А Плещеева не тронули. Не тронули, хотя он и на допросе и впоследствии (даже после смерти Чернышевского!) публично отрицал подлинность письма.

Между тем, будь эксперты сената свободны в своих действиях, они без труда обнаружили бы документ, по нелепой ли ошибке или из дерзкого озорства, написанный точно таким же почерком, что и «письмо к Алексею Николаевичу». В делах Третьего отделения лежала расписка: «1863 года июня 25 дня пятьсот рублей серебром получил рядовой из дворян Всеволод Костомаров».

«ЧТОБ ИЗЪЯТЬ ЧЕЛОВЕКА ИЗ ЖИВЫХ»

Дело Чернышевского метко подытожил тот же В. Соловьев: «Назвать его судебною ошибкою нельзя, так как для судебной ошибки необходимо, чтобы были две вещи: во-первых, суд, и во-вторых, ошибка, т. е. невольное заблуждение. Но в деле Чернышевского не было ни суда, ни ошибки, а было только заведомо неправое и насильственное деяние, с заранее составленным намерением. Было решено изъять человека из среды живых — и решение исполнено. Искали поводов, поводов не нашли, обошлись и без поводов».

Даже анонимки с угрозами, полученные Чернышевским, даже «извет» в пьяном виде разоблачившего себя и за то сосланного Яковлева фигурируют в окончательном определении сената.

Все занимавшиеся делом Чернышевского, за исключением лишь некоего приват-доцента Клочкова, единодушно заявляли: обвинение основано на фальшивках. И все же, чтобы окончательно решить вопрос, историки и криминалисты единодушно сошлись на необходимости еще одной, объективной, научно обоснованной экспертизы. Она была проведена после революции, в 1927.году, особой комиссией, созданной по инициативе редакции журнала «Красный архив».

Комиссия рассмотрела образцы почерка Чернышевского, Костомарова, а также «карандашной записки» и «письма к Алексею Николаевичу». Насколько серьезной и добросовестной была экспертиза, видно уже из того, что были исследованы бумаги Чернышевского, относящиеся к разным периодам его

жизни, имеющие разное назначение (дневники, черновые рукописи, стенографические записи, официальные документы, письма к жене и т. д.) и отражающие разное его душевное состояние. Было также учтено влияние на почерк различной бумаги, ручек, перьев, чернил.

Тщательно изучив особенности написания отдельных букв и знаков, их положение по отношению к уровню строки, различные способы соединения букв, нажим, направления осей элементов букв, эксперты установили несколько десятков обычных и особых признаков почерков, а затем перешли к сравнительному анализу документов.

Им удалось доказать: во-первых, что ни «карандашная записка», ни «письмо к Алексею Николаевичу», безусловно, не написаны Чернышевским, так как имеют «массу отклонений» от характера и «выдающихся особенностей» его почерка.

Во-вторых, что они написаны одним и тем же лицом.

И в-третьих, что они носят на себе ясные признаки почерка Костомарова.

Каждый из этих выводов эксперты подтвердили многочисленными примерами.

Насколько мастерски умел Костомаров изменять свой почерк и придумывать новые, сообщила в своих выводах комиссия, настолько был он неосмотрителен в подражании чужому почерку. В обычном случае, заявили эксперты, для выводов можно было бы даже ограничиться двумя неоспоримыми уликами: написанием буквы «ф» и постановкой открывающих кавычек вверху строки.

Но эксперты понимали, что имеют дело не с «обычным случаем». Речь шла о том, чтобы еще раз — окончательно и бесповоротно! — показать всему человечеству, как подло, нарушая законы, не брезгуя и самыми гнусными средствами, расправилось царское

правительство с человеком, которого Владимир Ильич Ленин назвал «великим русским писателем, одним из первых социалистов в России, замученным палачами правительства».

ЭТО ЛИ ЗАВЕЩАЛ ПЕТР I?

Вы когда-нибудь встречали такое имя — д'Еон де Бомон?

Да, кавалер д'Еон де Бомон родился давно — 5 октября 1728 года в городе Тоннере, Иенский департамент. А может быть, слышали и о Луизе де Бомон?

Это одно и то же лицо.

Как это может быть? Загадка, которую в прошлом столетии пытались разрешить и историки и, конечно, писатели, которых увлекал столь романтический сюжет.

Не будем пытаться решать вопрос о том, был(а) ли кавалер д'Еон де Бомон мужчиной или девицей, только отметим достоверно известное. Кавалер, когда он подросток, в мужском платье славился как искуснейший фехтовальщик, равного которому во Франции времен Людовика XV не знали. В женском платье он(а) покорял своими «прекрасными белокурыми волосами, светло-голубыми, томными глазами, нежным цветом лица, изящными маленькими ручками и еще более изящными ножками и аппетитным легким пушком над верхней губой, напоминающей спелый персик».

Это свидетельство мемуаристов, да и не только их. В официальных бумагах секретной переписки французского короля Людовика XV кавалер часто фигурирует под именем девицы.

Так вот. Летом 1755 года из Парижа выехал кавалер Дуглас-Макензи, шотландец родом, в сопровождении своей очаровательной «племянницы» — девицы Луизы де Бомон. Выехали они в Германию через Швабию в Богемию, где Дуглас должен был осмотреть с ученой целью тамошние рудники.

Из Богемии «ученым путешественникам» надлежало проехать к Саксонию, затем в Данциг, Курляндию и, нигде уже не задерживаясь, прямо в Петербург.

Странная пара, странный маршрут, если иметь в виду осмотр рудников, которых ни в Петербурге, ни в его окрестностях не имелось.

В Петербурге Дуглас и Луиза должны были первым долгом представиться вице-канцлеру графу Михаилу Илларионовичу Воронцову.

Луиза де Бомон была одета по последней парижской моде, об этом позаботился не кто-нибудь, а сам принц Конти. В руках она держала томик Монтескье «L'Esprit des lois» с золотым обрезом и в кожаном переплете. Книга эта предназначалась для самой русской императрицы Елизаветы Петровны.

Девушка была мила, хотя иногда можно было заметить, как она от времени до времени оправляла не к месту корсет, который ей, видимо, жал, и как-то очень странно, на носках, передвигалась по залу.

Но мало ли бывает на свете странностей!

Дуглас не сумел обмануть русского канцлера Бестужева-Рюмина и английского посла при петербургском дворе Вильямса. Они заподозрили в минералогe, явившемся в Петербург с целью поправить собственное здоровье в «холодном климате», тайного французского резидента.

Но очаровательную Луизу никто ни в чем не подозревал.

Дуглас вскоре вынужден был уехать, а Луиза осталась в Северной Пальмире и была представлена графом Воронцовым, приверженцем версальского двора, императрице Елизавете.

Вы, конечно, уже догадались, что Дуглас и кавалер-девушка попали в Петербург с тайной политической миссией. В корсете д'Еона была зашита инструкция, написанная каллиграфическим почерком на тончайшей

бумаге, в подошве изящной туфельки припрятан ключ к зашифрованной переписке, которую, по мысли французского короля Людовика XV, должна завязать с ним русская императрица, как только она получит от Луизы томик Монтескье, в переплете которого были запрессованы тайные письма французского короля.

Романтично, авантюрно!.. Но Луиза свою миссию выполнила. На следующий год Дуглас уже вернулся официальным поверенным Франции в России. А Луиза? Она тоже прибыла в Петербург. Но на сей раз в платье кавалера д'Еона де Бомон, как секретарь посольства и родной брат Луизы или Лии де Бомон.

В Европе было неспокойно. Пруссия готовилась к войне за австрийское наследство. Англия поддерживала Пруссию, Франция мечтала прибрать к рукам Польшу, посадив на ее престол своего принца Конти, и всячески старалась втянуть в международные интриги Россию. Но для этого ей необходимо было иметь в Петербурге свое посольство, изолировать английского посла Вильямса, а также постараться спихнуть канцлера России Бестужева-Рюмина, ориентировавшегося на Англию.

Плелись придворные интриги.

И кавалер д'Еон мелькает то в Петербурге, то в Париже. Потом грянула Семилетняя война. Россия выступила против Пруссии в союзе с Австрией и Францией.

Кавалер д'Еон уехал в Париж, чтобы больше уже не возвращаться в Россию.

Прошло более полувека.

Да, нелегко приходится тому, кто втайне готовит нападение.

Наполеон хорошо знает, сколь трудное это дело.

Нужно создать армию, снабдить ее всем необходимым, разведать силы противника. Да мало ли дел?.. А планы кампаний? Сколько мелочей нужно предусмотреть!.. Тысячи? Нет, десятки, сотни тысяч!

А потом... Нельзя же нападать, не объявив предварительно о состоянии войны! Как это у русских? «Иду на вы!..» Ах, уж это благородство! Есть же глупцы, которые верят в эти объяснения!..

Император раздраженно откидывает от себя ворох газет. Все это сентиментальное наследие прошлых веков. Обоснуй, докажи, уверь! И при этом сохрани позу обиженного, оскорбленного, благородно негодующего, и если при этом невзначай выкатится слеза, то совсем хорошо. Он все равно нападет, и тогда...

Тогда — «на войне как на войне».

Историк Лезюр с беспокойством смотрит на императора. Наполеон даже не открыл его книги «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

— Ваше величество! Я исполнил ваши предначертания.

Император со злостью листает пухлый, в 500 страниц, памфлет.

— Вам не кажется, господин историк, что вы напрасно истратили время, силы и деньги?..

— Ваше величество, прошу вас заглянуть на страницу двести четвертую...

Наполеон читает:

«— Уверяют, что в домашнем архиве русских императоров хранятся секретные записки, писанные собственноручно Петром I, где откровенно изложены планы этого государя, которые он поручает вниманию своих преемников и которым многие из них действительно следовали с твердостью, можно сказать, религиозной. Вот сущность этих планов...»

Пожалуй, он ошибся. Лезюр — пройдоха, каких мало! Посмотрим, посмотрим!..

Пункт за пунктом, все 14.

«Россия должна расширяться — и к северу, и в пределах Балтики, и к югу в пределы Черноморья... для

чего нужно разжигать недоразумения между Англией и Швецией. Захват Швеции — первое звено в цепи захватов.

Использовать союз с Англией для развития и улучшения русского флота. Затем завоевать Персию и захватить торговый путь в Индию».

Так, так! Император удовлетворенно кивает головой. Лезюр застыл в глубоком поклоне. Но хотелось чего-нибудь о Европе, Франции, Австрии.

Ага, вот!

«Заискивать и поддерживать союз с Австрией... вовлекать ее в разорительные войны... втайне создавать ей врагов в Европе и особенно в Германии».

«Пользоваться религиозным влиянием на грековосточных отщепенцев или схиматиков, распространенных в Венгрии, Турции и южных частях Польши... добиваться духовного над ними главенства. Под этим предлогом и этим путем Турция будет покорена...»

Ловко! Лезюр делает полушаг вперед. Но император нахмурился.

В этом завещании рекомендуется стравить венский и версальский дворы, разжечь общеевропейскую войну, в которой Россия будет каждой из воюющих сторон оказывать поддержку, пока они не истощат себя вконец.

Это уже слишком!

А, наконец, пункт 14.

«Среди этого всеобщего ожесточения к России будут обращаться за помощью то та, то другая из воюющих держав, и, после долгого колебания — дабы они успели обессилить друг друга — и собравшись сама с силами, она для виду должна будет, наконец, высказаться за Австрийский дом. Пока ее линейные войска будут подвигаться к Рейну, она вслед за тем вышлет свои несметные азиатские орды. И лишь только последние углубятся в Германию, как из Азовского моря и

Архангельского порта выйдут с такими же ордами два значительных флота под прикрытием вооруженных флотов, Черноморского и Балтийского. Они внезапно появятся в Средиземном море и океане для высадки этих кочевых, свирепых и жадных до добычи народов, которые наводнят Италию, Испанию и Францию, одну часть их жителей истребят, другую уведут в неволю для заселения сибирских пустынь и отнимут у остальных всякую возможность к свержению ига. Все эти диверсии дадут тогда полный простор регулярной армии действовать со всей силой и полнейшей уверенностью в победе и в покорении остальной Европы».

— Господин Лезюр, кто автор этого проекта?

— Император всероссийский, в бозе почивший Петр Алексеевич I!

Наполеон молчит. Ученый испуганно пятится.

— Ваше величество, я обнаружил этот документ среди бумаг, доставленных кавалером д'Еоном, нашим агентом, в Париж из Петербурга по случаю заключения русско-французского союза против Пруссии в 1757 году...

Наполеон смеется. Он сделал вид, что поверил Лезюру. Милостиво отпустив ученого, приказал отпечатать памфлет возможно большим тиражом... и включить в него пересказ «завещания» без ссылок.

Европа возмущалась. Наполеон шел к Москве.

Европа негодовала. Наполеон жег Москву.

Европа замолчала. Наполеон отрекся от престола.

О «завещании» забыли.

Но нет, — о нем не забыли. В 1836 году в Париже вышел новый авантюрный роман под громким и длинным заголовком: «Записки кавалера д'Еона, напечатанные в первый раз по его бумагам, сообщенным его родственниками, и по достоверным документам, хранящимся в архиве иностранных дел. Сочинение Фр. Гальярдэ, автора „Нельской башни“».

И снова возмущенно шумит Париж, читая «Завещание Петра Великого», перепечатанное в этих «Записках».

Проходит еще несколько лет. Русский царизм ввязывается в безнадежную войну с Францией, Англией, Турцией.

И, конечно, «Завещание» снова фигурирует как оправдательный документ для противников России.

В 1854 году военный французский писатель Корреадор печатает «Карту увеличения России со времен Петра I до наших дней». Примечанием к карте служит «Завещание Петра Великого». От себя автор добавил только, что «Завещание» составлено Петром I около 1710 года и исправлено в 1722 году.

Позорный для русского царизма Парижский мир заставил забыть «Завещание».

И снова 60 лет никто не вспоминает о нем, никого не интересует судьба этого беспримерного документа.

Но вот в 1915 году в иранских газетах появляется «Завещание Петра Великого» в новой редакции:

«После беспредельной благодарности Творцу бытия и вселенной обращаю внимание всех своих детей и заместителей на нижеизложенное завещание, так как я предвижу блестящую будущность для моих наследников, как мало-помалу и один за другим они будут владычествовать над другими европейскими государствами, ибо все европейские государства и правительства — уже устаревшие и отжившие свой век, а российское, подобно голове на теле, все более и более развивается и должно господствовать над другими. Мы нашли государство, сперва источником разума, я же при помощи водолаза мыслей довел корабль до предназначенной цели, до берегов назначения, и знаю, что мои наследники путем энергичных мероприятий приступят к увеличению этого государства и сделают из

него обширный океан, а потому пишу для них эти несколько слов, дабы они ими руководствовались.

Россия всегда должна быть готовой к войне. Это главный путь к прогрессу. Держава может считаться великой только тогда, когда столицей ее будет Константинополь — ключ к сокровищам Азии и Европы. Поэтому надо стараться всеми силами, чтобы завладеть Константинополем и его окрестностями, дабы заслужить имя царя царей всего мира. Для достижения этой цели надо возбуждать интригу между Персией и Турцией, дабы всегда господствовали между ними раздор, вражда и война...»

В общем нужно принять все меры, чтобы Персия обеднела, ее торговля упала, но не надо забывать, что и Турция так же должна быть разорена!..

Немецкие агенты в Иране не затрудняли себя необходимостью пояснять происхождение документа. Им было важно побудить Персию вступать в войну против России. В России тотчас откликнулись газеты. 12 мая 1915 года «Русское слово» в статье «Завещание Петра Великого» писала: «Под таким заголовком в одной из персидских газет было напечатано очередное немецкое измышление. Оно свидетельствует о немецкой фантазии и упорстве... Немецкое золото и авантюрная изобретательность создали нам в Персии крупные затруднения».

Но Иран так и не вступил в войну на стороне Германии, и «Завещанию Петра» суждено было пролежать еще десяток-другой лет, до тех пор, пока опять враги России, уже Советской России, не почувствовали необходимость замести следы своей преступной деятельности и свалить все с больной головы на здоровую.

В ноябре 1941 года гитлеровские газеты трубили на весь мир о завоевательской традиции русских. Они напечатали краткие отчеты о совещании, которое

состоялось у Гитлера 25 ноября и на котором было зачитано «Завещание Петра Великого».

Не всех обманули эти вопли и эти документы. Многие понимали, что «Завещание» — фальшивка, но не знали автора.

И не удивительно. В XX веке не забыли Петра I, но не вспоминали о кавалере д'Еоне.

Кавалер д'Еон мог быть доволен своими успехами.

Вот уже два года кавалер живет в Петербурге. Веселый двор императрицы Елизаветы Петровны пришелся ему по душе, но неопределенное положение тайного агента французского правительства явно тяготило д'Еона. И не столько его угнетает должность тайного агента, сколько сознание того, что из «тайных» закрыта дорога к блестящей карьере «явных». А кавалеру очень хочется самому стать французским послом.

А потом это поручение...

...Перед отъездом в Россию Людовик XV удостоил д'Еона аудиенцией, обласкал, а затем вручил инструкцию: тайно собирать сведения о политическом, военном и финансовом состоянии России, ее настоящих и будущих видах на Польшу, о ее намерениях относительно Турции и Швеции, о расположении императрицы и ее министров к Франции, Англии, германским государствам, о склонности русского правительства к войне или миру, о том, преданны ли малороссийские казаки русскому правительству, о партиях внутри петербургского двора...

Кавалер повторяет наизусть всю инструкцию. В ней еще немало пунктов. Но вот беда: за два года он не сумел исчерпывающе ответить ни на один из них.

Ему, правда, удалось близко сойтись с вице-канцлером Воронцовым, да и сама императрица Елизавета благосклонно выслушивает комплименты. Но в придворных кругах живут сплетнями, слухами,

интригами. И очень трудно слух отличить от правды, сплетню от подлинного факта. К тому же новый французский посол посматривает косо на пронырливого кавалера. Раз в три месяца д'Еон сообщает французскому правительству самые неблагоприятные сведения о после, в Париже доносы агента аккуратно подшивают, но не дают им ходу.

В 1756 году Россия вступила в войну с Пруссией на стороне Австрии. Австрию поддерживала и Франция. Стараниями французской дипломатии в 1757 году между Россией и версальским двором был заключен союзный договор. Французский посол поспешил отправить в Париж надоевшего ему кавалера с известием о благополучном исходе переговоров.

Д'Еон всполошился. В Париже с него потребуют не только текст союзного договора с Россией, но и отчет по той инструкции, которую он получил от короля.

В его распоряжении было мало времени, неудобство приходилось компенсировать фантазией. И она подсказала выход: написать «Завещание Петра Великого», положив в основу его ответы на вопросы инструкции. Но д'Еон торопился и впопыхах наделал много ошибок.

Ему как-то и в голову не пришло, что Петр I не знал французского языка и мог писать только по-русски, а д'Еон, «снявший точную копию», не знал русского, да ему и не было надобности его изучать, так как в тех кругах России, в которых он вращался, говорили по-французски.

Не подумал кавалер и о том, что, если бы он состоял в интимной дружбе с императрицей Елизаветой, это было бы известно ее придворным, но ни один из них не вспоминает имени кавалера. Подвел д'Еона и стиль «Завещания», его высокопарность, так характерная для французской литературы середины XVIII века и совершенно отсутствующая в деловом суховатом языке

Петра I. И не знал кавалер, что в начале XVIII века в России Польшу называли Речью Посполитой и никогда не называли Пруссию и другие немецкие княжества, курфюрства, герцогства Германией. А в языке французской дипломатии это было принято. И уже совсем заврался ловкий кавалер, сочиняя пункт 14. Ну кто поверит, что Петр I может писать о русских «диких ордах»; чтобы православных, живущих в пределах Речи Посполитой, Венгрии, Турции, русский царь назвал бы «греко-восточными отщепенцами»?

Да кавалеру и не поверили, когда он по прибытии в Париж преподнес «Завещание» министру иностранных дел Франции аббату Бернесу. Министр назвал этот документ «химерой» и велел положить в архив. А кавалер горько сетовал впоследствии: «На мое открытие не было обращено серьезного внимания потому, конечно, что оно было сделано молодым человеком».

Что же, д'Еон был бы доволен, если бы знал, как «более солидные по возрасту» люди возились с сочиненной им химерой, хотя эта возня принесла им еще худшую славу, нежели та, которой добился пронырливый французский агент.

ЗАЙДЕМТЕ В АРХИВ

ЛИСТАЯ КНИГИ И ГАЗЕТЫ

укописи обладают магической силой, способностью вызывать в настоящее давно исчезнувшие образы людей; мимо этих листков проходишь, как по картинной галерее, и каждый из них по-своему трогает и захватывает».

Это слова Стефана Цвейга, вдохновенные слова об архивах.

Архив — это ли место для вдохновенных порывов? А между тем сколько писателей и поэтов, художников, режиссеров, не говоря уже об ученых-историках, побывало в архивах, чтобы не только почерпнуть из первоисточника нужные им сведения, но и в общении с документами настроиться на тот особый лад, когда человек уже не может не поделиться своим вдохновением!

Как часто говорят, пишут: «заглянем в творческую лабораторию ученого». Конечно, это выражение фигуральное. Можно заглянуть в химическую или физическую лабораторию, даже понаблюдать за тем, как в них трудятся ученые, но «творческая лаборатория» — это процесс часто, а может быть и всегда, индивидуальный, присущий только данному исследователю, и его приемы, его лаборатория становятся понятными для наблюдателей в основном, когда уже работа или завершена, или близится к завершению. Только тогда становится возможным проследить далеко не всегда прямой, а чаще очень

извилистый путь поиска, найти причины неудач, обосновать успехи.

«Творческая лаборатория» историка-архивиста — это прежде всего поиск, это процесс, и часто очень длительный, нередко дающий в итоге отрицательный результат или находку, которая на первый взгляд кажется незначительной.

Может быть, легче всего проследить за этим творчеством историков, листая книги, газеты, журналы, обращаясь к завершенным трудам.

Действительно, полистайте газеты, журналы хотя бы за минувший год. Вы найдете в них множество заметок о новых архивных открытиях и поисках. Если эти заметки вырезать, сложить вместе, то каждый год будет получаться солидная книга о работе архивов и архивистов. А сколько незаметного, но столь нужного труда ежедневно, ежечасно вкладывают архивисты в любимое дело, скольким людям они помогли, нашли справки о их бывшей деятельности, разыскали никому не известные данные о полезных ископаемых, утвердили приоритеты ученых, помогли работникам милиции обнаружить опасных бандитов, разоблачить матерых шпионов!

Зайдемте в архивы. Познакомимся с некоторыми исследователями, которые трудились или трудятся ныне в них.

КЛЮЧ К ШИФРУ НАЙДЕН!

Наверное, многие слышали или читали о самых разнообразных системах шифровки документов. В древней Руси была «тарабарская грамота», известен шифр Наполеона, азбука Мирабо, цифровые, буквенные шифры, шифровка с помощью специальных машин.

Владимир Ильич Ленин нередко прибегал к шифровке отдельных фраз и имен и целых писем, которые, случайно правда, но все же могли попасть в руки полиции. Причем Ленин использовал самые различные и в то же время совершенно не поддающиеся дешифровке шифры. Он придумывал их сам. Вот один из них. Его простота и абсолютная надежность заключались в том, что ключом к шифру служила партийная кличка товарища по борьбе, кличка, известная ленинскому адресату, но ничего не говорящая полиции.

Так, в 1901 году в письме к Ногину в Лондон Ленин пишет из Мюнхена: «Мне сообщили фамилию того петербуржца, который делал (в провинции и довольно глухой) предложение издать перевод Каутского. Боюсь доверить фамилию почте — впрочем, передам Вам ее таким образом. Напишите имя, отчество (на русский лад) и фамилию Алексея и обозначьте все 23 буквы цифрами по их порядку. Тогда фамилия этого петербуржца составит из букв 6, 22, 11, 22 (вместо нее читайте следующую по азбуке букву) 5, 10 и 13».

Ногин знал, что под кличкой «Алексей» скрывается Мартов. Но Мартов — это тоже только псевдоним Юлия Осиповича Цедербаума.

Дешифровка очень простая:

ЮЛИЙ ОСИПОВИЧЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13

ЦЕДЕРБАУМЪ

14 15 16 17 18 19 20 21 22 23

6-я буква — С

22-я — М

11-я — И

22-я — М, а следующая по азбуке — Н

5-я — О

10-я — В

13-я — Ъ

«Смирновъ». Букву «Р» Ленин, видимо, забыл написать. Но догадаться было уже не трудно.

В. М. Смирнов, социал-демократ, член петербургской группы «Рабочее знамя», в июле 1900 года был после ареста выслан в г. Бирск Уфимской губернии.

Но были у Ленина и более сложные зашифровки. Ключ к ним знали те, кто получал письма Ильича из тюрьмы в конце 90-х годов прошлого столетия. Теперь их нет в живых, а письма сохранились, и нам так важно их прочесть.

...Подлинник хранится в Центральном партийном архиве в Москве. Фотокопия лежит на рабочем столе в комнате доктора исторических наук Эсфири Абрамовны Корольчук в Ленинграде, на Васильевском острове. Вероятно, фотокопия пролежит еще недолго в этой комнате и тоже перейдет в архив, в личный архив Эсфири Абрамовны. Это произойдет тогда, когда последние строки зашифрованных ленинских писем будут разгаданы до конца. А может быть, они уже и разгаданы, может быть, скоро мы прочтем в газете о завершении блестящей работы исследователя, как прочли в июле 1963 года в «Московской правде» о первых успехах дешифровки.

Эсфирь Абрамовна Корольчук хорошо известна всем, кто занимался историей рабочего движения в России в XIX веке. Ее работы о «Северном союзе русских рабочих» стали настольной книгой целого отряда историков.

Но Э. А. Корольчук, наверное, впервые взялась за дело дешифровки. И это очень характерно. Историк должен знать и приемы шифровки документов, уметь отыскивать утерянные ключи к их прочтению. Ленинские письма из тюрьмы. Они написаны на обороте географической карты из военно-статистического сборника 1871 года. Ленинские письма к оставшимся на свободе членам «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» уже более шестидесяти лет хранят молчание. 30 лет эта карта размером в небольшой тетрадный лист хранится в партархиве. 30 лет время от времени кто-либо просит ее и вновь возвращает на место. Остаются неразгаданными стертые временем, едва заметные карандашные строчки.

Э. А. Корольчук сначала прочла их так, как они написаны, разобрала буквы, цифры по тем еле заметным следам, которые карандаш оставил на бумаге. Пока разбирала — выучила наизусть. В любой момент, днем ли, ночью, она могла мысленно воспроизвести всю страничку. Ей не нужно было все время иметь под рукой фотокопию. И днем и ночью, дома и вне его она искала ключ к разгадке. Она изучила множество известных шифров. Нет, ни один из них не подходил к ленинскому. Это и понятно, Ленин сам мог изобрести любой замысловатейший шифр, и как бы ни старались дешифровщики охраны, ленинский был не для них.

В поисках ключа Корольчук делала маленькие открытия. Она убедилась, что не все слова написаны шифром, что многие попросту являются сокращениями, но тоже не простыми, а часто одно слово вмещает три, четыре сокращенных, составляющих вместе целую фразу.

Ленин мог выпустить из слов все гласные или согласные буквы, мог в одном слове сокращенно написать фразу, причем каждое сокращение писалось на трех или четырех языках.

Но разгадка пришла, пришла внезапно. Хотя это только так кажется — внезапно, вдруг. Ведь Корольчук искала ключ, искала напряженно, искала так долго, что все ее помыслы сосредоточились на этом.

Ключ заключался в сочетании двух цифр, рассеянных по тексту письма: 3-7, 3-7. Ну, конечно же, Владимир Ильич шифровал буквы по принципу — вместо нужной буквы ставится иная, отстоящая от нее по алфавиту к началу его или к концу на 3 или 7 букв. Вместо «Л» — «О» или вместо того же «Л» — «Г».

Попробовала прочесть — получается!

Так были прочитаны некоторые зашифрованные слова. Но другие не поддавались дешифровке с помощью этого ключа. Ужели Ленин в одном письме применил два или несколько шифров? Не может быть. И все же применил. Но очень своеобразно, очень остроумно — по-ленински. Он некоторые слова сокращал так, что на первый взгляд именно они и казались зашифрованными, а зашифрованные звучали как сокращения: «вор-ы», «лабриз» и т. д. Это не шифровка: «вор-ы» — просто «вопросы», «лабриз» — 4 (для) листка большое распространение и значение.

И вот, наконец, расшифровано первое письмо, в котором Ильич дает указания своим товарищам по «Союзу борьбы» вести агитацию за съезд социал-демократов, съезд, который, наконец, Роздал Российскую социал-демократическую партию. Ленин говорит о необходимости устранения организационных недостатков, более широком развертывании агитационных изданий и т. п.

И снова семидесятидвухлетняя женщина склоняется к столу. Снова ищет ключи к шифрам, разгадывает сокращения. Труд Э. А. Корольчук далеко не завершен, ведь на обороте карты Ленин уместил три письма!

ЗА МУДРЫМ СОВЕТОМ

До сего времени еще не составлена полная биобиблиография работ Владимира Ильича Ленина. И нельзя сказать, чтобы над ее составлением никто не работал. Опубликована уже биохроника за 1917-1918 годы. В Институте марксизма-ленинизма трудятся десятки научных работников, продолжая начатое. И это большой труд, связанный с новыми поисками, экспертизами и т. д. И если в институте уже собраны 30 тысяч ленинских документов, то это никак не означает, что найдено все и все уже ясно.

Биобиблиография предполагает, что будет прослежен каждый день, каждая минута жизни Владимира Ильича, каждый час его работы. Будут уточнены, зафиксированы выступления вождя, его беседы и т. д.

Ведь известно, что многие ленинские статьи утеряны, беседы не записаны, а даты ленинских встреч неизвестны.

Иногда ответы на некоторые вопросы, связанные с датами жизни и деятельности В. И. Ленина, находятся в таких документах, в которых, казалось, никто их и искать не будет.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции хранятся любопытные книги. Вид у них невзрачный, они похожи на бухгалтерские. Разлинованы простым карандашом, заполнены торопливыми почерками: чернила, как правило, водянистые. Строчки часто идут вкривь, несмотря на линейки.

Книги называются: «Журнал для регистрации пропусков». Пропусков в Кремль. Причем пропусков постоянных, временных и разовых. Пропусков за 1918, 1919, 1920 годы.

Очень интересный документ, но до сего времени на него не обращали внимания. И обнаружили только при очередной описи.

Пропуска постоянные выдавались два раза в год — с 15 июля на срок до 1 января и с 1 января.

И каждый раз заводился новый журнал. Во всех журналах на первой странице под № 1 стоит «В. И. Ульянову (Ленину)». Вторым номером обычно выдавался пропуск секретарю Владимира Ильича — Бонч-Бруевичу, затем Надежде Константиновне Крупской, которую в книге записывали «Н. К. Ульянова (Ленина)», далее следовала Мария Ильинична, А. Елизарова и т. д.

Интересно полистать эти журналы.

Вот, например, страница, помеченная 30 августа 1918 года. С утра в Кремль идут самые различные люди. Они получают разовые пропуска. В журнале не помечено время их получения. Да и в предыдущие дни никто не отмечал часов выдачи пропусков. И вдруг страница обрывается недописанной, и на новой странице та же дата — 30/VIII и «11 часов вечера».

№ 319 Владиславлев С. П.

№ 322 Обух В. А.

№ 323 Ветеберг Б. С.

№ 327 Розанов.

№ 330 Смирницкая В. М.

№ 331 Фомина Е. И.

Почему эти люди отмечены особо, отмечено время их прихода? Кто эти люди? Оказывается, это врачи, сиделки и сестра милосердия. 30 августа 1918 года эсерка Каплан стреляла в Ленина и опасно ранила его.

И потом почти каждый день их фамилии встречаются в журнале. Только их допускают к больному Ленину.

Но вот и первый посетитель не врач — 28 октября 1918 года — М. Горький.

В конце октября Ленин, уже выздоравливающий, почувствовал себя немного хуже и 28/X — доктор Будинов Д. Т., пропуск выдан по просьбе Марии Ильиничны Ульяновой, она же расписалась в его получении.

Читая эти сухие журналы, часто натыкаешься на очень скудные, но волнующие приписки.

22/IV 1920 г. «т. Горькому взамен оставленного в Питере по просьбе Вл. Ил.» или 9/XI 1918 г. № 444 «Ивану Рахья (просил выдать Влад. Ильич)».

Рахья — известный финский революционер. Погиб в 1920 г.

12/VIII 1919 г. Попову (Серафимовичу А. С.) — по просьбе Марии Ильиничны.

19/VI 1920 г. т. Рид (по просьбе В. И.). Джону Риду, американскому журналисту, автору замечательной книги «10 дней, которые потрясли мир», книги, которую с таким вниманием прочел Ленин.

В 1919 году при получении постоянных пропусков на первую половину 1920 года произошел небольшой казус. «№ 100 Елизаровой» и приписка: «уничтожен, т. к. написан был „Ульяновой“». Дальше следовала подпись А. Елизаровой, которая, как известно, была не кто иная, как Анна Ильинична Ульянова, а по мужу — Елизарова.

Сколько разных людей перебывало у Владимира Ильича!

По этим книгам сейчас в Институте марксизма-ленинизма уточняются даты встреч и бесед Владимира Ильича. Журналы не могут их спутать, как путают мемуаристы, вспоминая о своих разговорах с Лениным через много-много лет.

И этот ценнейший документ открыли рядовые работники архива, те, что без усталости ищут, там, на 10-м этаже, на Пироговской улице в Москве.

ОН МЫСЛИЛ КАК ИСТОРИК

Толстой! Этим именем сказано все, во всяком случае, когда речь идет о великих писателях, составивших эпоху в мировой литературе. Толстой знал историю, любил ее, но он не зарывался в бумажную ветхость, не жил в мире ушедших теней.

Анатолий Франс считал, что «гений писателя нуждается в знаниях, без которых он не может расправить крылья... У нынешних авторов на чтение, в большинстве случаев, либо не хватает времени, либо их нервы им того не позволяют. Ведь ответил же однажды с гордостью Пьер Лоти, когда его как-то спросили, что он думает по поводу одной очень интересной книги: „Я никогда не читаю, я лишь пишу“. В литературных кругах очень смеялись этому ответу. Но я много думал над ним. Какую трудную, полную забот, лишенную всякого отдыха жизнь должно вести наше литературное поколение! У него даже нет времени подумать о том, что ему следовало бы, как водолазу, погрузиться в прошлые века: у него нет времени исследовать, искать и учиться для того, чтоб те, кто читает его книги, мог утолить свою жажду».

Напрасно Франс с таким безнадежным скепсисом отзывался о современном ему поколении литераторов, которому некогда читать, некогда оглянуться назад, некогда исследовать, учиться. Ведь поколение Франса было немногим моложе поколения Льва Толстого. Толстой, замечательные русские писатели, художники, режиссеры и литераторы более младших поколений умели учиться и часто, очень часто ради настоящего, «как водолазы», погружались в прошлое!

Дом Франса был музеем-архивом. Дом Толстого — великолепной исторической библиотекой. Думается, что

в Ясной Поляне Толстой собрал самую полную для своего времени коллекцию книг, писем, копий архивных материалов по эпохе Александра I.

И что характерно — Толстой написал несколько исторических произведений, но как тщательно, как кропотливо работал великий писатель с памятниками! Великий труд вложен в рукописи «Войны и мира» и «Хаджи Мурата».

В Румянцевской библиотеке было прочитано все, что имелось по истории первой четверти XIX столетия. Но этого было очень мало. И Толстой обратился к архивам. В свое время генерал Модест Иванович Богданович разослал своеобразные «анкеты» сохранившимся в живых участникам Отечественной войны 1812 года. Эти «анкеты» были им использованы для написания своего капитального труда «История Отечественной войны 1812 г.». Но использованы очень некритически.

Толстой познакомился с частью материалов Богдановича и сам предпринимал объезд мест сражений. Лев Николаевич находил участников и старожилов, расспрашивал, уточнял.

Для того чтобы вырисовать образ Пьера Безухова, Толстой изучил архивные документы по истории масонства. Великий писатель скептически относился к победным реляциям командиров, как русских, так и французов, и предпочитал живое слово, «устный первоисточник».

«Для историка (при описании сражений) главный источник есть донесения частных начальников и главнокомандующего. Художник из таких источников ничего почерпнуть не может, они для него ничего не говорят, ничего не объясняют... В каждом описании сражения есть необходимость лжи, вытекавшая из потребности в нескольких словах описывать действия тысяч людей, раскинутых на нескольких верстах,

находящихся в самом сильном нравственном раздражении, под влиянием страха, позора и смерти».

Толстой жалел, что он не может восстановить хода событий по их свежим следам. Вот если бы сразу же после сражения, разгоряченных боем, с неостывшими чувствами людей расспросить об обстоятельствах битвы, записать их рассказы, тогда бы эти показания имели несомненную ценность для писателей.

«Вам будут рассказывать то, что испытали и видели все эти люди, и в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, но ясное впечатление».

Все эти наблюдения Льва Николаевича — свидетельства кропотливого труда, труда историка-источниковеда.

И уж если нельзя прямо после боя, отгремевшего полстолетия назад, побеседовать с участниками, то писатель предпочитал все же не литературную обработку материалов этого боя, а сами материалы. И реляции командиров он тоже читал, хотя и не очень доверял такого рода источникам.

Многие, кто знал, как работает Толстой, удивлялись: зачем ему такие подробности, такая точность? Есть свидетельства, пусть они и не совсем верные, но если эти свидетельства будоражат фантазию писателя, если они служат пищей для его творческого образного воплощения идей, событий, то и прекрасно, не стоит отвергать их из-за каких-то там мелких неточностей. Так думали и некоторые писатели исторического жанра. Эпоха, колорит, быт соблюдены, фактическая канва событий более или менее правильная, остальное — право писателя на домысел и даже вымысел.

Толстой думал иначе. Он не отрицал, а, наоборот, утверждал право писателя на художественный вымысел, обобщение образов, но утверждал это право до известного предела. «Задача художника и историка

совершенно различна, и разногласие с историком в описании событий и лиц в моей книге не должно поражать читателя».

И Толстой точно определяет эти пределы, границы исторической достоверности и художественного вымысла в исторических романах.

Иван Сергеевич Тургенев разругал отрывок из «Войны и мира», появившийся в печати в 1865 году под названием «1805-й год». Тургенев обвинил Толстого в незнании источников, всю историческую часть назвал фокусничеством, шарлатанством.

Толстой, отвечая Тургеневу, писал, что у него есть вымышленные лица, в отношении которых он ничем не связан, но когда заходит речь о лицах исторических, то и писал он их по историческим памятникам, «иначе понимая и представляя эти лица и события, художник должен руководствоваться, как и историк, историческими материалами. Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не нахожу надобности выписывать здесь, но на которые всегда могу сослаться».

И не случайно критик Страхов утверждал, что новые народы будут изучать если не историю России, то русский народ, его душу по «Войне и миру».

Толстой работал, как настоящий многоопытный источниковед. Он отбирал одни материалы и отвергал другие; если свидетельства участников Бородинского сражения вдруг начинали походить на описания Михайловского-Данилевского или Глинки, Толстой решительно их отбрасывал. Написанное позже стало для участника собственным мнением, он подпал, как говорит профессор Л. В. Черепнин, под «гипноз письма».

Но на этом пока закончим разговор о художниках. Ведь принято считать, что это особая категория людей, что их вдохновение часто вспыхивает по причинам, не всегда понятным для всех, не обладающих способностью к образному мышлению.

Вероятно, историки-ученые в архивах меньше всего напоминают вдохновенных творцов. Скорее походят они на трудолюбивых пчел, собирающих с «тысяч венчиков» микроскопические капельки нектара знаний о прошлом. Впрочем, так это или нет, пусть судит читатель по следующему нашему рассказу.

«В ТРУДАХ ОТ ЮНОСТИ МОЕЙ...»

Стол как стол. Теперь таких уже не делают, вышли из моды. А в прошлом столетии их можно было найти во многих домах и канцеляриях России. Но этот стоит в архиве, и, наверное, он один из немногих столов, удостоившийся чести быть причисленным к архивным, а не к музейным реликвиям.

Раньше он был просто мебелью, значившейся в инвентаризационной ведомости Московского главного архива министерства иностранных дел. Наверное, под каким-то там номером стояло: «Стол письменный, крытый зеленым сукном» — или что-либо в этом роде.

Теперь же в Центральном государственном архиве древних актов в Москве он стоит на почетном месте, в кабинете директора. О нем говорят с уважением — ведь это стол, за которым 30 лет проработал Сергей Михайлович Соловьев.

Столы не умеют разговаривать, и они в отличие от школьных парт редко бывают изрезаны ножами. И никто не пишет на зеленом сукне черными чернилами своих инициалов, не поверяет столам своих дум.

И все же этот стол очень красноречив. Потертый, усталый.

А если бы он умел рассказывать!

Он познакомился с Соловьевым еще в те дни, когда Сергей Михайлович работал над своей магистерской диссертацией «Об отношениях Новгорода к великим князьям».

Как много людей мечтали, сидя за своими столами! Мечтали над документами, мечтали о будущей своей ученой работе. Сергей Михайлович тоже мечтал, но по-иному. «Отвлеченности были не по мне, я родился историком». Он мечтал скорее закончить диссертацию,

чтобы взяться за работу, в необходимости которой был уверен.

Работа эта должна называться «История России с древнейших времен». Его отговаривали, ему даже мешали. Мешал не кто-нибудь, а Погодин, занимавший кафедру русской истории в Московском университете. Погодина вполне устраивала фактологическая, бьющая по чувствам, но не дающая простора мысли «История» Карамзина. Соловьев говорил: «У Карамзина я набирал только факты: Карамзин ударял только на мои чувства...»

Погодин давно заметил Соловьева. Кажется, это был единственный студент, который осмеливался подсказывать профессору факты прямо на лекции.

Зато как он слушал, не проронив ни слова, лекции Грановского!..

Нет, не трогало этого студента красноречие Погодина, не захватывала красота описаний Карамзина. Впоследствии он писал: «...на историю смотрели преимущественно как на художественное словесное произведение». А он хотел заниматься историей, наукой. Он хотел думать над русской историей, Карамзина же можно было только читать. И он прочел его еще в юности раз этак двенадцать.

Погодин забеспокоился, когда Соловьев взялся за диссертацию. Рос конкурент, который может вытеснить его с кафедры. Погодин исподтишка стал мешать Соловьеву. Но молодой диссертант не обращал на профессора внимания.

Погодин не раз елейно спрашивал Соловьева:

— Что же вы, пишете диссертацию, а со мной о ней никогда не поговорите, не посоветуетесь?

Сергей Михайлович догадывался, что «советы» профессора могут увести его далеко, а потом ему хотелось дойти до всего самому. Его не устраивали уже

известные, опубликованные материалы, он уже полюбил свой стол в архиве.

— Я не нахожу приличным советоваться, профессор, потому что хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацию, она будет моя, а стану советоваться с вами и следовать вашим советам, тогда она не будет уже вполне моя.

Защита прошла блестяще. Но Соловьев опять уже за своим столом в архиве. Быстро пишется докторская диссертация. А вот и Погодин получил отставку. Его место занял Соловьев.

Он не красноречив. Он не растекается мыслью по древу. Краток, лаконичен, логичен. Он думает вслух, он пролагает студентам дорогу к обобщению, к пониманию исторических закономерностей.

И снова архив.

Снова стол. Загруженный, заваленный десятками, сотнями документов. Стол кряхтел, ему была не под силу такая тяжесть. Ученый методично, документ за документом, день за днем, вгрызается в прошлое отечества. А число архивных документов, никем никогда не обследованных, росло и росло.

Сначала Соловьеву казалось, что «История России» вырастет из хорошо обработанного университетского курса. И он его отрабатывал.

Но скоро понял: университетский курс можно будет создать только после подробной, доскональной обработки вот этих бесчисленных груд документов.

И он уже знал теперь, какова должна быть мера труда, вложенного в эти документы.

Свитки, столбцы, отдельные листы, какие-то уродцы книги, у которых высота превосходит ширину, золотые и позолоченные ковчежки, гербовники, летописи, евангелия, четьи-минеи. Он обходил хранилища архива и подсчитывал годы жизни. Годы, которые он проведет здесь, за этим столом. Но годов не хватало, а стеллажи,

шкафы, полки тянулись, громоздились друг возле друга, терялись в полутьме неразведанных углов.

Труд, на осуществление которого не хватит жизни.

Он походил сейчас на человека, готовящегося запереться от жизни в келье монастыря. И не запирался, не хотел запираяться от жизни, где готовились реформы, бушевала война, шли народные движения и остро, бурно была общественная мысль.

Вспомнились Берлин, Гейдельберг, Париж, Прага. Он успел побывать в этих городах как домашний учитель семьи графа Строганова. Вспомнились и лекции Гизо, Мишле — тех самых, знаменитых, чьи исторические концепции выросли на дрожжах Великой французской революции.

Но только на минуту ему пригрезились парижские бульвары, пражские холмы, берлинский зоопарк и растворились в полутьме архива. Зато он пишет о реформах Петра, хотя скоро с горечью скажет: «Преобразования производятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI или Александры II».

И снова тьма хранилищ. Шорохи. Не то мышей, не то оживающих бумаг.

Он решил, что проведет здесь жизнь. Но это не было бегством от жизни. Когда свyksя с этим решением, рассказал о том, как пришел к нему. Рассказал в «Записках» — «Мои записки для детей моих, а если можно, и для других».

Эпиграф гласил: «В трудах от юности моей...»

«Давно, еще до получения кафедры, у меня возникла мысль написать историю России; после получения кафедры дело представлялось возможным и необходимым. Пособий не было; Карамзин устарел в глазах всех; надобно было для составления хорошего курса заниматься по источникам...»

«Заниматься по источникам» — это означало: летом, осенью, зимой, весной в семь часов утра слегка скрипела дверь кабинета в доме Соловьевых. По скрипу можно было проверять часы.

До девяти утра дом погружался в тишину.

Ровно в девять опять скрипели двери. Потом хлопали и двери парадного. Сергей Михайлович шел в университет или в архив.

Иногда приходилось ездить в Петербург. Но и там работа с семи часов дома, с девяти — в столичных архивах.

Соловьев был избран ректором университета, деканом, но привычек своих не менял. Не имел права.

Он разговаривал только по необходимости и никогда за работой. Если к нему обращались в неурочное время, он попросту не отвечал. И только субботний вечер профессор выделял для отдыха. Отдыхал он большей частью в Итальянской опере.

Прошли 1849, 1850 годы. Весной 1851 года был готов к печатанию первый том «Истории России».

Сергей Михайлович не бил в литавры, он хотел как можно скорее сдать книгу в университетскую типографию. Но попечитель московского учебного округа Назимов вовсе не желал, чтобы такое «событие» прошло незамеченным. Как-никак, а его «попечительством» создается труд, споспешествующий прославлению российского самодержавия. Назимов был уверен, что писать российскую историю — это то же самое, что воссоздавать историю царствований. Ведь именно так писал Карамзин.

Назимов с восторгом посоветовал Соловьеву посвятить сей труд императору Николаю I. Это так просто, нужно лишь написать ходатайство, а он, Назимов, днями едет по делам службы в Петербург и, конечно же, получит «высочайшее соизволение».

Соловьев колебался. Он давно уже убедился, что Николай инстинктивно ненавидел просвещение, как поднимающее голову людям, дающее им возможность думать и судить, тогда как он (Николай. — *Ред.*) был воплощенное «не рассуждать». Когда Николай I умер, Соловьев смог сказать о нем только, что «Все, начиная с самого верха, стремились выйти из положения, созданного Николаем».

Но, с другой стороны, разве Соловьев отрицает монархические начала, просвещенную монархию, правящую, опираясь на народ?

О «просвещенной» во времена Николая Палкина не приходится и думать, а вот подумать о судьбе работы, которой давно уже решил он отдать всю жизнь, нужно. И Соловьев скрепя сердце написал ходатайство.

А много лет спустя весело рассказывал, как министр просвещения Ширинский-Шихматов отказался просить «соизволения», так как труд еще не закончен, имеется в наличии всего лишь один том.

— Когда кончит сочинение, тогда доложу!..

Но умер император Николай, умер и министр.

Еще несколько министров сменилось на «ниве народного просвещения».

А Соловьев сидел в архиве. Все за тем же столом. И уже десятки тысяч архивных документов были положены и сняты с его стола.

Том за томом. 30 лет. 29 томов.

Жизнь подходила к концу, а архивам не было конца-края. Соловьев уже не ездил в оперу. Ему уже невыносимо трудно стало подниматься с постели в семь утра. Но он спешил так, как не торопился четверть века назад.

Сдало сердце, болела печень. Врачи требовали бросить все и ехать на курорт. Тогда он не стал приглашать врачей. Его главной болезнью стала боязнь, что он не успеет окончить «Историю России».

29-й том ее вышел после 4 октября 1879 года.

А 4 октября 1879 года Сергей Михайлович Соловьев умер.

«29 томов его „Истории“ не скоро последуют в могилу за своим автором. Даже при успешном ходе русской исторической критики в нашем ученом обороте надолго удержится значительный запас исторических фактов и положений в том самом виде, как их впервые обработал и высказал Соловьев: исследователи долго будут их черпать прямо из его книги, прежде чем успеют проверить их сами по первым источникам».

Эти слова Ключевского верны и по сей день.

РАССКАЗЫВАЮТ ГЕРБЫ

В некоторых архивах, рукописных отделах публичных библиотек можно встретить роскошное издание — «Общий гербовник дворянских родов». Он покоится в дубовом ларце, каждое изображение герба, выполненное тщательнейшим образом, проложено тонкой рисовой бумагой, драгоценный переплет, богато украшенная застёжка.

Этот «Гербовник» показывают экскурсантам, иностранным посетителям. Он ценится как редкий памятник полиграфического искусства. Но уже давно к нему не прикасались руки исследователя. Это на первый взгляд и понятно. В наше время генеалогией интересуются только историки. В Советском государстве нет сословных предрассудков, нет расовой дискриминации, а значит, и отсутствует необходимость копаться в генеалогических материалах, выяснять происхождение предков. У нас одним из первых декретов советской власти были отменены всевозможные титулы князей, графов, баронов, дворянские звания и т. п. Естественно, что отпала и необходимость в изучении генеалогических ветвей того или иного рода, почему-либо претендовавшего на «благородное происхождение» или титул.

И генеалогия, как вспомогательная отрасль исторической науки, зачахла, а это повлекло за собою и падение интереса к таким вспомогательным историческим дисциплинам, как геральдика, сфрагистика (наука о печатях).

А может быть, и действительно геральдика, сфрагистика — это уже отжившие отрасли науки? Может быть, с исчезновением тех классовых, социальных условий, которые их породили, эти

дисциплины должны умереть, сохранив по себе лишь память как об этапе развития исторической науки?

Не раз нам приходилось слышать: «геральдика» — это «разрисованное, символическое прошлое русского дворянства», и если кто и может им интересоваться, то разве только коллекционер, но не серьезный ученый.

Но это не так. Геральдика и сфрагистика не мертвые науки.

Архивистам приходится очень часто сталкиваться с геральдической символикой, и очень часто она позволяет уточнить истину, поставить на место ту или иную историческую деталь, факт. И не случайно украинские научные работники-архивисты подняли вопрос о необходимости расширять изучение геральдических материалов, перенеся центр тяжести на изучение всевозможных знаков, орденов, значков последних лет, их происхождения, символики, их значения как источников.

Конечно, сам по себе герб не многое может объяснить историку. И если на нижегородском гербе было изображение бегущего оленя, а на ярославском — медведя, то делать выводы о том, что ярославское княжество славилось медведями и медвежатиной, а нижегородское — оленями и оленятиной, более чем наивно. Но герб в сочетании с материалами, описывающими происхождение его символики, уже очень ценный источник. Именно в таком сочетании геральдика обретает значение подлинной науки. А генеалогия становится наукой, наукой о наших предках, о их подвигах. Она важна для изучения истории войн, истории культуры и т. п.

Как известно, А. С. Пушкин очень интересовался генеалогией и именно не с точки зрения «дворянской мудрости», а с точки зрения национальной гордости. Пушкин дорожил знаниями о героическом прошлом России, дорожил и тем, что он происходит «от предков,

коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей». Степень знаний исторических, любил подчеркивать Пушкин, всегда характеризует степень культуры и культурности народа.

«Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упоминается имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины... Дикость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим. И у нас иной потомок более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историею отечества».

Никому, даже друзьям своим, Пушкин не прощал пренебрежительного отношения к прошлому России.

В 1836 году Чаадаев опубликовал свое известное письмо, в котором, в частности, отрицательно оценивал прошлое своей родины, пессимистически смотрел на ее будущее.

Пушкин любил Чаадаева, но не простил и ему:

«Что касается нашего исторического ничтожества, я положительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже войны удельного периода — ведь это та же жизнь кипучей отваги и бесцельной и недозрелой деятельности, которая характеризует молодость всех народов. Вторжение татар есть печальное и великое зрелище. Пробуждение России, рост ее могущества, движение к единству (единству русскому, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и окончившаяся в Ипатьевском монастыре. Разве это не история, а только бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история? А Екатерина II, которая включила Россию в систему Европы? А Александр, который ввел нас в Париж? (Положа руку на сердце) не находите ли вы чего-то величественного в нынешнем положении России, чего-то такого, что

должно Поразить будущего историка. Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы?.. Я вас уверяю, что ни за что на свете я не захотел ни переменить своего отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков».

Как известно, Пушкин, увлекаясь генеалогией, написал интереснейшее стихотворение «Моя родословная». При жизни поэта это стихотворение не было напечатано и разошлось во множестве списков.

Непосредственным толчком к написанию стихотворной генеалогии послужил очередной выпад против Пушкина пасквилянта и тайного наушника Третьего отделения Булгарина.

Булгарин высмеивал Пушкина, говоря, что тот якобы гордится своим аристократическим происхождением, а на самом деле Пушкин — «мещанин во дворянстве». И происхождение его темное, от негра, купленного пьяным матросом за бутылку рома. Стихи Булгарина были напечатаны в «Северной звезде».

Пушкин ответил:

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!

Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

...Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов.

И не был беглым он солдатом
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

...Мой прадед Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин...

И хотел напечатать этот ответ в газете Дельвига, но Дельвиг не понял Пушкина, уклонился от печатания, говоря, что это может только навредить поэту.

Между тем «Моя родословная», разошедшаяся в списках, достигла ушей жандармов. И это грозило Пушкину большими неприятностями, так как он задевал в своих стихах и сильных мира сего и даже царей.

Ведь «пел с придворными дьячками» не кто иной, как первый из Разумовских, тайно повенчавшийся с Елизаветой; «князь из хохлов» — канцлер Безбородко; «беглый австрийский солдат» — Клейнмихель, генерал, начальник всевозможных строительных работ; «ваксил царские сапоги» — граф Кутайсов, камердинер Павла I. Им противостоят предки Пушкина — участники Ледового побоища, Нижегородского ополчения против Лжедмитрия II, предки, избравшие на престол Михаила Романова и т. д.

Пушкин отписал шефу жандармов Бенкендорфу:

«Около года тому назад в одной газете напечатана была сатирическая заметка, где говорилось о некотором

литераторе, выказавшем претензии на благородное происхождение, в то время, как он был только мещанином во дворянстве. К сему прибавлялось, что мать его была мулатка, а ее отец, несчастный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий мало похож на пьяного матроса, я был означен достаточно явственно... Я счел должным ответить анонимному сатирику, что и сделал в стихах очень резко... Я отослал мой ответ покойному Дельвигу, прося его напечатать в своей газете. Дельвиг уговорил меня отказаться... Однако распространилось несколько копий моего ответа, на что я нисколько не досажую, так как в нем нет ничего, от чего я отрекаюсь. Признаюсь, что мне дороги так называемые предрассудки, я дорожу тем, что я дворянин не хуже кого бы то ни было, хотя это не дает мне никакой выгоды; наконец я дорожу именем предков, потому что их имя — единственное наследство, мной от них полученное...»

Пушкин хорошо знал своих прародичей. Несколько позже, в 1830 году, в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» он сообщал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского...»

Оказывается, Пушкин немного ошибался, говоря о родоначальнике своем Радше. Ошибка эта вполне понятна. Но выяснить ее удалось только с помощью геральдики и архивных документов.

Это сделал крупнейший наш знаток геральдики и генеалогии ныне уже покойный профессор В. К. Лукомский.

Пушкин утверждает, что Радша — «прусский выходец». И это утверждение подкрепляется рядом исторических источников, с которыми Александр Сергеевич был хорошо знаком.

Так, в «Бархатной книге» (названа по переплету), составленной после уничтожения местничества в 1682 году и содержащей роспись родословных русских удельных князей и крупнейших феодальных родов в России, упоминаются и Пушкины.

О родоначальнике их Радше сказано скупо: «...из немец пришел Радша».

Надо сказать, что Радша был родоначальником 30 родов, таких, как Пушкины, Бутурлины, Мусины-Пушкины, Кологривовы, Бобрищевы-Пушкины, Мятлевы и др.

Если заглянуть в ту же «Бархатную книгу», то можно обнаружить очень любопытные сведения. К изданию этой книги 1787 года приложен список 933 дворянских родов. Из них 804 показаны как нерусского происхождения; от иностранных выходцев в Россию — 96 родов и только 33 — несомненно имеют русского родоначальника.

Мания выводить происхождение русских дворянских родов от знатных иностранцев появилась в XVIII веке. Это имело свой социальный и классовый смысл — возвыситься над толпой, «неравной» по своему происхождению.

Из Пруссии, то есть из «немца», в том же списке указано свыше 120 фамилий, но в отношении по крайней мере 110-115 это сплошной вымысел и только Радша чуть ли не единственный чужеземный родоначальник, имя которого упоминается уже в XVI веке, в так называемом «Государевом родословце» 1555 года, составленном для Ивана IV и не дошедшем до нас в подлиннике.

Еще и раньше люди, занимавшиеся генеалогией, строили всевозможные предположения о том, когда Радша отъехал на Русь, и не о нем ли ведет речь древняя летопись, говоря о киевском тиуне Ратше, жившем в XII веке? Но все это были досужие домыслы.

Профессор Лукомский решил начать поиск о Радше с архивов, хотя казалось, что это заведомо неверный путь, так как в наших архивах не отложились документы XII и даже более поздних веков. От XI-XII веков насчитывается всего 8 документов. Они хранятся в рукописных отделах публичных библиотек и музеях.

Но Лукомский и не искал такую архивную древность. Ему было известно, что в 1797 году по повелению Павла I в России приступили к составлению «Общего гербовника дворянских родов». Сенатский указ требовал от дворян, чтобы те представили в Герольдию, так называли, по сути, еще Петровскую герольдмейстерскую контору, учрежденную еще в 1722 году, свои родословные и родовые гербы.

Дворяне, представляя родословные, изображения гербов, обязаны были также представить и соответствующие архивные справки, удостоверяющие, что эти родословные не выдуманы, а гербы действительно издревле употреблялись в данном роду.

В 1799 году, в год рождения А. С. Пушкина, дядя его Василий Львович Пушкин, гвардии Измайловского полка отставной поручик, внес в Московское дворянское депутатское собрание заявление о родословной Пушкиных и справку из Московского архива государственной коллегии иностранных дел.

Лукомский нашел прошение В. Л. Пушкина и описание герба Пушкиных: «Щит четверочастный: в верхней половине в горностаевом поле на пурпурной подушке с золотыми кистями алая бархатная княжеская шапка служит на память того, что выехавший в Россию из Славенской земли муж честный Радша, родоначальник Пушкиных и других однородцев их, еще под победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевал; в нижней части щита с правой стороны в голубом поле рука в латах, держащая концом вверх обращенный меч; сей

щит с самых древних времен был гербом королевства Славенского и издавна принят потомками Радши в доказательство происхождения их из Славонии; с левой же стороны в золотом поле орел с распростертыми до половины крыльями, держащий в когтях меч и державу, по свидетельству славенских и русских летописей, был обыкновенным фамильным гербом предков Радши. Над щитом шлем с пятью прорезями и с дворянскою над оным золотою короною, намет одного щита голубой с золотым подбоем, перемешанный местами с серебром».

По всей вероятности, Московское дворянское депутатское собрание запросило Московский архив коллегии иностранных дел, и оттуда пришел ответ за подписью известных нам уже архивных деятелей XIX века Николая Бантыш-Каменского и Алексея Малиновского.

Они писали: «Хотя по делам сего герба, в фамилии Пушкиных употребляемого, и не значится, но поелику род их показан в поколенной росписи, просителем предъявленной, происшедшим от Радши, выехавшего из Немец в княжение благоверного князя Александра Невского, то во всемилостивейше пожалованном 1760 года, февраля в 17-й день, генерал-фельдмаршалу и разных орденов кавалеру Александру Борисовичу Бутурлину дипломе на графское Российской империи достоинство, между прочим, значится в описании родового герба следующее: „В верхней левой части находится в горностаевом поле алая бархатная княжеская шапка с горностаевою опушкою под золотою дугою, украшенная малою золотою державою с крестом, в память, что из отечества своего Славенской земли вышедшие в Россию предки фамилии Бутурлиных еще победоносным знаменем великого князя святого Александра Невского против неверных воевали; в нижней же правой части оказывается в голубом поле рука золотая в латах, держащая концом вверх

обращенный меч; сей щит с самых древних времен находится и в щитах королевства Венгерского, яко герб покоренного ему королевства Славонии, а фамилия Бутурлиных из давних же времен имела оный, того ради сия часть щита и доказывает из Славонии происшествие; наконец в среднем или внутреннем, золотом щите представляется голубой орел с распростертыми до половины крылами и с малою золотою короною на главе, держащий с правой стороны в когтях меч, а с левой золотую державу, что как славенские и российские летописи свидетельствуют, издревле был обыкновенный герб фамилии“».

Мы уже знаем, что Бутурлины, так же как и Пушкины, вели свой род от Радши.

Но и Мусины-Пушкины также происходили от этого родоначальника. Лукомский вспомнил, что в 1716 году Иван Алексеевич Мусин-Пушкин получил графское достоинство и должен был вместе с дипломом на оное утвердить и свой герб. И действительно, в фонде Герольдмейстерской конторы, в книге решенных дел за № 66 он обнаружил описание герба Мусиных-Пушкиных. «Щит четверочастный, из которого в первой и четвертой частях, в серебряных полях орел голубой одноглавый с распростертыми крылами, который держит в правой лапе меч, а в левой глобус; во второй части, в серебряном же поле корона княжеская; в третьей же, в золотом поле рука, облаченная красным, со обнаженным мечом; над щитом шлем и над оным корона золотая графская, из которой выставлена рука, облаченная красным с обнаженным мечом...»

Таким образом, Лукомский пришел к выводу:

1) Что предание о выезде Радши «из немец» следует понимать как выезд из пределов Германской империи, точнее — из Славонии, утратившей свою независимость путем присоединения ее к Венгрии и вместе с нею в

1531 году вошедшей в состав священной Римской или Германской империи.

2) Что предание это не только сохранилось во всех ветвях потомства Радши, но и выразилось в соответственных и однообразных по существу значения эмблемах с самого начала формирования русской геральдики, то есть с начала XVIII века и даже до учреждения Герольдмейстерской конторы.

Далее Лукомский установил, что герб Радшей имеет три основные эмблемы; 1) княжеская шапка или корона, 2) рука с мечом и 3) одноглавый орел.

Лукомский особенно заинтересовался одной фигурой — рукой с мечом.

Сейчас, когда перед нами лежит «Временник Пушкинской комиссии», выпуск 6 за 1941 год, где напечатана статья В. К. Лукомского «Архивные материалы о родоначальнике Пушкиных — Радше», легко пересказать итог поисков геральдиста. А ведь он потратил массу времени, сил, пересмотрел огромное количество всевозможных гербовников, геральдических таблиц, архивных геральдических описаний.

И, наконец, находка: обнаружено то, что искал исследователь.

На государственной печати короля венгерского Фердинанда I 1531 года изображен щиток — третий сверху направо от зрителя, а на нем согнутая рука с вертикально поставленным мечом.

Это герб Славонии — страны, располагавшейся в северо-западной части Балканского полуострова между реками Дравой, Дунаем и Савой. В X-XI веках это было самостоятельное государство. Потом потеряло свою независимость.

Если судить по гербу — Радша выходец из Славонии. И действительно, восточная часть Славонии называлась

когда-то Расция — Рашская область (потом она известна как Сербия), жителей ее именовали ращами и ратцами.

Выходец из этой земли, может быть, и знатный у себя на родине человек, конечно, не мог претендовать на былую знатность, очутившись в Киевской Руси. Невероятно, сохранил только прозвище «Радша» — в смысле выходец из Рашской, Сербской земли. Значит, Радша не немец, не пруссак, а славянин из южных славян, сербов.

Да, но почему же и сам А. С. Пушкин, как известно, не очень-то жаловавший немцев, остзейцев, прилепившихся к царскому трону, почему Бутурлин, Мусин-Пушкин повторяют, что «Радша из Немца»?

Лукомский установил и эту ошибку, причем сделать это ему было уже не трудно. Пушкин не видел «Гербовника», так как тот составлялся фактически всю его жизнь, и только в 1840 году, через три года после трагической гибели поэта, была опубликована его «пятая часть», в которую и внесен герб Пушкиных.

В родословной справке под гербом написано, что «муж честен Радши» — «знатной славянской фамилии» и выехал он «из Семиградской земли», то есть Трансильвании.

Прусский же вариант его происхождения объясняется очень просто. Венгерский король Фердинанд I, на печати которого впервые попадает эмблема Славонии, в том же 1531 году был избран королем римским, а с 1558 года появляется и печать Фердинанда I, как императора Германской империи, Священной римской нации, просуществовавшей вплоть до XIX века. Об этом знали, видимо, составители «Бархатной книги» и, недолго думая, занесли Радшу в немцы.

Но поиск профессора Лукомского не окончен. Ведь остались еще две эмблемы на гербе Пушкиных —

одноглавый орел или скорее всего сокол и княжеская шапка.

Исследователь обнаружил сокола в родовых гербах старых феодальных фамилий хорватской и славонской знати XVII и XVIII веков.

Все подтверждало славянское происхождение Радши.

Вторая эмблема — княжеская шапка или корона — имела уже иное символическое значение: она означала, что Радша находился на военной службе и, как сказано в графском дипломе Мусина-Пушкина и как повторяют за ним и Василий Львович Пушкин и сам Александр Пушкин, служил Радша у великого князя Александра Невского.

В дипломе Мусина-Пушкина есть даже дата выезда Радши — 6706 год (или в переводе на наше летосчисление $6706 - 5508 = 1198$ год). Но Невский родился только в 1220 году. В 1240 году была битва на реке Неве. И вот в харатейном списке Новгородской летописи под 1240 годом попадает описание ратных подвигов Гаврилы Олексича, правнука Радши. Значит, сам родоначальник не мог служить Невскому, но он лицо историческое, хорошо известное русским летописцам. Жил он примерно на столетие ранее Невского и вполне мог быть тем самым киевским тиуном Ратшею у князя Всеволода II Ольговича, о котором говорится в Киевской летописи под 1146 годом.

Как видите, геральдика в сочетании с архивными данными и помноженная на пытливый, неутомимый труд исследователя нередко позволяет выяснить интересные и достаточно важные факты далекого прошлого наших предков.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ИЛИ УБИЙСТВО?

Золотая пушкинская осень облетела, откружила багрянцем, и теперь за окном хлещет холодный ноябрьский дождь да по утрам летают первые белые мухи.

В барском доме села Михайловского пустынно. Изредка проскрипит половицами нянюшка Арина, прикрикнет на собак конюх, и снова тишина.

В кабинете и днем потрескивают свечи да слышно, как царапает бумагу перо.

Первые сцены «Бориса Годунова» пишутся легко.

Воротынский.

Ужасное злодейство! Полно, точно ль
Царевича сгубил Борис?

Шуйский.

А кто же?

Кто подкупал напрасно Чепчугова?

Кто подослал обоих Битяговских...

Пушкин откидывается в кресле.

Кто?

Весь замысел его романтической трагедии построен на убийстве царевича Дмитрия Борисом Годуновым. А если Борис невиновен?

Пушкин листает X том «Истории» Карамзина. Нет, маститый историограф свидетельствует: «Начали с яда. Мамка царевича, боярыня Василиса Волохова и сын ее, Осип, продав Годунову свою душу, служили ему

орудием; но зелье смертоносное не вредило младенцу, по словам летописца, ни в яствах, ни в питии. Может быть, совесть еще действовала в исполнителях адской воли; может быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая меру ее, к досаде нетерпеливого Бориса, который решился употребить иных смелейших злодеев. Выбор пал на двух чиновников, Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, одолженных милостями правителя: но оба уклонились от сделанного им предложения...

Тогда усерднейший клевет Борисов, дядька царский, окольный Андрей Лупп-Клешнин представил человека надежного: дьяка Михаила Битяговского, ознаменованного на лице печатью зверства, так, что дикий вид его ручался за верность во зле... Битяговский дал и сдержал слово. Вместе с ним приехали в Углич сын его, Данило, и племянник Никита Качалов, так же удостоенный доверенности Годунова».

Нет, Карамзин не оставляет сомнений в том, что было совершено злодеяние. Но каков лукавый царедворец! Всячески поносит Годунова за убийство законного наследника престола, а сам так и льнет к царю-отцеубийце Александру I. Подождите, трагедия напомнит вам о кровавых делах, прикрытых царскими порфирами...

Поэт больше не заглядывает в сочинения Карамзина. Сцена за сценой, вот и Пимен в полутемной келье рассказывает Гришке Отрепьеву:

Ох, помню!

Привел меня бог видеть злое дело,
Кровавый грех. Тогда я в дальний Углич
На некое был послан послушанье,
Пришел я в ночь. Наутро в час обедни
Вдруг слышу звон, ударили в набат.
Крик, шум. Бегут на двор царицы.

Я Спешу туда ж — а там уже весь город.
Гляжу: лежит зарезанный царевич...

И вскоре Пушкин пишет Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена, я прочел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

И вот уже почти полтора столетия звучит со сцен оперных и драматических театров бессмертное творение русского поэта.

«И мальчики кровавые в глазах» не давали покоя царям. А загадка смерти малолетнего царевича Дмитрия осталась загадкой. И до сего времени историки спорят, был ли царевич убит или случайно наткнулся на нож.

Уже после того как прогремел пушкинский Борис, после смерти Н. М. Карамзина было найдено Углическое следственное дело. Допросы, возможно и под пыткой, следуют один за другим, и все в один голос твердят... Хотя, впрочем, вот как выглядел по следственному делу день 15 мая 1591 года в городе Угличе.

В шестом часу, в середине мая, самая погожая пора. Не жарко, но еще не спустилась вечерняя прохлада.

Лениво плещет Волга, обегая маленький городок Углич.

Лениво ворочаются мысли у дьяка Михаила Битяговского.

И только на царском подворье шумно играют в «тычку» большим ножом ребята.

Михаил Битяговский следит за ними, сонно сощутив глаза навстречу вечерним лучам солнца.

«Ишь ведь, царевич, а норовит словчить, как дворовые ребята. И не отличить, коли б не подергивался. Падучая. Небось на Москве, во дворце с

боярской челядью так бы и не попрыгал. Кончилась для вас Москва. И все Нагие, дядьки его Мишка да Гришка, да и сама царица Марья. Вишь, чего задумали — царя Федора в монахи постричь, а малолетнего царевича на престол взгромоздить. А Борис Федорович Годунов про то дознался, ну и в Углич...»

Битяговский вздыхает. Его тоже — в Углич. Заслали, чтобы глаз не спускал с царицы да с родичей ее — бояр Нагих.

Они его лютой ненавистью ненавидят...

Битяговский незаметно задремал. И когда заголосил колокол у Спасса, вскочил, истово крестясь.

Но колокол взывал не к богу, а к людям. И они сбегались на царицыно подворье, со всех сторон, толпились у входа в Спасс, что-то кричали, махали кулаками.

На ступенях Спасса появилась простоволосая Мария. У нее на руках лежал царевич Дмитрий.

Битяговский широко открыл глаза. В них ужас. На шее царевича глубокая рана, и из нее медленно вытекает черная кровь...

Это было последнее, что видел дьяк. Толпа угличан убила его и его сына, разгромила дворы приверженцев Годунова.

И поползли по Руси зловещие слухи. «Борька Годунов царское семейство извести хочет. Подослал убийц к малолетнему царевичу». «Сам на престол метит. Царь Федор блаженненький, все по церквам ездит, в колокола звонит — не жилец, а шурин царевича прирезал наследника законного».

В Москве переполох. Противники Годунова вслух называют его цареубийцей, указывают пальцем.

Царь Федор денно и ночью земные поклоны кладет за упокой души малолетнего страдальца.

Борис нервничает...

И дальше Углическое дело скупое повествует о том, как велось расследование.

В Углич спешит комиссия расследовать обстоятельства смерти царевича. Во главе ее боярин князь Василий Иванович Шуйский и дьяк Вылузгин.

Люто ненавидит Шуйский Бориса. Боярская спесь играет да зависть. Эх, как он мог насолить «выкормышу» Грозного царя!..

Но нет. Князь Шуйский — «муж велеречивый и блудливый». Он понимает, что, пока жив Федор, пока Ирина, сестра Годунова, — царица, Бориса-правителя не свалить, а самому голову потерять недолго.

Но ничего, он потерпит, придет и его час.

Две недели шли допросы.

Василий Шуйский рвал и метал. Ну, будто сговорились — кого ни спроси, все твердят одно: «падучая его сразила». А как это «падучая» могла носком по горлу полоснуть?

И снова допросы. Царица Мария бьется в истериках, поносит Бориса Годунова, убийц подославшего. Но на показаниях опальной царицы не состряпаешь дела.

Да Василий Иванович Шуйский про себя и сам сомневается в том, что смерть царевича — годуновских рук дело. С какой стати ему было убивать малолетнего? Если боялся, что после смерти царя Федора царевич Дмитрий на престоле окажется и тогда Нагие ему, Борису, отомстят за все, так напрасные опасения: царевичу престол не достался бы. Федор по навету того же Годунова завещал бы его кому-либо другому, к примеру, Ирине, жене своей и Борисовой сестре.

Сам на престол метит? Тут уже и подавно убивать не следовало. Ведь если подтвердится, что он убийц подослал, то не только престола, а кроме крепких стен кельи далекого монастыря, не видать Борису ничего.

И забралась в голову Шуйскому мысль: «Ан уж не бояре ли, что супротив Борьки да патриарха Иова,

царевича ножом полоснули, а потом на Бориса свалили? Оно бы сподручно — верное средство свалить ненавистного».

И вот в русской исторической литературе разгорелись споры. Убит или жертва несчастного случая царевич Дмитрий?

Карамзин был за то, что убит. Соловьев, много позже — также за убийство, ему вторит Костомаров. А вот Погодин, Арцыбашев и особенно Белов отрицают вину Бориса, признают правдивыми все строки следственного дела.

И по сей день в учебниках истории можно найти противоречивые показания: и убит, и зарезал себя сам.

Быть может, этот вопрос был бы и не столь существенным, но ведь он связан так или иначе с целой эпохой в жизни и борьбе русского народа с иноземными захватчиками. Что же касается Пушкина, царь-детоубийца — это очень своевременно. Это заставляло думать, делать выводы.

И вот когда мы уже готовы были поставить точку или еще один знак вопроса — убит или не убит, воскресное приложение к газете «Известия» — «Неделя» — опубликовало статью нашего крупнейшего источниковеда, блестящего исследователя истории древней Руси, академика Михаила Николаевича Тихомирова «Самозванщина».

Михаил Николаевич вновь обратился к следственному Углическому делу. В популярной статье он не рассказывает, почему это дело кажется ему сфальсифицированным. Академик Тихомиров уверен, что «факты в нем явно подтасованы, потому что главной целью следователей было все запутать, создать версию о случайной смерти». Не будем спорить с Михаилом Николаевичем, подождем, когда появится его специальное исследование. Он разрешил уже много исторических загадок, опроверг много ложных мнений.

Будем верить, что он разрешит и эту.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОШИБКИ

«И на славной Красной площади отрубили буйну голову...» — так поется в казачьей песне XVII века о кончине Степана Разина.

Но позвольте, разве Разина казнили на Лобном месте? Имеются самые разнообразные свидетельства как русских, так и иностранцев, что Степан Разин был обезглавлен «за Москвой-рекой», на Болотной площади. Именно на Болотной Разину должны были воздвигнуть памятник.

А что по этому поводу говорят архивы?

Молчат архивы. Бумаги Казанского приказа, который занимался делом разинцев, сгорели во время пожара 1702 года.

Затихли споры. Трудно было спорить, не имея в руках достоверных документов.

Старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов Е. Швецова просматривала дела Разрядного приказа. Дел много, и надо сказать, что в Разряде не всегда сидели писцы, отличавшиеся хорошим почерком. А тут, как назло, что ни дело, то такая тарабарская грамота — ничего не поймешь. Вот разве только небольшой отрывок, он написан более или менее читаемо:

«По злобе де своей проклятой и по лукавству начинания своего месть принял на Москве на Красной площади...»

О ком это? На Красной площади казнили не простых татей, а «воров» — преступников, поднявших руку на существующие порядки.

С трудом узнаются буквы, слова. Но труд не напрасный. Конец спорам! Расшифрованный документ

говорит о казни самого Степана Тимофеевича Разина 6 июня 1671 года.

Значит, все-таки на Красной, а не на Болотной площади!

Швецова старается прочесть дальше этот на редкость неразборчивый текст.

«...вздеты на высокие деревья (это, конечно, не деревья, которые растут в лесу или роще, а колья или высокие колы, жерди. — *Ред.*) и поставлены за Москва-рекой на площади до исчезновения». Теперь не трудно разобрать и предыдущую строку, в ней говорится об отсеченных руках, ногах и голове Степана Разина. Это они «вздеты на высокие деревья». Значит, вот почему некоторые современники, описывая казнь Степана, говорили о Болотной площади. Сами они казни не видели, а видели выставленные руки, ноги и голову Степана Тимофеевича и ошибочно решили: раз они стоят на «Болоте», то значит и казнь произошла здесь же.

СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ ЗНАЛ ПУГАЧЕВ?

Десять лет работал в Архиве древних актов Р. В. Овчинников. Его всегда привлекал поиск нового. И если он находил, то немедленно публиковал. Особенно интересны его статьи, посвященные истории крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. Овчинников не писал монографий, всякую находку, выяснение любой, даже, может быть, и не очень значительной детали он спешил сделать достоянием тех, кто интересуется отечественной историей, преподает ее в школах, институтах.

А ведь порою небольшое сообщение в журнале, газете скрывает за скупыми, короткими строками напряженную работу, многодневный труд.

Мы много раз восклицали: «И вот начался поиск!» Надо сказать, что поиск в архиве имеет свою специфику, отличающую его от поиска, который предпринял, например, писатель С. С. Смирнов в отношении героев Брестской крепости, и даже от архивных увлекательных поисков писателя Ираклия Андроникова.

Прежде всего нужно знать, что ищешь. Если Ираклию Андроникову, который ищет и находит многие частные коллекции, нередко приходится сталкиваться с тем, чего он не искал, но все равно интересным, то это, как правило, происходит потому, что в частных коллекциях обычно сохраняются реликвии. Само время их отобрало, проверило, просеяло, если так можно выразиться.

В архиве же документов, как-то связанных с тем или иным событием, обычно бывает очень много. Уже, кажется, не одно поколение исследователей работало над материалами по истории движения декабристов. Многотомные публикации, блестящие монографии Н. М.

Дружинина, М. В. Нечкиной оставляли впечатление, что в этой проблеме ученые не пропустили ни одной мелочи, прошлись по архивам, что называется, «под метлу». И вот неожиданно известный воронежский писатель-историк Н. А. Задонский обнаруживает целую связку, более 300, писем декабристов, писем, о которых не знали ученые. Конечно, это случайная находка, Задонский искал совсем иные материалы. Но она свидетельствует о том, что архивные фонды буквально неисчерпаемы. И по ним можно блуждать долго, тщетно, и никакие описи и путеводители в этих блужданиях не помогут.

Занимаясь историей крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, Овчинников прежде всего прочел все, что было опубликовано по этому вопросу. Сверил, какие документы были уже использованы учеными, отобрал неиспользованные и стал внимательно их изучать.

Вот он наткнулся на сообщение, что в секретных делах архива военного министерства А. С. Пушкин увидел уникальнейший документ — автограф Емельяна Пугачева. Овчинников проверил: действительно в приложении к «Истории Пугачевского бунта» в 1834 году Пушкин воспроизвел факсимиле подписи Емельяна Пугачева.

Подпись Пугачева? Но ведь ни для кого не составляет тайны, что Пугачев был неграмотным, не умел ни читать, ни писать. А подпись?

Может быть, все-таки Пугачев в конце концов научился писать? Может быть, напрасно Екатерина II злорадствовала по поводу его неграмотности и поспешила отругать своих высокообразованных генералов за то, что они не могли оправиться «с неграмотным мужиком»?

Овчинников был уверен, что он не найдет рукописей, «начертанных рукою Пугачева»; если бы Пугачев

научился писать и после него сохранились бы какие-либо подлинные рукописи, то за два столетия, прошедших с момента восстания, об этом стало бы известно.

Но исследователя увлекла иная задача. Если Пушкину посчастливилось набрести на что-то, что означает подпись Пугачева, то не сохранились ли другие пугачевские автографы?

Листать дела? Страницу за страницей?

Нет, Овчинников пошел другим путем. Он для начала решил выяснить, знали ли ближайшие сподвижники Емельяна Ивановича о том, что тот «грамоте не умеет». Или, может быть, наоборот, они свидетельствуют о том, что Пугачев все же одолел ее?

Наиболее вероятным казалось найти ответ на этот вопрос в протоколах допросов участников восстания.

Это был уже поиск. Протоколы, написанные скорописью XVIII века. Надо сказать, что скоропись XVIII века читается вряд ли легче, чем скоропись предшествующего столетия, хотя в XVIII веке уже был гражданский шрифт. Это немного повлияло на практику делопроизводственного письма, стали раздельнее писаться слова, стало меньше и выносных букв, уменьшилось и количество их различных начертаний, и все же читать подряд протоколы — трудная работа.

Наконец Овчинников нашел искомое. Думный дьяк (секретарь) Военной коллегии — пугачевской коллегии (ведь восставшие во многом копировали учреждения, которые были в то время в России) — Иван Почиталин показал: «хвастал перед ними, что он умеет писать на двенадцати языках».

Зачем неграмотному предводителю понадобилось хвастаться перед своими сподвижниками, понять нетрудно. Ведь крестьянские восстания той далекой поры проходили под царистскими лозунгами — против царя плохого, за царя хорошего, крестьянского. В 1773–

1775 годах крестьяне выступили против «плохой императрицы Екатерины II», за «хорошего императора Петра III». Таинственная смерть Петра III, народные слухи о том, что Екатерина сбросила своего муженька с престола за то, что тот-де волю крестьянам объявить хотел, легенды о его чудесном спасении и позволили Пугачеву воспользоваться этим именем. Трудно, конечно, гадать, насколько самому Емельяну Ивановичу была по душе роль «самозванца», но он довел ее до конца. Ну, а уж поскольку ты «царь», «император», «помазанник», то, конечно, должен уметь читать и писать, да и не только на «русском языке». Видимо, не многие, да и то из ближайших сподвижников Пугачева, знали о его самозванстве. Среди остальной же массы восставших Пугачев должен был поддерживать свой авторитет, а значит, и рекламировать свою грамотность.

Как-то раз, как выяснил Овчинников, Пугачев в присутствии членов своей «Военной коллегии», среди которых были и грамотные люди, решился исписать лист бумаги.

Овчинников и не рассчитывал, что найдет этот листок. Но ему надо было установить, какое впечатление на присутствующих произвел этот акт Пугачева. Ведь известно, что он любил говорить соратникам: де ему своей руки до самой Москвы показывать нельзя.

Исследователь выяснил, что на этом листе Пугачев начертил какие-то значки, некоторых из них отдаленно напоминали русские буквы. Видимо, Пугачев по памяти пытался их перерисовать.

Тот же Иван Почиталин показывал на допросе: «Писал один раз и сам Пугачев к губернатору письмо, но на каком языке, я не знаю, только слышал от него, что на иностранном». А вот показание и другого очевидца, другого секретаря пугачевской «Военной коллегии»

Максима Горшкова: «Видел я один раз, что самозванец (он, наверное, знал о самозванстве Пугачева, но назвал его этим именем, конечно, только на допросе. — *Ред.*) сам писал почерком на бумаге и по написании с полстраницы показывал пред ним стоящим с сими словами: „Прочтите-де, что я написал“. Но как написано было не по-русски, то все тут грамотеи сказали: „Мы-де не знаем, ваше величество, это не по-русски“. На что самозванец, улыбнувшись, сказал: „Где-де вам знать“».

Но вот другое любопытное свидетельство. Этот факт не мог придумать Почиталин. Оказывается, Пугачев однажды отважился отправить собственноручное письмо к губернатору оренбургскому И. Рейнсдорпу. И при этом сказал Почиталину: «Я-де в город послал указ, а послушают ли оно или нет, не знаю».

Если письмо дошло до губернатора, тот наверняка отослал его в Военную коллегию, не пугачевскую конечно. Овчинников почувствовал, что стоит на пороге находки.

Донесений много, среди них и рапорты губернатора Рейнсдорпа.

Но вот донесения от 24 декабря 1773 года. «При сем сражении (сражение 20 декабря 1773 года. — *Ред.*) передано от злодея три соблазнительных листа, из коих первой — на российском, а другой — на немецком диалекте (видимо, писал пленный поручик, ставший секретарем Пугачева, Михаил Шванович. — *Ред.*), а третий самим вором Пугачевым для уверений находящихся в толпе его, намаранной и не изъявляющий никаких литер, которые в оригинале под № 2 при сем приобщаются».

Нашел Овчинников и письмо. Оно было в конверте. На нем что-то нацарапано, что должно было означать адрес.

Поиск Овчинникова начался в Центральном государственном архиве древних актов, окончился в

Центральном государственном военно-историческом архиве, где хранятся дела Военной коллегии времен Екатерины II.

Но если есть два автографа, то могут быть и еще. Овчинников не прекратил поиск. И не ошибся. Найдены еще три «письма» Пугачева, писанные теми же знаками. Эти «письма» всегда были при Пугачеве и предназначались для удостоверения особы «законного императора Петра III». Пугачев именовал их манифестами. Они были найдены в Бердской слободе, в доме казака Ситникова, где в октябре 1773 — марте 1774 года находилась ставка Пугачева. Оренбургская секретная следственная комиссия переправила «манифесты» Екатерине II, а уже от нее они попали в следственные материалы о восстании. Эти материалы также хранятся в Центральном государственном архиве древних актов.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Город замер. Город застыл в морозной ночи. Но город не спал. Светились окна Зимнего дворца. Подслеповато помигивали свечи сквозь ледяные узоры на окнах Главного штаба. Снег, высушенный стужей, визжал, потревоженный лошадиной подковой, пронзительно скрипел под тяжелой поступью патрулей.

К Зимнему подъезжали сани. Чем чернее становилась ночь, тем больше подкатывало саней.

В Зимний свозили «злоумышленников», осмелившихся открыто, с оружием в руках выступить против крепостничества, против русского самодержавия.

Это была страшная ночь после восстания. Ночь с 14 на 15 декабря 1825 года.

А ночь после битвы принадлежит мародерам. В Зимнем мародерствовал сам император всероссийский Николай I. Он допрашивал арестованных.

Верховный правитель России в первый день своего царствования превратился в царственного сыщика, коронованного следователя, венценосного тюремщика.

«...Николай Павлович мог гордиться тем, что материал, который лег в основу следствия, был добыт им и только им на первых же допросах. Без отдыха, без сна он допрашивал в кабинете своего дворца арестованных, вынуждал к признаниям, по горячим следам давал приказы о новых арестах, отправляя с собственноручными записками допрошенных в крепость и в этих записках тщательно намечал тот способ заключения, который применительно к данному лицу мог привести к обнаружениям, полезным для следственной комиссии».

Характеристика, скажем прямо, блестящая, для сыщика конечно. И П. Е. Щеголев, давший ее, не ошибся. Он писал на основании архивных материалов, ставших доступными для исследователей после революции 1905–1907 годов. В руки Щеголева попали «Записки» Николая I об обстоятельствах, сопутствующих его вступлению на престол.

Вот как венценосный мемуарист описывает ночь с 14 на 15 декабря 1825 года:

«В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платья и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться».

Этим словам Николая можно поверить, если судить по тому, что в первые дни следствие велось действительно стихийно, безо всякого плана. Однако Николай Павлович в своих записках хочет явиться перед потомством как судия справедливый, нелицеприятствующий. Напрасные потуги, столь типичные для многих и не царствующих мемуаристов.

Император запугивал, император запутывал, император лицедействовал. Он был палачом, но надевал на себя черный плащ иезуита. Он мог послать семье Рылеева денежное пособие, но он же приказал заковать в кандалы и содержать под строжайшим арестом в Алексеевском равелине князя Оболенского.

А потом, когда уже были повешены пять декабристов и более пятисот их развезли по тюрьмам,

сибирским каторгам и рудникам, он мстил мертвым и живым. В «Записках» Николая декабристы — убийцы, изверги, тупые дегенераты.

«Сергей Волконский — набитый дурак, таким нам всем давно, известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал...» «Он собой представлял самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека...»

«Артамон Муравьев был не что иное, как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство».

«Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния... я полагаю, что редко найдется подобный изверг...»

Естественно, что эти характеристики никак не соответствовали действительному облику людей, впервые в истории России выступивших с открытым революционным действием, со своими программами революционного обновления родины.

Между тем образы декабристов, смысл их действий, их мечты, их жертвенность в течение XIX века обрастали самыми фантастическими слухами, вымыслами, которые не могли опровергнуть даже воспоминания многих из них, кто пережил Николая, был «прощен» Александром II и выступил в печати. И даже такой крупный буржуазный историк, как Ключевский, говорил: «Декабристы — историческая случайность, обросшая литературой».

Советские историки, руководствуясь ленинскими указаниями о декабристах, предприняли огромную изыскательскую работу, чтобы прежде всего сделать достоянием широких кругов читателей и специалистов материалы о первых русских революционерах-дворянах, дать правильную марксистскую оценку их идей и методов революционной борьбы. Центрархив к 100-летию восстания декабристов начал публикацию следственных материалов по делу дворян-

революционеров. Эта публикация заняла XI томов и выходила на протяжении 1925–1954 годов.

Это очень интересная публикация не только с точки зрения содержания материалов. Они сами говорили за себя. Но архивисты не забыли обратить внимание читателей и на «мелочи», которые так часто и столь напрасно игнорируются исследователями. А именно эти «мелочи» помогли понять, выявить массу чрезвычайно важных деталей.

Нумерация дел — деталь. В конце концов разве важно, под каким номером числился тот или иной декабрист в черном «Списке лиц, коих по делу о тайных злоумышленных обществах предаются... Верховному суду». Оказывается, не все равно. Если внимательно просмотреть дела, то на многих из них можно обнаружить не один, а сразу два номера, причем, как правило, второй номер написан карандашом.

Публикаторы следственного дела хорошо знали, что царские следователи случайных номеров не ставили. Вспомнили историю с бумагами Пушкина. Она настолько показательна, что о ней стоит рассказать, ведь и Пушкин жил, творил и погиб в годы, когда и ему светили идеи декабристов, в годы страшного николаевского деспотизма.

Пушкин умер. Жандармский офицер Ракеев тайно вывез его тело из столицы. Жандармы же забрали архив великого поэта в Третье отделение. Бюрократы Третьего отделения зарегистрировали каждую бумажку и каждую пронумеровали, расставив в верхнем правом углу листа красным карандашом цифры. Потом бумаги были возвращены семье. И постепенно стали исчезать. Их раздаривали знакомым и приятелям. К этому приложили руку не только члены семьи поэта, но и его ближайшие друзья.

В 80-х годах сын поэта передал сохранившиеся рукописи Пушкина в Румянцевский музей, а уже в

советское время все рукописное наследие поэта собирается Пушкинским домом в Ленинграде.

И вот тут-то и пригодилась жандармская нумерация. Ведь сохранилась масса стихотворений, которые по традиции приписывались Пушкину. Если просмотреть первое посмертное издание сочинений Александра Сергеевича, выпущенное Г. Н. Геннади, то количество не пушкинских произведений столь велико, что они умаляли и славу и художественную ценность творчества поэта. Недаром была сочинена эпиграмма:

О жертва бедная
Двух адовых исчадий!
Тебя убил Дантес,
А издает Геннади.

Выявляя доселе неизвестные произведения Пушкина, исследователи прежде всего обращали внимание на то, есть ли, или нет в правом верхнем углу красных жандармских цифр. Если есть, остается только сверить эти цифры с нумерацией основного пушкинского фонда. Если листа под таким номером в фонде нет — значит рукопись принадлежит Пушкину и попала в чужие руки после его смерти. Так были приобретены и так называемые «Онегинские рукописи» в Париже. Любопытно, что этот Онегин не пушкинский герой, а реальный русский барин, меценат, проживавший в Париже. Ему-то и подарил сын Жуковского пушкинские рукописи, пронумерованные жандармами.

Итак, вернемся к внешним «мелочам» следственного дела декабристов. Мы говорили о нумерации.

На обложке или на первых листах дела мы находим номер, обыкновенно сделанный карандашом и не совпадающий с тем, который проставлен в середине

обложки. Трубецкой числится по спискам под № 1, а на первом листе его дела стоит № 21, Каховский и по номеру в середине обложки и по списку — № 5, а на первом листе его дела проставлен № 27 и т. д. Эта вторая нумерация станет ясной только тогда, когда мы обратимся к концу каждого дела. В конце дел приложены сводки или «выборка из показаний» на данного декабриста, то есть выборка из дел других декабристов тех мест, где упоминается о том обвиняемом, в деле которого помещена эта выборка. В этой выборке дела декабристы значатся под первоначальными номерами, не совпадающими с номерами по списку лиц, передаваемых суду, так как список (в котором декабристы размещены в соответствии с классификацией степени их виновности) был составлен в конце следствия. Таким образом, карандашные номера более ранние, а окончательное оформление и нумерация дел, степень виновности декабристов были определены только в конце следствия.

Помимо показаний, которые обвиняемые декабристы давали на допросе в заседаниях комиссии, им посылались еще по месту их заключения письменные вопросы, на которые они там же писали ответы. Эти вопросы именовались «допросными пунктами». Вместе с ответами их возвращали в следственную комиссию. Если для ответов заключенному не хватало бумаги, тюремное начальство выдавало несколько листов, точно просчитывая их и иногда обозначая тот бастион или каземат, где находился данный заключенный. Такое обозначение делалось и на конверте, в котором возвращались допросные пункты с ответами в комиссию. Это позволяет нам узнать, где находился тот или иной декабрист во время следствия (например, Рылеев находился в каземате № 17 Алексеевского равелина,

Каховский — в «Аннинском бастионе», каземат № 5, там же Никита Муравьев в каземате № 4 и т. д.).

Любопытны наблюдения над некоторыми внешними особенностями дел отдельных декабристов.

В деле Якубовича важно обратить внимание на почерк. Якубович был темпераментным южанином, великолепным оратором, умевшим увлекать, убеждать. А вот его показания бессвязны, запутанны.

Сличаешь почерк его различных письменных показаний, и кажется, что их писали разные люди. И поэтому можно установить зависимость изменений почерка от изменения настроения Якубовича. На допросе в декабре Якубович писал: «Если нужна для примера жертва, то добровольно обрекаю себя». В начале 1826 года произошел перелом, и 9 января он уже говорит иное: «Чистосердечием и раскаянием я имею только надежду облегчить мою участь». И он дал все требуемые от него показания. Все эти изменения настроения Якубовича отразились на его почерке.

В конце каждого дела есть скрепа. Кажется, не все ли равно, кто «скрепил» дело? Нет, не все равно.

Возьмем дело А. С. Грибоедова. У Оболенского есть письмо с ясным намеком на участие Грибоедова в тайном обществе. Дела Оболенского и Грибоедова скреплены одним лицом — Ивановским, другом Грибоедова. Может быть, ему Грибоедов и обязан тем, что письму Оболенского не дали хода и Грибоедов к суду не был привлечен.

Как много может установить исследователь-публикатор, обращаясь к внешним признакам документов!

Говоря о следственных делах декабристов, трудно удержаться от рассказа о замечательном исследователе истории движения дворян-революционеров, нашем советском академике Николае Михайловиче Дружинине.

Николай Михайлович на редкость разносторонний ученый-историк. И блестящие работы о декабристах и капитальнейший труд о государственных крестьянах — это только начало перечня трудов Николая Михайловича, список же их очень длинный.

Если до сего времени мы говорили о поисках и находках, методах выявления подделок, экспертизе архивных документов, то, рассказывая о творчестве академика Н. М. Дружинина, прежде всего обратимся к его источниковедческому проникновению, к блестящей критике исторического источника по его содержанию.

А ведь источниковедческий анализ архивных документов — это важнейший этап той работы над ними, которая обязательна и для архивиста, выявляющего, описывающего, публикующего документ, и для историка-исследователя, изучающего на основании этих документов факты, явления, закономерности общественного бытия людей.

Академик Дружинин заинтересовался важнейшим программным документом Северного общества декабристов, так называемой «Конституцией», написанной Никитой Муравьевым.

Перед арестом, предчувствуя надвигающуюся беду, Муравьев порвал свою «Конституцию». Ее не оказалось и в следственных делах декабристов, когда с ними стали уже в начале XX века знакомиться исследователи. Но вот один из них, Довнар-Запольский, в книге «Мемуары декабристов» публикует текст «Конституции» Муравьева. Оказалось, что она хранилась отдельно от следственных дел. Историки ринулись к этому документу. И очень скоро выяснили, что перед ними текст «Конституции», написанной Муравьевым по памяти уже в тюрьме. Не очень удивились они известной умеренности требований, которые выразил Муравьев в этом варианте «Конституции». Тут и конституционная монархия и безземельное освобождение крестьян,

высокий имущественный избирательный ценз и почти нет никакого разрешения национального вопроса. Ужели под таким документом могли подписаться пламенный Рылеев, радикально настроенный Александр Бестужев, горячий Каховский?

Нет, не похоже. Наверное, Муравьев сознательно изменил текст «Конституции», да и нельзя забывать, что писалась она в тюрьме, по памяти. Судить об истинных намерениях и социально-политических взглядах членов Северного общества декабристов по этому тексту — значит неизбежно впасть в ошибку, невольно наделить их идеями, которых революционеры-дворяне не проповедовали.

Нужно было искать другой список, не тюремный. Но где искать?

В 1904 году от сотрудников рукописного отдела Румянцевского музея стало известно, что музею пожертвован портфель, в котором хранились бумаги замечательного декабриста, друга Пушкина — Пущина. Стало известно, что вечером 14 декабря 1825 года, когда уже и в Петербурге и в Москве шли аресты участников разгромленного восстания, на квартиру Пущина заехал поэт П. А. Вяземский. Пущин ожидал полицию. Ни на минуту не сомневаясь в том, что он будет арестован, Пущин передал Вяземскому запертый портфель с бумагами. И вовремя. На следующий день его арестовали. Следствие, суд, ссылка, Сибирь — 31 год Пущин провел в изгнании и только в 1856 году, после смерти Николая I, по «высочайшей амнистии» он, наконец, смог вернуться домой. Вяземский свято хранил портфель, хранил запертым, не притронувшись к бумагам, находящимся в нем.

А среди бумаг оказался текст «Конституции» Муравьева и записка с критическими высказываниями по поводу этого документа!

Текст «Конституции» переписан чьей-то рукой, но не Муравьевым. На полях чернильные и карандашные пометки, замечания. Но кто их делал? Когда они сделаны и вообще когда написана эта «пушинская», как ее стали именовать, копия «Конституции», насколько она отличается от тюремной?

На все эти очень важные вопросы ответить можно было лишь частично, ведь жандармские архивы оставались почти недоступными, как только самодержавие подавило первую русскую революцию 1905–1907 годов.

На все эти вопросы ответил академик Дружинин, как только после Октября открылись секретные архивы царских опричников.

Дружинин прежде всего выяснил, чьим почерком переписана «Конституция». Почерк оказался характерным, и принадлежал он Рылееву. Но зачем Рылееву понадобилось делать копию этого документа? На этот вопрос частично дали ответ пометки на тексте. Они, как показал палеографический анализ, принадлежали Бестужеву и Торсону, оба они были офицерами русского военного флота. Рылеев же готовил восстание в Балтийском флоте, вынашивал план захвата Кронштадта. Для них, для балтийских военных моряков, и переписал он программный документ Северного общества.

Но самое большое количество пометок на полях «Конституции» сделал барон Штейнгель. Он во многом был не согласен с Муравьевым. Штейнгель, пожалуй, был более последовательным сторонником идеи конституционной монархии, нежели Никита Муравьев. Он требовал самого строгого ограничения прав императора, сохраняя монарха только как символ, но не наделяя его никакими полномочиями. Вся власть — народным представителям. Не соглашался Штейнгель и

на имущественный избирательный ценз, о котором также говорится в этом варианте «Конституции».

Чернильные пометки сделал Николай Бестужев, поклонник английской парламентарной системы; читал этот текст и сделал незначительные замечания к нему и друг Пущина губернский секретарь Кашкин.

А вот дополнительную записку к «Конституции» составил Торсон.

Но как этот список оказался у Пущина? Теперь на этот вопрос ответить нетрудно.

Северное общество ориентировалось на расширение движения в Москве. Его сторонники были в первопрестольной, и для того, чтобы соорганизоваться, создать там тайное общество, в Москву ездил Пущин. Ему-то и вручили список, и этот список так и остался в его бумагах.

Но, помимо тюремного списка, пущинского, относящегося к 1824 году, был и еще один, так называемый «Трубецкой». Его назвали по имени незадачливого «диктатора» восстания князя Сергея Трубецкого. Он относится к 1822 году.

Академик Дружинин сравнил все три списка и выявил эволюцию взглядов членов Северного общества — декабристов, нарастание радикальных революционных настроений в их среде и в связи с этим изменение и программы. Это относится к различию текстов «Конституции» 1822 и 1824 годов. А тюремный список носит явные следы регресса, хотя в нем и учтены критические замечания, сделанные на полях редакции текста 1824 года.

Анализ, критика документа по содержанию, проведенные академиком Н. М. Дружининым над текстами «Конституции», являются образцом источниковедческого анализа. И по сей день на методах, выработанных Николаем Михайловичем, учится подрастающее поколение историков-исследователей.

ЧЕГО НЕТ В БИОГРАФИЯХ ПИСАТЕЛЯ

«Алые паруса», «Золотая цепь», десятки рассказов — как далеки они от революции, подпольной борьбы, ссылок, каторги! Наверное, и автор этих повестей и рассказов Александр Степанович Грин тоже был далек от революционной борьбы. Загляните во второе издание Большой Советской Энциклопедии, там писателя называют проповедником космополитизма, автором произведений авантюрно-детективного жанра. Что же, если действительно вспомнить творчество Грина, то многое из сказанного походит на истину.

В предисловии к избранным произведениям А. Грина, выпущенным Государственным издательством художественной литературы в 1956 году, вскользь сказано о знакомстве Грина с эсерами, его увлечении революционной литературой, о пропагандистской деятельности среди солдат Севастополя, аресте и тюрьме. «После Севастополя в биографии Грина наступает провал. Известно, что он был вторично арестован и сослан в Тобольск, но с дороги бежал, пробрался в Вятку и ночью пришел к старому больному отцу. Отец выкрал для него из городской больницы паспорт умершего сына дьячка Мальгинова. Под этой фамилией Грин долго жил и даже подписал ею свой первый рассказ». И далее: «Вскоре Грин опять был арестован по старому делу о принадлежности к партии эсеров, просидел год в тюрьме и был выслан в Архангельскую губернию».

Вот и все. И все почти точно. Но зайдите в Тобольский архив, и там вам покажут телеграмму из города Туринска. Ее послал 12 июня 1906 года туринский исправник тобольскому губернатору: «Административно-ссылные политические дворяне

Георгий Карышев, Александр Гриневский, одесский мещанин Михаил Лихонин, Гавриил Лубенец вчера скрылись благодаря скоплению в Туринске семидесяти поднадзорных, незначительного количества городских».

«Административно-ссылный» Александр Гриневский... попал в ссылку? Это он этапом был доставлен в мае 1906 года в Тобольск, а оттуда в Туринск и тут же убежал. Убежал не по дороге в Тобольск, как написано в предисловии, а с места ссылки. На ноги поднята полиция. Она рыщет по городам России. Проходит год, другой, третий, но нигде нет Грина.

1910 год. В Тобольск к губернатору приходит новая телеграмма, на сей раз от петербургского градоначальника: «27-го минувшего июля в Петербурге на 6-й линии Васильевского острова, дом № 1, кв. 33, арестован неизвестный, проживавший по чужому паспорту, на имя почетного гражданина Алексея Алексеевича Мальгинова.

Задержанный при допросе в охранном отделении показал, что в действительности он есть Александр Степанович Гриневский, скрывшийся с места высылки из Тобольской губернии, где он состоял под гласным надзором полиции...»

Арестован случайно, а не за прежние дела, не за принадлежность к партии эсеров!

И третья телеграмма, в которой тобольские власти извещаются о том, что писателя выслали вместо Тобольска в Архангельскую губернию, а ведь собирались вернуть в Тобольск.

— Архивисты открыли новые странички жизни Грина. И, наверное, откроют, уточнят еще многое из того, что не рассказал писатель в своей автобиографии.

Архивы помнят все!

СТРАНИЧКА ВЕЛИКОЙ ЛЕТОПИСИ

«Седьмого ноября в 6 часов вечера царские разбойники, совершили нападение на нашу типографию и отняли у нас печатный станок. Жандармы торжествуют. Торжествуйте, гг. жандармы, торжествуйте, ведь разбойничать ваша святая обязанность».

7 ноября 1903 года в Баку провалилась подпольная типография. Именно об этом свидетельствует листовка.

Но какая же это типография? Где она была расположена, что печатала, кто в ней работал? И уже воображение рисовало картину. Темная южная ночь. Город спит под охраной пылающих нефтяных факелов. Темно в домах. Пронзительный свисток жандарма, топот, выстрелы, крики.

Сколько таких или похожих эпизодов мы видели на экранах кино, читали в романах!

Но листовка скупно говорит только о том, что существовала типография, существовала нелегально и, по всей вероятности, наделала полиции много хлопот. Вот и все. И никаких картин, никакой фантазии.

А много ли подпольных типографий было в Баку в начале XX столетия? И обо всех ли нам известно ныне, полвека спустя?

Конечно, они были. Но знаменитая «Нина» была так блестяще законспирирована, что невольно взоры историков тянулись к ней. Какие же еще?

Этот вопрос поставил перед собой в конце 40-х годов молодой исследователь А. Гулиев. И поставил только потому, что, работая в архиве, он наткнулся на эту листовку. Сразу подумал о «Нине», но она в то время преспокойно работала, и, значит, нужно искать другую.

Поиск начался. Поиск в архиве, поиск документов. Гулиеву для его диссертации об июльской бакинской стачке 1903 года сведения о неизвестной типографии были не столь уж и необходимы, но настоящий исследователь (ныне А. Гулиев — доктор исторических наук, профессор) не может пройти мимо документа, сулящего разрешение пусть небольшой, но все же исторической загадки.

Конечно, можно было сразу сказать, куда Гулиев «направит свои стопы». Конечно же, к материалам фонда охранного отделения. К всевозможным филерским донесениям, рапортам по начальству, полицейским обзорам, описям документов, изъятых при арестах. И вот, наконец, опись документов, изъятых при аресте подпольной типографии 7/XI 1903 года.

Опись ничего нового не рассказала, кроме того, что типография была расположена «в крепостной части города».

И все же это была ниточка. Она натолкнула Гулиева на просмотр мемуаров. В книге «Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков» он нашел записки Аршака Хачиева. Хачиев в 1903 году работал в подпольной типографии. И нет сомнения, в той самой, искомой. Теперь Гулиев отправился в пеший поход по крепостному району Баку. Невелик этот район, но очень запутан. А потом многие старые дома уже заменены новыми. Где, в каком из оставшихся искать стариков, которые могли бы быть очевидцами событий почти полустолетней давности? Прогулки были поучительными, интересными, но Гулиева ждали дела.

Зимой 1950 года Гулиев приехал в Тбилиси, чтобы начать сбор архивных материалов, теперь уже для докторской диссертации. Но если исследователь искал следы загадочной типографии, то, как говорится, «призрак» типографии искал его. В Центральном государственном историческом архиве Грузии Гулиев

вновь и совершенно неожиданно наткнулся на документы таинственной бакинской типографии.

На сей раз это был уже обвинительный акт по делу того же А. Хачиева и С. Гуревича.

И хотя это было и не все дело, а только его часть, Гулиев узнал об изданиях, которые выпускала типография, познакомился со списком неизданных рукописей, прочел изложение прокламаций и листовок, отпечатанных обвиняемыми. Даже имя владельца дома, где помещалась типография, стало известно пытливому исследователю. Имя его — Мешади Абдул Салам Мешади Орудж оглы.

Теперь уже Гулиев считал своим долгом довести поиск до конца. И вновь Баку, крепостной район. Ученый собирает сведения о всех стариках, которые проживали в крепостном районе Баку в 1903 году и могли бы помнить владельца дома, где помещалась типография.

И вскоре усилия Гулиева увенчались успехом. Он нашел очевидцев ареста типографии. Они показали ему небольшой домик, рассказали, как в 1903 году он был оцеплен полицией, а из дома выносили какие-то ящики, выволокли станок.

Любопытным жителям соседних домов объяснили, что полиция накрыла логово фальшивомонетчиков.

Поиск закончен. Можно опубликовать интересную статью. И снова Гулиева отвлекли другие дела.

И только через десять лет профессор вернулся к своей находке. И оказалось, что архивы куда надежнее хранят документы, чем исследователи. Записи, наброски статьи исчезли. Не мог Гулиев вспомнить и дома и улицы, где помещалась типография. Умерли и старики, рассказавшие в свое время об аресте подпольщиков.

Что же, ужели все начинать сначала? И стоит ли «открытие» новых усилий, нового поиска? Не махнуть ли рукой или поручить кому-либо из учеников?

Нет, Гулиев начал все сначала, только немного изменил направление поисков. Он стал разыскивать полицейское дело об этой типографии, а заодно кого-либо из родственников владельца дома, где она помещалась.

И вот недавно стало известно, что профессор Гулиев познакомился с внучкой Мешади Абдул Салам — Рену Бабаевой. Внучка привела его к дому на углу Замковой улицы и 8-го Малого Крепостного переулка. В этом крохотном домике умещался станок системы «Гутенберг», на котором можно было сделать 200 оттисков в час. Были здесь две стойки с кассами, 15 пудов шрифта, 3 реала.

Маленькая подпольная типография сумела отпечатать 45 листовок тиражом в 65 тысяч, несколько ленинских брошюр, воззвания большевиков.

Это была еще одна подпольная большевистская типография в Баку. Еще один вклад в огромную летопись революционной борьбы пролетариата России сделал профессор Гулиев благодаря архивам.

ПОД НЕБОМ ТУРКЕСТАНА

9 февраля 1923 года при правительстве СССР был создан Совет по гражданской авиации, а летом того же года была открыта первая воздушная трасса: Москва — Нижний Новгород.

9 февраля стало днем Гражданского воздушного флота. И в этот день многие, кто уже привык ездить в командировки и в отпуск не поездом, а лететь самолетом, забывают о том, как молода авиация, забывают об ее трудном и часто трагическом детстве.

Россинский, Нестеров, Курочкин — они вошли в историю русской авиации не просто как живые люди, а сразу как живые легенды. Но ведь они были не одиноки.

Авиация была «модой», авиация увлекала любителей острых ощущений. Но первые авиаторы русские не хотели быть воздушными акробатами на потеху ревущей внизу толпе. Они видели будущее своих крыльев, они тянулись к нему.

В Центральном государственном архиве Узбекистана уже около пятидесяти лет хранится небольшая, всего в 12 листов, зеленая книжечка.

Она озаглавлена: «„Устав Туркестанского общества воздухоплавания“, Ташкент, Электротипография штаба туркестанского военного округа, 1912 год».

Далекое Туркестанское генерал-губернаторство. Куда ни глянешь — природные аэродромы. И небо чистое, синее-синее, ни облачка. Здесь не страшны туманы, здесь грозы и ливни желанные, но редкие гости. Здесь раздолье авиаторам.

И это понимали учредители Туркестанского общества воздухоплавания. Они хотели штурмовать туркестанское небо, они мечтали о создании платной школы летчиков для нужд армии.

И казалось, все благоприятствует порыву энтузиастов. Там же в архиве лежат старые, пожелтевшие газеты — «Туркестанские ведомости».

Откройте их страницы на числах, когда осенью 1910 года проводилась авиационная неделя.

На штурм туркестанского неба явился итальянский гастролер Кампо-Сцилло. С каким восторгом, взхлеб повествует газета о «чудесах», вытворяемых в небе итальянской «этажеркой»!

Ташкентский ипподром забыл о скачках, ташкентские бильярдные пусты: на ипподроме гастролируют знаменитые русские — Михайлов и Сегдов. О, они летают не хуже итальянца!

Вот, используя этот энтузиазм, и решили серьезные люди открыть школу. Но два года попыток были безуспешны, и только в 1912 году, наконец, отпечатали устав Общества воздухоплавания.

Первым летчиком, научившимся летать, в Туркестане был Малинников. Он был смел. Он не боялся аварий, которые часто терпел его аэроплан. И он погиб. В ноябре 1912 года чуть было не погиб и другой летчик туркестанец, В. Шидловский. На высоте 70 метров у него лопнул совсем новый пропеллер.

Лопнул, хотя пропеллеры, изготовленные из туркестанского ореха, не ломались. Но их в Туркестане не делали...

Эти катастрофы первых туркестанских авиаторов охладили энтузиазм толпы зевак и привели к тому, что Туркестанское общество воздухоплавания лишилось материальной поддержки. А когда началась первая мировая война, общество поспешило передать остатки своего имущества в пользу военно-морского флота.

И только зеленая книжка в архиве напоминает о первых робких шагах авиации в далеком безоблачном небе Туркестана.

ГДЕ ЖЕ ЗАЛЕЖИ СЛЮДЫ?

Романтическая профессия. Нужная, трудная.

Геологи!

Горные кручи. Быстрые реки. Болота, тундра, знойные пески. А они бредут. Они прощупывают землю, постукивают своими молоточками, словно стучатся в двери кладовых, слушают ее дыхание, как выслушивает врач больного. Но они ищут не очаги заболеваний, а новые источники богатств. Холод, жара, мошкара, а порой и хищные звери — их единственные спутники. И бредут, бредут...

Наугад?

Нет. Конечно, нет. Они знают, что ищут, знают, где ищут. Перед тем как отправиться в путь, долгие дни корпят над книгами, картами.

А иногда роются и в архивах. В последнее время все чаще и чаще стали интересоваться они, казалось, забытыми, никому не нужными бумагами.

Штабс-капитан Иванов не был геологом. И строевая служба его тоже не слишком привлекала. Зато леса и озера Карелии манили к себе чудесными, прохладными охотничьими зорями. Штабс-капитан умел читать звериные следы. Умел разгадывать лесные тайны. Но почему он не обращает внимания на токующих тетеревов? Его собака устала, застыв в напряженной стойке.

Штабс-капитан разглядывает следы. Здесь не проходил зверь, и они не ведут в берлогу. Следы уходят глубоко-глубоко под землю. А земля стыдливо прячет свои тайны. Земля помнит, как в 1911 году в Кемском уезде, Керетском лесничестве крестьянин Фирсов разгадал одну из них. Он узнал, «куда прячутся

огромные, невероятно большие запасы слюды». Тайник окружили люди. И давно уже на его месте дымит рудник Тэдино.

Штабс-капитан бывал на этом руднике. И теперь, когда ему встречается слюда, он вспоминает рудник. Слюда, ее следы встречаются часто. Большие запасы, наверное, не меньше, чем те, которые обнаружил Фирсов.

Состарился штабс-капитан. И, может быть, его давно нет в живых. Но в Государственном архиве Карелии хранятся шесть заявок, написанных его рукой. И в каждой рассказывается о слюде, месторождениях слюды.

Эти заявки читали многие. Кто молча, а кто и с неопределенным недоуменно-восхищенным возгласом: «Вот тебе и охотник!..» Читали и бережно клали на место. Потом забывали. И не потому, что не верили охотнику-капитану, а потому, что геологи считали, что слюду можно отрабатывать только с поверхности. Добытая из-под земли, она не имеет нужных промышленных качеств. А штабс-капитан писал заявки на подземные залежи.

И вдруг геологи опровергли самих себя. Именно добытая из-под земли слюда и есть самая ценная.

Геологи двинулись в новые походы. Архивисты вспомнили о штабс-капитане.

И начались поиски. Поиски в архиве. И вели их не геологи. В. Рупов, А. Осипова, В. Согияйнен были специалистами архивного дела. Но искали они материалы о всевозможных металлорудных и слюдяных ископаемых, искали забытые рудники, заброшенные шахты.

Искали в архиве. Искали два года. А вы теперь представляете, что означают эти поиски. Работа не очень-то веселая, но нужная.

И нашли. Несколько томов составили документы, которые потом и были доставлены в Управление промышленных стройматериалов Северо-Западного совнархоза.

И новые партии геологов отправляются в путь. И не только в Карелии. Они бредут по среднеазиатским барханам, они карабкаются по крутым, обветренным склонам исхоженного Урала, они прорубают себе дороги в уссурийской тайге, они иногда даже весело катят по шоссе Подмосковья.

Путь им указали архивисты.

40 тысяч забытых и вновь обнаруженных архивными работниками мест залегания полезных ископаемых — такие «массовые находки» не всегда выпадают на долю даже нескольких поколений геологов.

Забытые в прошлом, эти залежи послужат теперь будущему.

ЭНЕРГЕТИКИ НАВОДЯТ СПРАВКИ

XX век в XX веке величают по-разному. В начале столетия его называли веком электричества, так как пар хотя и оставался главным двигателем и на транспорте и в промышленности, но уже было ясно, что ему недолго господствовать — на смену идет электричество. Называют столетие «веком электричества» и сейчас, хотя прибавляют к этому: эра ядерной энергии, век физиков, век кибернетики, квантовых генераторов и т. д.

Но XX век — это век социализма и коммунизма.

А уж если брать «физические свойства» века, то, наверное, самым общим его признаком окажется то, что XX век — это время больших скоростей.

Космические скорости ракет, космические скорости счетных устройств, непостижимые для человеческого ума скорости во всевозможных ускорителях. И даже поезда, следующие все по тем же стальным рельсам, несутся теперь со скоростью, которая была еще недавно рекордной для самолетов. А самолеты летают со сверхзвуковыми скоростями.

Но, как ни странно, максимальные пределы количества оборотов в минуту у промышленных моторов, всевозможных вентиляторов, электросверл и т. д. остались в тех же пределах, что и 20–30 лет назад.

Сколько оборотов в минуту предельно может дать современный электромотор? Если брать серийные — то максимум 3 тысяч. Это для нашего времени немного. А если увеличить количество оборотов промышленных электромоторов хотя бы вдвое, то безо всяких иных затрат производительность труда резко возрастет, ускорятся вообще все производственные процессы.

Ученые задумывались об этом и раньше, в начале 30-х годов. Они, конечно, думали о будущем, так как в 30-е годы если и ощущалась потребность в увеличении скоростей, то технические возможности, уровень развития всего электрохозяйства как в СССР, так и во многих иных странах были все же недостаточными.

Зато остроощутимы были проблемы потребления дефицитных цветных металлов, специальной стали, в огромных количествах идущих на изготовление всевозможных электрических машин, трансформаторов, турбин. Существенным был и вопрос о весе летающих электростанций, так называли электрохозяйство самолетов, а также мелкого электроинструмента. И, конечно, ученых и практиков интересовало повышение вообще коэффициента полезного действия всех электростанций и электромашин.

Эти проблемы ставила жизнь, практика индустриализации нашей страны, электрификация всего социалистического хозяйства. И не случайно не кто иной, а именно академик Г. М. Кржижановский, так много сделавший для электрификации СССР, первым поднял эти вопросы в Академии наук и Совете Труда и Оборона. Он обобщал опыт прошлого и думал о будущем.

Что же прежде всего сдерживало скорость моторов? Оказывается, что переменный промышленный ток имеет определенную частоту. Эта частота измеряется герцами, то есть числом периодов в секунду. В настоящее время в Советском Союзе промышленный ток имеет 50 герц. 50 герц имеет и все электрохозяйство Европы. А вот в Америке в начале ее электрификации были установлены частоты в 140, потом 133, 125 герц. В 1893 году фирма Вестингауза провела большие исследования, и было установлено, что для сравнительно тихоходных промышленных моторов самая экономная частота — 60

герц. 50-60 герц — удобная частота. То же и для передач электричества на большие расстояния. Так, при 50 герцах возможна передача тока по проводам на 800-900 километров. А вот если довести частоту тока до 100 герц, то возможности такой электропередачи резко сократятся примерно вдвое, при условии равных потерь.

Но при 100 герцах число оборотов мотора увеличится с 3 тысяч до 6 тысяч. Это позволит строить не только генераторы, но и турбины с очень высоким коэффициентом полезного действия. Причем на строительстве турбин, трансформаторов, работающих при 100 герцах, будет достигнута большая экономия в дефицитных металлах. Асинхронные двигатели — двигатели с короткозамкнутым ротором, двигатели с контактными кольцами мощностью до 100 киловатт — станут гораздо экономичнее. Уменьшится вес электростанций на самолетах, удешевится электросварка. Частота переменного тока, таким образом, является одним из основных факторов, характеризующих физические свойства и технико-экономические показатели электроэнергетической системы в целом.

Стоимость, габариты, вес, конструкция электрических машин, экономичность оборудования — все зависит от частоты.

Под председательством академика Кржижановского и при участии академика Винтера, профессоров Шателена, Кулебакина и многих видных инженеров-энергетиков в конце 1934 года при Совете Труда и Оборона была создана специальная комиссия, чтобы изучить вопрос о возможностях перевода всего электрохозяйства нашей страны на частоту 100 герц.

Комиссия работала до 1937 года и пришла к ряду положительных выводов. И все же она вынуждена была признать, что «найти единую оптимальную частоту для

всего народного хозяйства Союза невозможно и что выгода основной стандартной частоты (50 герц) в общем и целом настолько еще велика, что переход на новую единую повышенную частоту комиссия рекомендовать не может. Правда, отдельные отрасли промышленности, такие, как текстильная, деревообделочная, где используется мелкий переносный инструмент, должны быть переведены на более высокие частоты». Было отмечено, что «в Советском Союзе ток повышенной частоты применяется пока еще сравнительно мало, но опыт предприятий, уже имеющих установки повышенной частоты (Горьковский автозавод, Ярославский электромеханический завод, некоторые разделы металлургии и т. д.), настойчиво говорит в пользу дальнейшего и более широкого использования переменного тока повышенной частоты в народном хозяйстве Советского Союза».

Комиссия на этом работу закончила. Дело сдали в архив СТО.

Прошли годы. Материалы комиссии из архива после ликвидации Совета Труда и Оборона были переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

Отшумела война. Отстроилось разрушенное хозяйство. Советский Союз возводил одну за другой гигантские электростанции, создавая Единую энергетическую систему страны.

На заводах и на фабриках новаторы производства стали наращивать скорости производственных процессов, автоматы, пришедшие на помощь людям, могли работать на таких скоростях, которые уже не под силу человеку.

И снова встал вопрос, все тот же: нужно повышать скорости промышленных моторов, нужно искать новые частоты переменного промышленного тока.

Но академик Кржижановский к этому времени умер. Умер и академик Винтер. Новые люди, новые академики и профессора были вызваны в Государственный комитет по координации научно-исследовательской работы, чтобы создать новую комиссию по изучению старого, по существу, вопроса. Эти новые не знали многого о работе комиссии 1934–1937 годов. Но среди виднейших наших энергетиков к работе новой комиссии был привлечен и Виктор Сергеевич Кулебакин, ставший уже академиком.

Виктор Сергеевич вспомнил, что в свое время Госплан, Главэнерго, изучив материалы работы комиссии 1934–1937 годов и придя к выводу, что «перевод энергохозяйства СССР на единую новую повышенную частоту (100 периодов) в настоящее время и в ближайшие годы является нецелесообразным», все же рекомендовал продолжать «изучать в Академии наук» эту проблему.

Кулебакину было известно, что в академии проблему не изучали. Значит, нужно прежде всего найти материалы работы комиссии Кржижановского. Ознакомить с ними новых людей, попробовать отыскать кого-либо из тех 150 профессоров, доцентов, инженеров, которые помогали в работе Кржижановскому. А уж после этого продолжить изучение вопроса о частотах тока применительно к состоянию народного хозяйства СССР, хозяйства, которое строится на основе новейшей техники, хозяйства 60-х годов.

Виктор Сергеевич не был специалистом по делам архивным. И неизвестно, сколько бы времени он разыскивал материалы. Но академик обратился за помощью к работникам архивов. Они очень скоро нашли две папки в переплетах, обтянутых красным дерматином. В одной папке документы об организации и финансировании комиссии академика Кржижановского, во второй — доклад комиссии Совету Труда и Оборона.

Доклад очень суммарный, но в нем имелись многочисленные ссылки на материалы исследований, проведенных комиссией. Они-то и составляли главную ценность. А материалов в приложении не было.

И снова поиски. И снова успех — нашлись приложения к докладу. Все эти материалы были вручены академику Кулебакину.

Они оченьгодились новой комиссии. И вновь Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (теперь он называется так) помог в очень важном деле строительства коммунистической экономики в нашей стране.

И если вскоре быстрее закрутятся моторы на заводах и фабриках, если уменьшится вес самолетных электростанций, если будут сэкономлены тысячи тонн дефицитных металлов, то в этом тоже будет частичка труда архивистов.

* * *

Много можно рассказать о находках в архивах нашей страны, листая газеты и журналы. Увлекательный поиск журналиста Дунаевского, отправившегося из хранилищ Центрального государственного архива Красной Армии по следам легендарного Олеко Дундича. Интересен поиск новгородских архивистов, не удовлетворенных тем, что в «Летописи жизни А. М. Горького» забыли замечательную речь писателя по поводу избрания его почетным краеведом города Горького. Нельзя не вспомнить об огромном труде, предпринятом почти всеми областными архивами в связи с перестройкой управления нашей промышленностью и сельским хозяйством, организацией совнархозов. И почти каждый

совнархоз получил от архивов копии документов о деятельности, структуре своих предшественников.

Мелиораторы Белоруссии изучают многолетний опыт осушения болот родного края, а агрономы знакомятся с исторически сложившимся севооборотом на колхозных полях.

Архивы, архивы, архивы — они ежедневно, ежечасно обращаются к настоящему и ставят на службу ему и далекое и недавнее прошлое.

И снова и снова в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Смоленске, Новосибирске спешат в архивы ученые, инженеры, педагоги.

Каждый день где-то среди старых бумаг обретаются новые знания, совершаются новые открытия.

И книга об архивах может быть продолжена в бесконечность.